

ВЫБОР

LAOS LP

На что вы готовы ради своей любви? Быть может, свернуть горы, пройти огонь и воду. Всё кажется сказкой, пока в один прекрасный день ты выбираешь отпустить свою любовь, ещё не зная, что слово "навсегда" окажется явью...

На что вы готовы, чтобы вернуть свою любовь? Быть может, пройти сквозь время...

Быть может, это и есть настоящая любовь...

Наш мир — это цепочка нелепых случайностей, в основе которых лежит выбор, который мы делаем изо дня в день. Выбор не может быть случайным. Выбор — отражение нашей души.

Часть 1

Дождись меня.

2345 г.

— 1-

— Когда я открою глаза, ты будешь рядом, — прошептала я, засыпая.

— Куда же мне деться? Я живу здесь, — улыбнулся Коллин, заботливо укрывая меня одеялом по самую шею. Я люблю тепло, люблю, когда он ласково прижимается ко мне своим большим обнажённым телом, а его руки настойчиво забираются туда, куда мне больше всего хочется. Его губы скользили по моему плечу, однако сейчас я совершенно не думала о близости. День выдался тяжелым.

— Я так устала, милый. Давай отложим на завтра.

— Я это уже понял.

— И не вздумай исчезнуть. Я отключила все средства связи, которые смогла найти. А если кто-нибудь встанет под окном и вздумает тебя позвать, я сброшу ему на голову аквариум.

Коллин громко рассмеялся. У него никогда не получается смеяться тихо. Да и в остальном он тоже не стремится быть незаметным. Когда друзья остаются у нас ночевать, а мы занимаемся сексом, они красноречиво стучат нам в стенку, а утром я не знаю, куда деваться от шуток и подколов.

Я тоже бываю буйной, словно вихрь, но чаще всего это происходит где-то глубоко внутри меня, потому как снаружи я всегда спокойна и уравновешена, и, как мне кажется, неспособна на какие-либо безумства. Сценарии моих «героических» мыслей обычно остаются только в моей голове.

Мы с Колином такие разные... Но в тоже время бываем удивительно похожи: мы часто выбираем одинаковые цвета и всегда уступаем друг другу. Наверное, потому что влюблены.

Любовь — это безумное и удивительное сочетание разных нелепых мелочей, каждая из которых в отдельности вызывает ласковый трепет. Я люблю его смех, его кривую улыбку и то, как он стесняется, если речь идёт о нас. Мне нравится, когда он меня ревнует и изо всех сил пытается это скрыть. Коллин старше меня на восемь лет, и его это бесит, учитывая то, что я выгляжу намного моложе своих двадцати семи.

Когда мы познакомились, он откровенно считал меня малолеткой. Но зов плоти, наткнувшись на неожиданную взаимность, оказался сильнее оскорблённого самолюбия и построил прочный мост между нашими берегами. Позже оказалось, что нам чертовски хорошо вдвоём не только в постели. Мы могли говорить часами и столько же молчать, не испытывая ни малейшего стеснения.

Плюс ко всему я понравилась его маме и друзьям, а это, что ни говори, немалая победа, потому как мужчины бывают иногда весьма зависимы от мнения близких людей.

Это сейчас Коллин говорит, что влюбился в меня с первого взгляда, но только мне известно, сколько усилий пришлось приложить, чтобы у него возникло и укрепилось в мозгу это впечатление. Мужчинам далеко до женщин в искусстве обольщения, да и голова постоянно занята не тем. Но всё же я знаю, что он искренне любит меня.

А что касается меня, то иногда мне кажется, что я не могу без него жить. Не знаю, кем бы я была, если бы его не было рядом. Это чувство — ощущение собственной никчемности, если только не с ним, если без него — пробуждало во мне противоречивые ощущения. С одной стороны, это было удивительное, прекрасное чувство. С другой — я больше не была свободной, словно молекула кислорода, какой я ощущала себя до встречи с Коллином. Я стала зависимой от него, и это немного пугало. Правда, теперь я ни за что в жизни не отказалась бы от этого чувства.

С этими мыслями я плавно, словно одинокий парусник в штиль, не в силах противиться закату, погрузилась в сон — такой сладкий и долгожданный, глубокий, без сновидений.

Утром я проснулась, как всегда, за две минуты до того, как сработал вибробудильник. По всему телу словно пробежал разряд бодрости, я чувствовала себя удивительно живой и полной сил. Мой желудок тоже проснулся и требовательно заурчал, напоминая, что хорошо потрудился сегодня ночью, переваривая пустоту. Я всегда забываю поесть, а когда вспоминаю, что ела в последний раз как минимум вчера утром, у меня делаются круглые голодные глаза, и я набрасываюсь на еду, словно бездомный кот на сметану.

Это выражение я прочитала в каком-то старом журнале, ведь в нашем полушарии уже давно нет бездомных животных. У каждого имеется либо собственный опекун, либо вид на жительство в городском питомнике.

При мысли о живых существах, я тут же вспомнила о своих любимцах — трёх красных рыбках: Солнце, Иванушке и Аркадии, которые наверняка уже проснулись, и хотят есть. Я вскочила с кровати и сладко от души потянулась, распрямляя непослушные спросонья конечности.

В ту же минуту сработал вибробудильник Коллина. Тот нехотя разлепил веки и приподнялся на локтях. Я щёлкнула на кнопку, и жалюзи на окнах поползли вверх. Солнце стремительно ворвалось в спальню и, будто специально, ударило Колину прямо в глаза. Он охнул и повалился обратно на подушку.

— Привет, — сказала я, любуясь, как утренние лучи играют в его густых чёрных кудрях. Как хорошо, что мода на бритоголовых мужчин канула в лету ещё тридцать лет назад. До сих пор не могу без содрогания смотреть свадебные записи родителей, где все мужчины, как один, светят лысыми черепами. Как моя мать могла влюбиться в отца, у которого в дополнение к отсутствию волос просто отвратительно торчали уши? У нас с ней весьма разные вкусы.

— Я мог бы поваляться в постели ещё минут двадцать — с укоризной сказал Коллин — Ты разрушила мою мечту.

— Какие могут быть мечты в постели утром, когда в двух шагах от тебя замечательная душевая комната, — сказала я, на ходу набрасывая халат, — Я сейчас покормлю девочек, закажу что-нибудь на завтрак, и вернусь.

— Среди трёх твоих девочек есть два мальчика, — напомнил Коллин. — Не возись с ними слишком долго. Я ужасно хочу есть.

Это было легко сказать: «не возись с ними слишком долго». В последнее время я уделяю своим рыбкам так мало внимания, что скоро они забудут, как я выгляжу, и всё то

время, которое я потратила, чтобы приучить их к своему обществу, пойдёт насмарку. А я столько усилий приложила, чтобы в нашем доме царила самая благоприятная аура, которую только могут подарить рыбки при правильном к ним подходе: ведь чтобы получать что-либо взамен, нужно уделять достаточно внимания и любить, самое главное, искренне любить тех, от кого ты хочешь добиться взаимности.

Наверное, мне не следовало держать своих девочек дома. Моя жизнь до того наполнена Коллином, родными, друзьями, что рыбки уже не доставляют того наслаждения, как было раньше, когда я ещё училась в университете, хотя свободного времени у меня было в три раза меньше. Всем нужно внимание, а я состою всего лишь из одной человеческой особи, и не могу разорваться на несколько частей сразу.

Краем уха я уловила, как заработал активатор потока горячей воды. Значит, Коллин уже в душе. Следовательно, нужно поскорее загрузить готовый завтрак в автоматическую печь, и присоединиться к нему. Коленки сладко задрожали, ладони стали тёплыми и влажными. Я обожаю заниматься сексом в душе. Мне нравится тепло, нравится, когда горячие струйки воды стекают по моей спине, нравится опускаться на колени и, обхватив руками бёдра Коллина, делать то, о чём стыдно писать. И ему тоже безумно нравится, хотя он никогда не говорит об этом. Но в глазах его сверкают молнии, когда я зову его заняться любовью в душе.

Такое трогательное и нежное выражение «заниматься любовью». Его признали нецензурным ещё в прошлом веке, и если бы меня кто-нибудь услышал, то посчитал бы вульгарной.

Слово любовь не подходит для определения такого процесса, как удовлетворения физического желания близости с другим человеком.

Любовь — это удивительное сильное чувство, возникающее между людьми. Оно нематериально и выражается в том, что люди искренне нуждаются в духовном и физическом общении друг с другом. Любовь нельзя создать искусственно. Она либо есть, либо её нет. А заниматься ею, как, например, выращиванием цветов или же приготовлением обеда, оскорбительно по отношению к самому понятию любви.

Так написано в учебнике по психологии секса, которую преподают в средних классах.

Я опять отвлеклась. Коробка с завтраком сиротливо лежала на краешке столешницы, а мои пальцы словно застыли в десяти сантиметрах от неё. Я очнулась, быстро сорвала с неё плёнку и сунула в печь.

Наверху явственно слышался звук льющейся воды. Это значило, что Коллин не закрыл за собой дверцу и ждёт меня.

Я здесь, милый. Одно мгновение, и я рядом с тобой.

— 2-

Я пришла на работу где-то к двенадцати, хотя планировала немного раньше. В нашем мире так важно всё успеть и при этом не опаздывать. А я постоянно опаздываю, хотя бы на три минуты, но опаздываю.

На десять у меня была запланирована встреча с доктором. Я опоздала на десять минут, но доктор Петров уже привык. В этом я ужасный педант: посещаю доктора каждые шесть месяцев согласно законодательству нашего полушария. Меня ещё ни разу не штрафовали. Я считаю это глупо, забывать о посещении доктора, как это постоянно делает мой двоюродный брат Виктор. Вдруг у тебя внезапно разовьётся рак? Современная медицина направлена не на лечение, а на предупреждение болезни, или же ликвидацию заболевания

на начальной стадии. В нашем городе всего один стационар для больных. Во все прочие больницы люди попадают в основном из-за травм.

Я с детства испытывала слабость к рыбкам, воде, и всем, что с ними связано, поэтому в выборе собственной профессии у меня не было ни малейших сомнений. Я консультант по продаже аквариумных рыбок в центре опеки над водоплавающими питомцами. Спектр работы у меня довольно большой: аквариумных рыбок так много, и к ним нужен особый подход. Ведь из всех живых существ они быстрее других способны создать вокруг себя и своих опекунов ауру бесконечного благополучия.

Вообще за последние сто лет увлечение человечества животным и рыбным миром достигло колоссальных размеров. Древнейшая наука Фэн-Шуй была досконально изучена, и множество из её утверждений научно доказаны. Человечество, наконец, осознало, как важно соблюдать гармонию во всём, что нас окружает. Стало не просто модно устанавливать аквариумы, но зачастую просто необходимо. Согласно множествам теорий, аквариумные рыбки не только способствуют росту благосостояния опекунов, не только успокаивают и расслабляют психику, они также могут лечить множество психических заболеваний.

Я не просто продаю рыбок. Я консультирую клиентов по вопросам подходящего выбора, ухода, юридической опеки, лечения питомцев. Я консультант, ихтиолог, врач и дизайнер интерьера в одном лице. Целых шесть лет своей бесшабашной молодости я потратила в университете, постигая таинства ухода за властителями водоёмов, однако ни разу не пожалела об этом.

На сегодня у меня накопилось двенадцать заказов, четыре из которых требовали выезд на дом к клиентам. Поэтому, когда я открыла свой видеоблокнот, мои глаза стали круглыми, как у телескопов, и оставались такими до самого вечера.

— Привет, у тебя видеозвонок, — это сказала Мария, наш специалист по организации доставок и содержания рыбок.

— Спасибо, дорогая, — ласково ответила я и взглянула на экран. Со мной хотел связаться Димарис, мой восьмилетний племянник, сын моего старшего брата Арнольда. Мы всегда были большими друзьями, и он чуть ли не каждый день требовал, чтобы я заскочила к нему вечером поиграть. Раньше я часто так делала.

Арнольд старше меня на семь лет, но нам всегда было о чём поболтать. Мы с ним более близки, чем с Виктором, хотя он младше меня всего на полгода. Арнольд уделял мне много внимания, особенно в переломный подростковый период, когда ни мать, ни отец были не в состоянии меня понять. Поэтому для меня стало настоящим шоком, когда Арнольд начал постепенно отдаляться, собравшись создать собственную семью с Ольгой.

Я долго обижалась про себя, и каждый раз, наведываясь в гости, из кожи вон лезла, пытаюсь обратить на себя внимание брата. Нельзя сказать, чтобы Арнольд полностью изменил своё отношение ко мне. Просто он был влюблён в свою жену, и целиком поглощён этим чувством. С появлением Димариса часть моей неразделённой любви к брату переключалась на него, и мы оба были от этого в восторге.

Прошли годы, и я чётко проследовала по стопам Арнольда, в том смысле, что едва в мою жизнь вошёл Коллин, Димарис занял в ней почётное второе место. В моём сердце не осталось ни капли обиды на брата, только понимание.

Я полюбила и повзрослела, как сказал папа. Но теперь я осознаю, что Димарис так же обижается на меня, как и я сама когда-то обижалась на его отца. И это будет продолжаться, пока он тоже не повзрослеет и не встретит свою вторую половинку.

Я поболтала несколько минут с Димарисом, пообещав ему несколько «как только, так сразу», отчего совесть противно засосала под ложечкой. Нажав кнопку разрыва связи, я уставилась на Марию, которая уже довольно долго смотрела мне прямо в лицо, не отрывая глаз.

— Не хочешь вместе пообедать? — миролюбиво спросила Мария, но я заметила, как она напряглась, ожидая ответа.

— Нет, спасибо, — также миролюбиво ответила я. — У меня столько заказов, что голова идёт кругом.

Мария вряд ли рассчитывала на другой ответ. Но в глубине души, скорее всего, надеялась, что я соглашусь. Интересно, как бы она отреагировала, если бы я всё-таки согласилась. Наверное, двояко: обрадовалась и огорчилась одновременно.

Когда-то мы были близкими подругами. Мы вместе учились в университете, посещали одни и те же лекции. Она тянулась за мной, я тянулась за ней. Также вместе мы устроились на работу в центр.

Мы с Марией представляли довольно гармоничный и слаженный рабочий союз. Тогда у нас не было секретов друг от друга. Мария встречалась с моим двоюродным братом Виктором, потом вышла за него замуж, и мы стали ещё ближе.

Но что-то в их браке не заладилось. Семейная жизнь пошла совсем не так, как им хотелось. Мария и Виктор внезапно отделились от внешнего мира и заперлись в своём узком семейном кругу, не подпуская никого ни на шаг. Тогда-то мы с Марией и потеряли нить, связывавшую нас все годы нашей дружбы.

Мария и Виктор расторгли брак полтора года назад. Они долго к этому шли, но всё-таки рискнули, наплевав на возможные последствия, ведь развод по современным меркам означает позор для обоих.

Разведённым довольно сложно, а порой и нереально заново устроить свою семейную жизнь. Большинство людей предпочитают просто жить вместе, втайне завидуя тем, кто сумел создать собственную семью, ведь на брак решаются лишь те, кто полностью уверен в своей половинке, поэтому процент разрушенных семей не так уж велик.

Как правило, в своей личной карточке, каждый обязан указать количество сексуальных партнёров, а также причину, по которой отношения дали трещину. Это неукоснительное требование семейных психологов.

Сначала введение подобных карточек вызвало неописуемый шок и казалось диким маразмом, но со временем, люди оценили то, как прозрачность отношений облегчает жизнь и взаимопонимание. Сразу становится понятно, как относится к тебе человек, насколько ему важно твоё прошлое и чего от него можно ожидать. Меньше боли, меньше подозрений и ревности. Случаи, когда это мешает жить, минимальны. И то это уж как посмотреть: мешает или наоборот, помогает.

Мою карточку Коллин при мне даже не захотел смотреть. Но я уверена, что втайне он выучил её наизусть. Я ведь не прятала её в личный сейф. И уж конечно я наверняка знаю, как он счастлив был увидеть себя под третьим номером. Три — счастливое число. Мне досталось двенадцатое место.

Не сильно приятно, но я стараюсь не думать об этом, учитывая то, что с девятью из своих прошлых пассий Коллин встречался не больше двух месяцев. Господи, ему ведь тридцать пять!!! Даже меньше, чем по одной девушке на каждый год сексуальной жизни. Но остальных двух, которые разделяют со мной тройку постоянства, я готова закинуть на другое

полушарие. Учитывая, что Коллин испытывает те же чувства по отношению к двум моим бывшим мужчинам, мы с ним квиты.

Мои мысли снова убежали в совсем другую сторону. Я ведь говорила о Марии и моём двоюродном брате. После развода они ничего не стали объяснять, хотя вопросов у родных было множество. Следует сказать, что характер у Виктора достаточно сложный. У него было тяжёлое детство, полное слёз и лишений.

Семья его родителей сложилась очень романтично. Отец был двоюродным братом моей мамы, а мать — папиной сестрой. Их отношения завязались на свадьбе моих родителей. Никто тогда и подумать не мог, что роман, начавшийся столь красиво, закончится так быстро и трагично. Они оба погибли так нелепо и случайно, что из уважения к их памяти, мне не хочется об этом вспоминать.

Виктору тогда было десять. С тех пор он воспитывался в нашей семье на равных правах со мной и Арнольдом, но всегда держался немного особняком. И ещё я знаю одно: я всегда нравилась ему. Может быть, чуть больше чем просто сестра: женщины такое чувствуют.

Однако ни он, ни я никогда не подавали виду, что знаем эту тайну. Это был его секрет, и я не хотела иметь к нему никакого отношения. Впрочем, я всегда подозревала, что Марию он выбрал неслучайно. Ему нравилось всё, что имело отношение ко мне.

Естественно, я спрашивала его о причинах разрыва и о том, хорошо ли он подумал, решившись на этот шаг. Виктор объяснил мне кое-что такое, что я не сильно поняла. Мария тоже не пошла на откровенность, но в личной карточке Виктора был указан страшный диагноз: полигамен, склонен к супружеской неверности. В глазах некоторых женщин это даже плюс. Но создать семью с нормальной девушкой с такой пометкой в личной карточке практически нереально.

С тех пор наши отношения с Марией стали напоминать разбитую вазу, наспех склеенную чем-то отдалённо напоминающим клей. Мы не грубили друг другу, не строили козней, но чувствовался какой-то холод. Мы работали, словно роботы на конвейере: всё слаженно, продуманно, без души. От этого было немного больно, но менять что-то, если честно, не очень хотелось.

Видеофон снова подал сигнал. Это была клиентка, к которой нужно было ехать на дом. Нужно работать. Ну где же вы, мои рыбки. Сейчас я подготовлю вам сосуд для транспортировки, и мы поедем знакомиться с новой мамочкой.

— 3-

День выдался тяжёлым, но интересным. Я немного припозднилась, но это оттого, что не могла отказать себе в удовольствии пройтись по общественному универмагу. Шопинг — это болезнь, которой болеют в основном женщины. Коллин от этого просто шизеет. Диагноз: неизлечимо. И в моём и в его случае.

Сегодня я нарочно взяла с собой только карточку на продукты: хотелось приготовить шикарный натуральный ужин. Но у витрины нижнего белья я пожалела о первом и напрочь забыла о втором. Отошла я только в отделе готового платья, когда оказалось, что у них нет моего размера того божественного серебристо-фиолетового платья, от которого у меня уже месяц текут слюнки.

Карточки на разные товары — это просто спасение для таких, как я: идешь за одним и покупаешь то, что нужно. Хотя это и невероятно скучно.

Когда я пришла домой, Колина ещё не было. И когда я приготовила ужин, он тоже не

появился. В последнее время он часто стал задерживаться после работы, хотя это не приветствуется нигде, кроме разве что служб спасения и скорой помощи. Несколько лет назад я твёрдо пообещала себе, что не буду заморачиваться насчёт измен, если мужчина не даёт для этого иного, кроме задержек на работе или с друзьями, повода. И я стараюсь не надоедать ему звонками, хотя Коллин искренне на это обижается.

У Коллина очень интересная — с мужской точки зрения — работа. Он специализируется на геологических исследованиях на других планетах нашей галактики. Он также неплохой космопилот. И я так рада, что в своё время умные люди придумали роботов, которые сами летают на другие планеты и исследуют их обычно без присутствия человека. Коллин следит за исследованиями здесь, на Земле. Работы над геологическими пробами также проходят в специально оборудованных лабораториях Земли, куда материалы попадают после того, как пройдут обязательную проверку на экологическую безопасность на Марсе.

Коллин работал на Марсе около трёх лет, после чего был направлен в космическую группу по непосредственному изучению геологической поверхности соседних планет. Он много раз летал в космос, пока руководители не решили, что его опыт гораздо полезнее здесь, на Земле. Чему я бесконечно рада.

Свой последний полёт Коллин совершил более двух лет назад. Тогда я его ещё почти не знала. И слава Богу. Разлука с ним — это не то испытание, которое я готова выдержать.

Ждать любимого, не зная, когда он соизволит прийти, — занятие неблагодарное. Не спасают даже любимые рыбки. Из всех троих я лучше всего понимаю Аркадию. Но способна ли Аркадия понять то, чем я хочу с ней поделиться. Вряд ли: у неё целых два мужчины и оба под боком. Это несомненная привилегия для довольно скучной жизни в пределах аквариума.

Я всё-таки не выдержала и нажала кнопку видеофона. Коллин отреагировал мгновенно.

— Привет, как дела?

— Отлично.

— Извини, я снова забыл о времени.

— Я начинаю к этому привыкать, — мне не удалось скрыть грусть, явственно прозвучавшую в этой фразе.

— Не стоит, — Коллин смущённо улыбнулся. — Это временное явление.

Я вдруг вспомнила, что Коллин сейчас работает над совершенно новым, поистине уникальным проектом, который находится под большим секретом. И тем не менее о нём уже знают все, кого это касается или же коснётся в ближайшее время. На последней четырнадцатой планете Далида 5, которую открыли в нашей галактике ещё 200 лет назад, неожиданно обнаружили вещество, которое охарактеризовали как нефть. Последние месторождения нефти на Земле были истощены ещё в 2111 году. И хотя человечество достаточно долго готовилось к этому моменту, переходя на альтернативное топливо и искусственную нефть, исчезновение чистой природной нефти оказалось катастрофой прежде всего для медицины.

Нефть была необходима людям, хотя последние 200 лет человечество как-то умудрялось жить без неё. И даже весьма успешно развиваться.

Эта леди-призрак поглотила все ведущие научные умы и моего Коллина впридачу. Он часами зависает в лаборатории, проводя исследования и подготовку к геологическим разработкам на самой Далиде 5, которую уже оккупировали десятки роботов.

На мониторе видеофона мне было видно, что Коллин сейчас не в лаборатории. Я внимательно смотрела, но никак не могла понять, где он находится.

— Ты где?

— Я скоро буду дома.

Так-так. Коллин увильнул от ответа. Ничего, у меня сотни способов отомстить ему прямо сейчас.

— Можешь не сильно торопиться.

Но мой мужчина оказался умнее. Он не клюнул на мою неуклюжую попытку затеять ссору.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Медитацией. Любуюсь собой и наслаждаюсь тем, как я красива.

Я переключила видеофон на трёхмерный спектр, чтобы Коллин мог видеть всю комнату, подошла к зеркалу и медленно спустила с плеч бретельки домашней туники. Ткань вызывающе медленно заструилась по телу и плавно опустилась у моих ног. Зеркало подтвердило, что у меня действительно есть на что посмотреть.

Я придерживаюсь натурального стиля. У меня всё от природы: длинные тёмные волосы, грудь четвёртого размера, ягодицы, ноги. Я никогда не делала пластику лица и стараюсь не использовать много косметики. Я не фанат своего тела, но должна согласиться, что выгляжу неплохо, особенно если надеть что-нибудь вроде того божественного серебристо-фиолетового платья, которого мне не суждено купить.

Представляю себе, каково сейчас Колину. Я нечасто хожу по дому без одежды, и увидеть меня голой можно разве что в процессе.... Но тогда не сильно получится порассматривать.

Коллин обожает бродить в одной футболке, так что я всегда могу любоваться его сильными ногами. Всё остальное у него тоже на высоте, однако сам Коллин считает себя слишком худым и жилистым. Собственное лицо его тоже не приводит в особый восторг, но я с ним категорически не согласна. Если бы Коллин мог взглянуть на себя моими глазами, то понял бы, почему я так сильно его люблю. Он очень нежен, и это качество придаёт его лицу особую тонкость и шарм.

Пока я любовалась собой, Коллин отключил видеофон. Должно быть, его душа не выдержала подобного зрелища. Тем лучше — тем быстрее он примчится домой.

Как я и ожидала, Коллин вернулся довольно быстро. Ещё с порога на его лице заблагоухала довольная улыбка.

— Пахнет просто волшебно. Что ты сегодня приготовила?

— Огромного кальмара, фаршированного перепелиными яйцами, сметаной и сыром, сибирские яблоки в тесте и огромное блюдо картофеля с жареным луком.

— Обожаю, когда ты готовишь... — сказал Коллин, жадно целуя меня в губы. — Обожаю тебя, особенно, когда ты бродишь в одном белье.

Вот досада: я забыла одеться. На мне были только трусики. Ну почему я всегда что-нибудь забываю. Я рванулась наверх в спальню, Коллин последовал за мной. То, что происходило следующие минут десять, мне, пожалуй, не стоит описывать. В итоге одежды на мне стало ещё меньше.

— Наш кальмар остынет, — прошептала я, одновременно пытаюсь привести дыхание в обычный спокойный ритм. Коллин довольно потянулся и замотал головой.

— Мне не хочется идти вниз. Жаль, что мы отказались от робота-официанта. В такие минуты понимаешь всю прелесть роботехники.

— Ты не разведёшь меня на то, чтобы я принесла ужин в постель.

Коллин улыбнулся и перекатился на живот. Он видел меня насквозь. Конечно, я принесу. Я часто так делаю, хоть это и неправильно — излишне баловать любимого мужчину. Зато Коллин никогда не оставляет после себя грязную посуду.

— Сиди, — сказал он, когда я собралась с духом идти вниз на кухню. То, что прозвучало далее несколько сбило меня с толку. — Я сам всё собираю. А ты одевайся. Мне хочется поужинать где-нибудь вне дома.

— Где?

— Скажем, там, где есть трава, мох и запах земли.

— Надо же. Нефтяные пары вдохновили тебя на романтику.

— Я могу обидеться.

— Ты на меня никогда не обижаешься.

— Сегодня могу. Я весь на нервах.

— По-моему, твой стресс мы уже сняли самым проверенным способом.

— Меня окатила новая волна. Пойду заодно взгляну на твоих рыбок.

— Хочешь расслабиться?

— Нет, просто нужна мужская поддержка.

На природу, так на природу. Я лёгкая на подъём, меня не нужно упрашивать дважды. И всё же было немного досадно, что Коллин вышел из спальни, полностью уверенный в том, что я не буду возражать. А что, если я хочу сейчас, например, понежиться в джакузи. Или вызвать передвижной театр и насладиться выступлением актёров-роботов. Бред. Все знают, что передвижные театры вот-вот канут в лету. Роботы никогда не смогут заменить настоящего таланта, а в последнее время люди начали ценить всё естественное.

Может, стоило учиться на актрису?

Впрочем, какая из меня актриса: я даже Коллина не могу разыграть. И что было бы без меня с моими питомцами?

Я быстро надела серебристо-голубое трико, плотно обхватывающее тело, словно вторая кожа. Такие вещи неприлично носить с таким бюстом как у меня, поэтому сверху я накинула лёгкую полупрозрачную тунику. Волосы я заплела в косу: на улице мог быть ветер.

Для Коллина я достала эластичные джинсы и облегчённый свитер крупной вязки — мою гордость. Я заказала его у бабушки-вязальщицы, которую случайно нашла по соседству с домом одного из моих клиентов. Одежда ручной работы — это такая редкость.

Коллин справился быстрее, чем я. Пока я любовалась собой и наводила красоту, он успел собрать ужин и упаковать всё в аэромобиль. Оделся он тоже за две секунды.

— Полетели?

— Полетели. Ты уже знаешь куда?

— Понятия не имею. Сейчас решим.

Вообще-то по правилам следовало заранее забронировать место у местного наблюдателя, чтобы в случае чего не пришлось платить дополнительный штраф. Но мы обычно ведём себя аккуратно, а вся эта волокита с разрешениями напоминает, по словам Виктора, древнюю систему бюрократии. Что значит бюрократия, я понятия не имею. Виктор историк и любит все эти фокусы прошлого тысячелетия. А я не люблю прошлого. Копание в чужих ошибках, совершённых ещё бог знает когда, вряд ли может вдохновить на что-то полезное. Я предпочитаю жить сегодняшним днём.

Вечер был довольно тёплым, поэтому нам пришлось пролететь несколько лишних километров, чтобы оказаться в относительном одиночестве. Практически во всех мини-

парках кто-то был: влюблённые парочки, семьи с детьми, компании подростков.

Пришлось лететь за город, хотя это строго запрещено. Но мы никогда не позволяем вести себя по-свински. Коллину нравится за городом. Там тишина, открытое пространство и много-много звёзд. Как у любого космонавта, у Коллина неизлечимая тяга к звёздам.

Я лично никогда не покидала Землю. Не то чтобы я не люблю космос, просто я не нахожу в нем той романтики, какую видят другие. Что интересного в том, чтобы сидеть на борту корабля и сквозь иллюминаторы любоваться поверхностью другой планеты. Что толку лететь куда-то, если всё равно нельзя никуда выйти. Высадка людей на необорудованных участках планет запрещена.

Вот если бы можно было бы посмотреть, потрогать, пройтись. Но горький опыт прошлых поколений поставил крест на межпланетном туризме. Первопроходцы космоса погибли в страшных мучениях, подхватив на чужой планете массу неизвестных штаммов. Первый межпланетный космический лайнер с гордым названием «Петр 1» пришлось ликвидировать прямо в космосе, чтобы на Землю не попала всякая инопланетная зараза. Теперь все космические рейсы проходят специальную очистку на Луне или на Марсе.

Мы расположились на весьма живописном склоне рядом с каким-то водоёмом. Я подбежала к воде и окунула туда руку.

— Хорошо. Вот если бы искупаться.

— Боюсь для этого пока ещё холодно.

— Но у нас никогда не бывает слишком жарко.

Я зачерпнула горсть воды и поднесла ко рту. Коллин посмотрел на меня с укоризной.

— Если бы я тебя не знал, то назвал бы безответственной. Мы же за городом, вдруг этот водоём неочищенный.

— Глупости. В нашем полушарии уже не осталось неочищенных водоёмов. К тому же здесь рыбки — смотри.

В воде действительно резвились несколько серебристых мальков. По их поведению и окраске я мигом определила, что водоём совершенно здоров. Как приятно пить неочищенную природную воду, наполненную полезными микроорганизмами. Хотя за это мне, возможно, придётся расплатиться расстройством кишечника.

— Господи, Лара. Я полагал, что, работая с рыбками ежедневно, ты уже сыта ими по горло. Но, похоже, это болезнь.

— Я сегодня видела сногшибательное платье. Вот это действительно болезнь.

— Я всё понял. Я дам тебе свою карточку.

— Не стоит. На мой размер груди такие платья не шьют.

— Тогда это плохое платье.

Я рассмеялась, когда он смущённо опустил глаза и принялся деловито распаковывать ужин. При мысли о сексе он всегда терялся, если только мы им не занимались. Кажется, мне надо бы ему помочь, но у него так замечательно всё получалось. Нехотя я оторвала свой зад от земли и принялась ему помогать. Но Коллин отстранил мои руки.

— Посиди. Я сам.

— Когда мужчина накрывает на стол, его лучше не перебивать.

На покрывале появилась бутылка вина и коробка с фруктами. Кажется, у нас сегодня праздник. Коллин прочитал мои мысли.

— Я хотел пригласить тебя сегодня в какой-нибудь частный ресторан, но раз уж ты наготовила столько всего вкусного, я подумал, что мы можем устроить ресторан здесь.

— А где ты раздобыл вино и фрукты?

— Заказал, пока ты собиралась.

— Неужели я так долго?!

Коллин посмотрел на меня сверху вниз, так по-взрослому, чуточку снисходительно, как на шаловливого ребёнка. Тоже мне папочка. Я сейчас запущу в него чем-нибудь, дайте только до чего-нибудь добраться.

— Самое главное, что все остальные, более нужные вещи, ты делаешь быстро.

Засранец! Он знал, как растопить мою злость. Знал и играл на мне, словно на скрипке.

Мы пододвинулись друг к другу и приступили к ужину. Надо сказать, что готовить я всё-таки научилась. И вино было очень вкусным. И фрукты оказались такими, как я люблю — замороженными в сахаре.

— Я тебя обожаю — искренне сказала я, опустив голову на его плечо.

Коллин смотрел на звёзды, и на его лице застыло такое умилительное приторно-сладкое выражение, словно он смотрел на какое-то божество.

— Красиво, правда?

— Правда.

Когда-то я любила смотреть на звёзды. Но сегодня я их почти ненавидела. Они меня пугали. Может, это было предчувствие? Тревожная мысль возродилась в моём мозгу, но винные пары мгновенно выставили её вон.

Я не хотела смотреть на звёзды. Они были моими врагами. Они могли отнять у меня Коллина.

— Ты хотел мне о чём-то сказать? — спросила я, чтобы отвлечь его от созерцания неба. По опыту знаю, это может длиться бесконечно.

— С чего ты взяла? — Коллин напрягся, и я это заметила. Значит, вопрос был в самое яблочко. Мы не просто так прилетели сюда. И это был не просто романтический порыв.

Самое страшное, я не знала чего ожидать. Вдруг он скажет, что ему нужно лететь на Марс. И я лечу с ним. А как же мои рыбки?

Я не хочу на Марс. Это полуживая медленно восстанавливающаяся планета, которую в своё время такие же недоумки, как мы, довели до экологической гибели. Меня там никто не ждёт. Я зачахну среди красных руин. Но куда хуже, если Коллин полетит туда один. Без него я зачахну в любой среде.

— Скажи мне, что ты не летишь на Марс! — потребовала я.

— Я не лечу на Марс. Я вообще не собираюсь никуда лететь. По крайней мере, в ближайшее время.

— Слава богу. — Я сказала это вслух.

Я почувствовала такое облегчение, что устыдилась своих мыслей. Милый старый добрый Марс. Ты так выручаешь нашу планету. Как хорошо, что ты далеко. Привет тебе с Земли от маленькой эгоистки Лары.

— Я хочу поговорить о серьёзных вещах. — Глаза Коллина стали такими серьёзными, что меня мгновенно разобрало на смех. Но смеяться нельзя. Он точно обидится. Поэтому я просто промолчала и посмотрела на звёзды.

— Мы с тобой вместе уже два года и четыре месяца.

— Да, пока ещё не круглая дата.

— Как ты считаешь, мы хорошо знаем друг друга?

— Человека нельзя узнать до конца, пока не окажешься с ним в экстремальной

ситуации. Так говорит папа.

— Твой папа умный человек.

— Коллин, я не понимаю, что ты мне пытаешься сказать, но от твоего тона у меня мурашки по коже.

— Знаешь, у меня тоже. Мне тридцать пять, но я волнуюсь, как будто бы мне двадцать.

— Ну если ты ещё и шутишь, то с тобой точно всё в порядке.

— Не думаю. Когда я уйду с работы, а кто-нибудь ещё остаётся, я объясняю, что меня ждёт дома девушка.

— Разве это плохо?

— Это звучит несолидно.

— И что ты предлагаешь?

— Давай поженимся.

Коллин посмотрел на меня так, словно боялся, что я смогу ему отказать. Идиот!!!

Мне ещё никогда не делали предложения, тем более так... простенько. Но со вкусом.

— А ты знаешь, какая это волокита? — я очень старалась, чтобы мой голос звучал ровно, но от волнения горло сковал спазм, так что получалось не очень красиво. — Придётся пройти вереницу докторов, психиатров, оформить кучу справок и записаться у главного городского распорядителя... Я знаю, потому что моя подруга выходила замуж лет пять назад.

— Ты согласна? — Коллина волновал сейчас только мой ответ.

— Конечно.

Я в прямом смысле слова прыгнула на него и повалила на спину.

— Я люблю тебя, — прошептала я, покрывая поцелуями его щёки.

— Честно говоря, я боялся, что ты скажешь, что ещё не готова взять на себя такие обязательства. Или не уверена, что мы сможем прожить до конца дней вместе.

— Ты дурак, если так думаешь... Где моё кольцо?

— Вот.

Это был небольшой медальончик в форме рыбки на цепочке. Коллин раскрыл медальончик, и внутри оказалось очаровательное маленькое колечко, украшенное россыпью блестящих камешков. Он надел его на мой безымянный палец и позволил полюбоваться несколько секунд. После этого он спрятал кольцо обратно в медальончик, расстегнул замочек на цепочке и повесил медальончик мне на шею. Такова традиция. Колечко я смогу носить на пальце только после свадьбы. А пока я хранительница медальончика. Хранительница мужского сердца.

Я обняла Коллина от всей души. Он слегка охнул, так крепки были мои объятия. Всё-таки он немного худоват. Совсем немного. Мне даже нравится.

— 4-

Если вы незамужем, то скажу вам, что нужно действительно сильно любить человека, чтобы получать удовольствие, занимаясь подготовкой к свадьбе. Я не говорю о планировании церемонии, поиске и покупке долгожданного свадебного платья, приглашении родственников и близких друзей. Это всё чертовски приятные мелочи.

Но все эти доктора, тесты и психофизиологические анализы на совместимость, получение сертификата о способности к совместному проживанию, беседа с главой центра по созданию семьи, который напугает кого угодно... Понятно, что всё это необходимо, но

так нудно. Хочется взять пульт и перепрыгнуть на другой кадр.

И во всех этих треволнениях главное не потерять себя. Не забыть о своей работе, о своих обязанностях, о себе самой.

Я шла по коридору центра создания семьи, когда меня осенила гениальная мысль.

Семья — это ведь не только два человека. По крайней мере хочется надеяться, что у нас всё получится. Пока я здесь можно сделать одно очень полезное дело: оформить заявку на ребёнка. И как можно скорее. Потому что разрешения на то, чтобы иметь ребёнка, можно ждать очень долго. Арнольд и Ольга получили его сразу, но это было давно, а одна моя знакомая семья ждала этого целых три года.

Надеюсь, Коллин не будет возражать, если приблизительно годам к сорока он станет папой.

В кабинете, где принимали заявки, меня встретили очень радушно. Хорошо, что все данные обрабатываются автоматически и передаются сразу во все необходимые инстанции, и мне не придётся таскаться из одного центра в другой. Мою заявку приняли и поставили в очередь на рассмотрение.

Мне очень хотелось рассказать об этом Колину. Я знаю, что лучше бы пока промолчать, мужчины очень впечатлительный народ. На них нельзя вываливать всё сразу, лучше подождать. Но на меня словно напала словесная чесотка.

И тогда я решила связаться с Арнольдом. Он работает в центре по искусственному сохранению жизни. Довольно жуткое место, учитывая, что почти все пациенты его смертельно больны. Они находятся в так сказать замороженном состоянии, годами ожидая, пока человечество найдёт способ их вылечить. Я говорю почти, потому что некоторые их родственники добровольно согласились разделить их судьбу. К счастью, таких единицы. Жутко, правда? Ни за что не согласилась бы находиться в таком состоянии.

При центре находится ещё институт по обеспечению сохранения жизни в космосе. Это учреждение занимается тем, что оборудует космолёты специальными установками, благодаря которым космонавты могут совершать длительные перелёты и не тратить на это годы жизни. Скажем, чтобы слетать в соседнюю галактику, нужно потратить семь лет туда и семь обратно. Так можно с ума сойти. Поэтому команда ложится в установку, закрывается крышка, и команда просто «спит» в течении семи лет туда, и семи обратно. А возвращается постаревшими ровно настолько, сколько находились в состоянии бодрствования. Иногда это бывает всего пару месяцев.

В такие перелёты обычно берут одиноких людей, либо же целые семьи космонавтов. Представляете, вы мужчина, вам 25 и вы улетае где-нибудь лет на двадцать. На Земле у вас остаётся, скажем, трёхлетняя дочь. Через двадцать лет вы возвращаетесь аккурат к её свадьбе, и выглядите моложе её жениха. Смех сквозь слёзы.

Арнольд всегда действовал на меня словно ушат холодной воды.

— Дорогая, ты обязательно должна сказать Коллину об этом.

— Думаешь, он может быть против?

— Насколько я его знаю, он наоборот обрадуется.

— А он не подумает, что я излишне навязчива, и хочу заполучить его целиком и сразу?

— Ты, похоже, совсем не знаешь своего будущего мужа.

— Я живу с ним под одной крышей уже два года.

— Тогда чего ты боишься?

— Не знаю.

— А я знаю: ты боишься, что он испугается, что ты станешь толстой и некрасивой, и он тебя разлюбит.

— Арнольд, даже в кино уже давно не говорят подобных глупостей.

— Тогда вперёд. Вечером я жду отчёта.

Вперёд означало прямо сейчас. Прямо сейчас, живьём, а не по видеофону. Интересно, меня пустят в его лабораторию? Обычно пускали, хотя это и не положено. Но сейчас там объявлено положение высокой секретности. Я припарковала аэромобиль недалеко от центра геологических разработок в космосе. С места моей парковки был даже виден космопорт, откуда корабли стартовали на орбиту. Однажды я побывала на экскурсии по орбите. Немного жутко, но необычайно волнующе. Это удовольствие стоило тех денег, которые я заплатила.

К моему удивлению, меня пропустили. Оказывается, меня здесь помнят, и даже выдали пропуск с моим именем, хотя я его не называла. Я взглянула на человека, дежурившего на пропускном пункте. Он удивительно походил на Коллина, только выглядел лет на пять моложе. Я знала, что у Коллина нет братьев ни родных, ни двоюродных, поэтому не стала забивать голову пустяками. Они просто похожи. Может быть, и у меня где-то есть двойник.

Сергей Бра — так было написано на его видеокарточке. Я не припомню, чтобы когда-нибудь его видела, но он знал моё имя, и то, как он покраснел, когда я ему улыбнулась, и его взгляд, говорили о том, что он видел меня не раз. Должно быть, он всегда был здесь, когда я приходила с Коллином. Я просто его не замечала.

Прости, Сергей, но сейчас я тоже тебя не замечу.

Мои мысли устремились туда, куда я шла.

— Привет, Ларочка, выглядишь просто замечательно. — это была София, старшая коллега Коллина. Ей было 42, она была высокая, худосочная и не очень красивая, однако от неё исходило столько мудрости и обаяния, что её невозможно было не любить. София работала в этом центре 10 лет, а ещё десять провела в космических полётах, во время одного из которых познакомилась со своим будущим мужем. Они женаты уже семь лет.

— Спасибо, ты тоже отлично выглядишь. Как там с разрешением на ребёнка?

София махнула рукой, словно все уже достали её этим вопросом. С тех пор как пришло разрешение, все только и ждали, когда же увидят, наконец, Софию с долгожданным животиком. Ждали уже лет пять, правда я тогда об этом не знала, поэтому и предавалась стадному любопытству.

Если вы действительно хотите ребёнка, то делаете его сразу после того, как получили разрешение. Если вам что-то мешает, это значит, что вы прекрасно обойдётесь и без него. Это как раз был случай Софии и её мужа Эдвина.

— А, сейчас не до этого. Некогда.

— Много новых проектов?

— Нет, всё тот же, но зато какой. Это просто сенсация. Настоящая нефть. Долой альтернативное искусственное топливо. Мы здесь все на ушах стоим. Ой, извини, я совсем забыла. Поздравляю тебя с помолвкой.

— Коллин уже сказал?

— Конечно. Мы целый год уговаривали его сделать это. Но он всё боялся, что ты ещё не готова.

Я обиделась. Точно обиделась. Все против меня: сначала Арнольд обвинил меня в том, что я не знаю собственного мужчину, теперь София намекает, что я, по мнению Коллина, не

готова к серьёзным отношениям. У меня такое чувство, будто все полагают, что я маленькая девочка, только что вышедшая из детского сада. Все о тебе беспокоятся, любят тебя, но никто не воспринимает всерьёз. Интересно, а сам Коллин понимает, что я уже повзрослела? Или ему нравится играть роль моего папочки?

Нет, восемь лет — слишком большая разница в возрасте. Я прямо сейчас ему об этом и скажу. И поступлю как та самая маленькая девочка из детского сада...

— Привет, любимая, — это был Коллин. Тот самый, на которого я минуту назад обиделась. Он ещё ни разу так не говорил: «Привет, любимая». Как угодно, только не «любимая». Должно быть, с ним что-то случилось. Предстоящая свадьба подействовала на него положительно. Он стал увереннее и смелее, словно вырвался из клетки, куда сам себя загнал своими дурацкими комплексами. Милый, как ты мог подумать, что я смогу отказать. — Ты как раз вовремя.

Вот те на! Я, оказывается, могла опоздать туда, где меня, насколько я знаю, вообще не ждали.

— Лара, ты даже не представляешь, что тут происходит. Сегодня утром поступило распоряжение начать подготовку освоения нефтяных месторождений на Далида 5. Мы собираем исследовательскую команду, которая полетит прямо туда. Команду людей, а не роботов.

— Ты так радуешься, словно тебе тоже предложили лететь.

Я сказала это просто так. Язык чесался ляпнуть что-то, ведь Далида 5 вместе с её нефтью была мне абсолютно неинтересна. Но я уважала Коллина и его увлечение работой, а чувство это было весьма серьёзным: глаза сверкали, как молнии во время дождя. Казалось, он даже помолодел на несколько лет. Вот что значит страсть. Жаль, что мне достаётся только физическая её сторона.

— Мне предложили. — Взгляд его мгновенно стал каким-то тусклым и виноватым. Как у ребёнка, который хочет попросить у мамы конфету, но понимает, что на это нет денег. — Всё зависит от тебя.

— Я не хочу никуда лететь.

Мысль о страшных замораживающих установках заставила меня внутренне съёжиться. Я ни за что не соглашусь на это. Но оказалось, меня никто и не собирался приглашать.

Собиралась команда из четырёх человек: София, Эдвин, какой-то Давид и Коллин, если я не буду против.

Если я не буду против....

А я против! Против! Миллион раз против! У нас скоро свадьба, и я не собираюсь никуда отпускать своего жениха. Ни до, ни после, никогда.

Я против. Я не сказала ни слова, но Коллин прекрасно мог читать по моим глазам. Для него я была как раскрытая книга. И в этой книге на первой странице крупными красными буквами было написано: «НЕТ».

Коллин как-то сразу сник и погрустнел. Сейчас он мне казался таким маленьким и беззащитным. Злая мама не купила ребёнку конфету. У неё нет денег, но ребёнок знает, что где-то там, в глубине кошелька, лежит заветная серебряная монета. И она могла бы пожертвовать ею, чтобы ребёнок не плакал.

Коллин любит то, чем он занимается, любит свои чёртовы звёзды и полёты в космосе, может даже больше, чем меня. Космонавты не могут жить без полётов. Как когда-то в глубокой древности моряки уплывали далеко-далеко и бросали своих возлюбленных на

берегу, не в силах преодолеть зов моря.

Столько веков прошло, а ничего не изменилось. И мне также горько, как и тем несчастным возлюбленным на берегу.

Разве я могла сказать ему «нет»?

— Прости меня. Только не подумай, что наша свадьба для меня ничего не значит. Ты для меня всё. Просто я так давно об этом мечтал — ещё об одном полёте. Это будет последний, клянусь.

— Сколько тебя не будет?

— Всего лишь восемь месяцев. Восемь коротких месяцев и я вернусь. И мы поженимся, и всё будет просто отлично.

— Восемь месяцев? Коллин, это же треть от нашей совместной жизни. Это целая вечность. Если бы я сейчас ждала ребёнка, ты бы даже не успел к его рождению.

Я готова была расплакаться. Всё было так чудесно. И зачем я сюда пришла? Сидела бы дома, медитировала перед аквариумом с рыбками или съездила бы к Димарису. Или готовила ужин, пребывая в счастливом неведении. Хоть на мгновение, но оттянула бы эту боль, пронзившую всё живое.

Но от судьбы не спрячешься. Мне суждено было узнать об этом именно сегодня. Да и какая, собственно, разница: днём раньше, днём позже.

Он всё равно полетит. Я не смогу его удержать. Если я взбрыкну, это может пробить брешь в хрустальной вазе наших отношений.

— Если ты категорически против, я никуда не полечу. — серьёзно сказал Коллин, глядя мне прямо в глаза.

— Для тебя это важно? Я не имею в виду моё согласие, а это исследование?

— Да, очень. Это может стать величайшим открытием века. Но и твоё согласие для меня важно не меньше.

Лично для меня величайшим открытием века стала психология общения с аквариумными рыбками и теория создания ауры здоровья и благосостояния в окружающей среде с их же помощью. Но Коллина не интересовали рыбки. Его привлекала Далида 5.

— А знаешь ли ты, что Далида 1 была одной из величайших певиц Франции в двадцатом веке. Она была египтянкой, а все её мужья, все, кого она любила, умерли один за другим. А сама она покончила с собой от одиночества.

— Не знал, что тебе известна история Далиды.

— Виктор посвятил меня в это сразу же, как только услышал название этой планеты.

— Этот полёт абсолютно безопасен. Также как полёт на орбиту.

— Я буду очень скучать.

— Я тоже, любимая.

В этот момент Коллин выглядел таким счастливым, что я тут же растаяла. В конце концов, ничего страшного не случилось. Наоборот, нужно радоваться за Коллина. Он вернётся если не знаменитым, то очень важной персоной. Я буду гордиться им. Настроение как то само собой улучшилось, и я даже смогла улыбнуться. Получилось вполне искренне.

Супруги должны поддерживать друг друга во всём. Это был первый урок настоящей совместной жизни.

Есть ли на Земле гигантский ядерный бластер? Может на другом полушарии. Эй, вы там, если слышите меня, направьте его прицел на Далиду 5. Я с удовольствием нажму кнопку пуска.

Теперь вместо подготовки к свадьбе Коллин целиком и полностью занялся подготовкой к полёту. Он делал всё с таким энтузиазмом, что я начала им гордиться. Замечательно, что у меня будет такой ответственный целеустремлённый муж. Я заразилась его энергичностью, и у меня прибавилось масса клиентов. Шеф был доволен. Я тоже — ведь мне повысили зарплату.

Вся эта катавасия со сборами заняла около месяца. Итак, свадьба отодвинулась от назначенного срока на целых девять месяцев. Можно действительно родить ребёнка.

Всё было относительно благополучно. Коллин буквально носил меня на руках — в те редкие моменты, когда бывал не занят.

Виктор прислал целый видеокаталог об истории Далиды 1–5. Я выбросила его в утилизатор. Виктор прислал ещё два. Последний я перевязала ленточкой и вручила Коллину. Для будущего музея.

За эти дни я успела разругаться с Арнольдом. И это было для меня настоящей трагедией.

— Как ты могла его отпустить? — кричал он чуть ли не в бешенстве.

— А как я могла ему запретить? — признаться, у меня не было готового ответа на этот вопрос.

— Я тебя не понимаю. — укоризненно вздохнул брат. Мне захотелось стукнуть его чем-нибудь по башке. Чего мне не хватало, так это его нотаций. И без того на душе было довольно гадко. Но я изо всех сил старалась делать вид, будто всё великолепно.

— Знаешь, я тебя тоже. Когда любишь человека, важно уважать его как личность и не лишать его свободы.

— Всему есть свои пределы. Очень важно быть всегда рядом и никогда не расставаться.

— Но я не боюсь разлуки. — упрямо твердила я, и чувствовала, как от страха буквально дрожат коленки.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Боишься, что я не справлюсь?

— Я боюсь, что просто ничего не понимаешь. Ты — женщина. И всё в твоих руках.

— Странно слышать подобное от мужчины.

— Я не твой мужчина, я твой брат. И вряд ли кто-нибудь когда-нибудь узнает и поймёт тебя лучше чем я.

Как будто я этого не знала. Не он ли был моей нянькой и учителем мужской логики на протяжении всей моей сознательной жизни. Мне было трудно удержаться от того, чтобы признаться самой себе: в его словах неоспоримое зерно истины. Но, похоже, упрямство неумолимо становилось моим вторым я.

Это был наш последний разговор в этом месяце. Больше ни он, ни я не связывались друг с другом. Наверное, потому что оба слишком хорошо всё понимали. Но Арнольд не мог всё решать за меня.

Наконец наступил момент, когда до начала полёта осталось всего два дня. Я была удивительно спокойна. Наверное, ещё до конца не осознавала, что всего лишь через два дня Коллин впервые не придёт домой ночевать. И мне будет холодно спать одной в постели.

Я начинаю понимать, почему многие одинокие женщины любят кошек. Рыбку не возмёшь с собой в постель, чтобы она убаюкала тебя своим мурлыканьем. Может завести кошку? Но тогда плакали мои рыбки — Солнце, Аркадия и Иванушка. Горькими рыбьими

слезами.

Коллин, очевидно, всё уже осознал. Или же его пугало моё спокойствие. Ну могла бы я для успокоения совести побиться в истерике, остричь волосы и ходить по дому в соплях и без косметики. Разве от этого ему будет легче?

Моё состояние называлось «тихий шок». Я впала в транс: была мила, спокойна и весела. Коллин по-настоящему нервничал.

— Лара, я понимаю, это глупо звучит, но я хочу быть уверен: ты будешь меня ждать?

— Буду, куда же я денусь?

— Восемь месяцев это большой срок.

Кажется, это мои слова. Есть повод выдвинуть обвинение в плагиате.

— Это ерунда по сравнению с целой жизнью.

— Не скажи. Мы полюбили друг друга и стали жить вместе всего лишь через четыре месяца после знакомства.

— А я думала, мы полюбили друг друга после первого секса.

— Раньше мне нравился твой сексуальный темперамент, а теперь просто пугает. Особенно, когда меня не будет рядом, чтобы утихомирить твой сексуальный аппетит.

— Мне легче: я знаю, что на космическом корабле будет только одна женщина, которой я абсолютно доверяю. Кроме того четыре месяца ты будешь просто спать.

— Я тебя сейчас задушу вот этой самой подушкой.

— Мне нравится, когда ты ревнуешь. Не рви душу, Отелло. Можешь взять с собой мою личную карточку. Но я клянусь хранить тебе верность.

— Ты ещё можешь шутить. У тебя нет ни капли совести.

— Совесть нематериальна. Её нельзя измерять каплями. А верность измеряется любовью. Я так люблю тебя, что мне абсолютно наплевать на секс. Впрочем, я составлю дневник своих ощущений, и тебе придётся отработать каждое мгновение моих страданий, когда вернёшься.

— Можно я начну прямо сейчас?

И мы начали прямо сейчас. Но у меня ничего не получилось, хотя я и постаралась сделать вид, будто всё на высоте. Внутреннее настроение было испорчено внезапным осознанием предстоящей разлуки. Мне ничего не хотелось: ни секса, ни слов. Провалиться в какой-нибудь сон без сновидений и проснуться спустя восемь месяцев.

Предстоящее испытание верностью было откровенной чушью. Весь мой сексуальный мир давно крутился вокруг Коллина, и передислокация его была равносильна тому, что за эти восемь месяцев Земля поменяет свою орбиту. И то и другое просто нереально.

Можно спрятать свою личную карточку в сейф до следующего визита к доктору.

Должна заметить, что личная карточка — это незаменимый индикатор верности. Согласно законодательству, каждый гражданин нашего полушария обязан вносить в неё абсолютно всех сексуальных партнёров без исключения. Каждый своей собственной рукой в личную карточку партнёра, желательно ещё до того, как что-то произошло.

Соблюдение этого закона целиком и полностью зависит от честности и высоты морального облика человека. Однако согласно неписаным правилам, невнесение данных партнёра в карточку — величайшее неуважение, а людей, согласившихся на это, относят к разряду, мягко говоря, нечистоплотных или имеющих нездоровую психику.

Будь у тебя один или сразу двадцать один любовник, ты обязан их указать. Таким образом, можно избежать обвинения в изнасиловании, совращении, а также вовремя

остановить волну распространения различных заболеваний.

Проблема верности всегда волновала человечество. Пока вы не женаты, вы в принципе не имеете права ограничивать сексуальную свободу партнёра. Даже если живёте вместе не один год. Всё определяется любовью и совестью и сочетается с доверием. Гармоничное сочетание всех трёх компонентов обычно приводит к свадьбе.

Господи, как мне прожить эти два дня? А потом ещё восемь месяцев?

— 6-

Два дня пролетели как две секунды. И вот на пороге этот роковой день. Сегодня я целую Коллина в последний раз в этом году. Мне кажется, или у меня текут слёзы? Я быстро прижала ладони к щекам: слава богу, показалось. Не стоило портить ему настроение перед дорогой. Интересно, а сам Коллин осознаёт, что уже завтра он не увидит меня как обычно рядом с собой?

Самое ужасное в разлуке — это время. Сначала нам будет не по себе. Будет тяжело, но потом мы привыкнем быть друг без друга. И нам станет комфортно самим по себе. Потом снова придётся привыкать любить друг друга, вспоминать, как было раньше, и сопоставлять слегка идеализированные воспоминания с реальными. Может быть больно, потому что воображение порою творит «чудеса», совмещая желаемое с действительным.

Что за чушь я несу? Я слишком много слушаю Арнольда. С его пессимизмом я бы уже давно закисло. У нас с Коллином всё будет по-другому. Всё будет хорошо.

Он вернётся, и всё будет даже лучше, чем прежде. Может быть, к тому моменту у меня уже будет разрешение на ребёнка. Или же мы полетим отдыхать куда-нибудь на юг, к морю.

Господи, у меня в голове уже столько планов на его возвращение, а он ведь даже ещё не улетел.

Ожидание отлёта Коллина казалось пыткой. Мне разрешено было проводить его до космопорта. Лететь на орбиту было бессмысленно: там я буду только мешать. И чем дольше растягиваешь процесс расставания, тем тяжелее сам момент.

И вот мы стоим возле прозрачной пластиковой перегородки, за которой красуется орбитальный авиалайнер. Люки уже открыты и ждут своих пассажиров.

Я прижалась к плечу Коллина, одетого в серебристо серый блестящий костюм, изготовленный из специального суперустойчивого «дышащего» материала, который одевают космонавты под лётную униформу. Мой мужчина такой тёплый, такой реальный, такой любимый. Я не хочу, чтобы он улетал.

Коллин крепко поцеловал меня в губы, чего никогда не делал на людях. В глазах его светилась тревога.

— Лара, ты обещаешь мне, что будешь меня ждать?

— Конечно буду. — Я улыбнулась. Он спрашивал это в пятый раз.

— Когда я прилечу обратно, мы сразу же поженимся. В первый же выходной.

— Ловлю тебя на слове.

— Я люблю тебя.

— Я тебя тоже.

— Дождись меня, пожалуйста, дождись.

Он не сказал мне ни прощай, ни досвидания. Просто «дождись».

Я стояла и смотрела, как он пересёк посадочную площадку и ловко запрыгнул в люк. Всего пару минут и корабль практически бесшумно оторвался от земли. «Галилей», так

назывался этот лайнер, плавно подлетел к стартовой установке, опустился на пусковой круг и...молниеносно скрылся в далёком небе, унося с собой на борту мою любовь.

Зачем я полюбила космонавта? Могла бы полюбить историка или редактора журнала. Они всегда на одном месте. Как и мои любимые рыбки.

Правда, я никогда не задавалась вопросом, а не тесно ли им в пределах одного аквариума? Когда человеку стало скучно в пределах одной Земли, он открыл для себя космос. Теперь уже ему скучно в пределах собственных знаний. Человеческое сознание и тяга к новому, ещё неизведанному и непокорённому, не имеют границ.

Таков и Коллин. Он просто живой человек.

Но ведь и я тоже.

Я ещё долго стояла, уставившись пустыми глазами в небо. Хорошо, что рядом почти никого не было, а то ещё подумали бы, что я решила превратиться в статую и дожидаться возвращения Коллина, не сходя с этого места. Интересная мысль. Я полагаю, до такого ещё никто не додумался.

Когда я почувствовала, что больше не в силах стоять на ногах, я оглянулась в поисках чего-нибудь, на что можно было бы присесть. Но вокруг были только стены, на которых, как я не старалась, но так и не обнаружила ни одной сенсорной кнопки. Я тяжело вздохнула: придётся ползти на своих затёкших двоих до самого выхода.

В этот момент заработал видеофон. Я взглянула на монитор, и брови мои поползли вверх от удивления. Я узнала звонившего сразу: это был Сергей Бра.

Он знает не только моё имя, но и мой персональный код видеоконтактов! Это же просто свинство. Вот бы невзначай взглянуть на его личную карточку: вдруг он маньяк.

Я могла принять контакт, могла и отклонить. Но любопытство оказалось сильнее.

— Здравствуйте, господин...простите, я вас не знаю.

Если он и огорчился, то не подал виду. Наоборот, его лицо светилось улыбкой, словно в его жизни происходило что-то чрезвычайно приятное.

— Меня зовут Сергей Бра. Я отвечаю за безопасность центра геологических исследований, где работает ваш потенциальный жених, Коллин Золянский.

Видит бог, в мире немало дур, которые покупаются на подобное хамство. Многие находят его даже очаровательным. Они не знают моего брата Виктора. В его личной карточке таких уже больше двадцати.

Я решила оставить слово «потенциальный» без внимания. Мне и так было что ему сказать.

— Отслеживание персональных кодов родственников ваших работников — ваша прямая обязанность?

— Увы, это незаконно. — он выдержал красивую паузу, прежде чем сообщить нечто очень важное. — Вы можете заглянуть к нам в центр? Золянский хочет с вами связаться. Это он дал мне ваш код.

— Хорошо.

Я была вне себя от удивления. И от радости. Я включила свой собственный внутренний «Галилей» и в одно мгновение очутилась у входа в центр.

Сергей меня ждал. Сегодня он был одет в светло-голубой костюм, выгодно контрастирующий с густыми чёрными волосами и смуглым цветом лица. От него божественно пахло чем-то безумно дорогим. Видимо, согласно его сценарию я должна была сразу влюбиться.

Вы скажете, я слишком самонадеянна? Ничего подобного: некоторых мужчин я вижу насквозь.

Извини, красавчик, но сегодня я тебя тоже не замечу.

— У вас внутри реактивный двигатель?

— Нет, я летаю по воздуху с ускорителем.

— С вашими формами это, наверное, нелегко.

Взгляд его как бы ненароком опустился на мои прелести четвёртого размера. Я подняла голову вверх и увидела камеры видеонаблюдения. Всё, что происходит, записывается и просматривается. Держу пари, у него есть моё изображение, и он уже не раз занимался со мною виртуальным сексом.

Осознавать это было и мерзко и приятно одновременно. Всё-таки я женщина, а Сергей далеко не урод. Но ему все равно ничего не светит в реальной жизни.

— Вы так заботливы. Не подскажите, куда мне идти.

— Пойдёмте, я вас провожу.

Это был повод дотронуться до моего локтя, но, к его чести, это секундное прикосновение было всё, что он себе позволил.

— Нам лучше поспешить. На орбите всегда такая суматоха перед отправкой. Золянскому могут помешать спокойно с вами пообщаться.

— Надеюсь, у него всё получится.

— Я тоже.

— Вы были удивлены, когда увидели меня на мониторе?

— Признаться да.

— Вам идёт. Когда вы удивлены, у вас становятся такие выразительные глаза. Наверное, близким вам людям нравится делать вам сюрпризы. Просто так, чтобы увидеть ваши глаза.

Мои глаза в эту минуту готовы были вылезти из орбит. Ничего не скажешь, весьма эмоциональный день.

— Сергей, вы никогда не смотрели фильм «Чужая женщина»?

— Нет, никогда, — он улыбнулся, и глаза его заблестели.

— Не смотрите. Просто запомните название.

У меня нет настроения флиртовать. Я хочу услышать Коллина. А когда я чего-то очень хочу, а мне мешают, я выпускаю коготки.

Связаться с Колином оказалось легко: он просто дежурил у видеофона, ожидая, когда я приду. Я с любовью посмотрела на его лицо: прошло чуть больше часа, а я уже успела соскучиться.

— Привет, любимая.

— Привет, любимый.

— Я уже успел соскучиться.

— Я тоже.

— У меня не более 10 минут. После этого мы приступаем к загрузке для полёта в космос. Как только корабль выйдет в космос и настроится на курс, мы включим автопилот и ляжем в капсулы сохранения жизни.

— Это значит, что следующие два месяца мы никак не сможем связаться или передать хотя бы весточку?

— Да.

— Просто ужас какой-то. Обещай, что как только сможешь, передашь мне хоть слово.

— Обещаю. Но и ты пообещай мне в последний раз.

— Я обязательно дождусь тебя.

— Именно это я и хотел услышать перед самым отлётом. Теперь я спокоен.

— Мне будет тяжело без тебя — я всё-таки не сумела сдержаться и выплеснула на него часть своего отчаяния. Прямо перед полётом.

— Не бойся любимая, всё будет в порядке. Просто закрой глаза и представь, что это сон. Когда откроешь глаза, я снова буду рядом.

Десять минут. Всего десять минут и связь оборвалась. На целых восемь месяцев. Я закрыла лицо руками и приказала себе не плакать. Я сильная женщина, я выдержу.

Не знаю, сколько я бы стояла вот так, наверное, пока не рухнула бы на пол от усталости. Кто-то сильный положил мне на плечи свои тяжёлые ладони. Я повернулась и уткнулась носом в горячую мужскую грудь. Красивая голубая ткань. Жалко будет, если я испорчу её тушью. Поэтому я не стала плакать, просто прижалась лбом к плечу и молча слушала, как у меня под подбородком бьётся чужое живое сердце. Оно то замедляло, то ускоряло ритм, такой чужой и незнакомый.

Интересно, Сергей был здесь, пока я общалась с Колином? Думаю, у него всё же хватило такта выйти. Жаль, что я раньше не обратила на это внимания. Голова была забита совсем другим. Впрочем, сейчас мне на всё глубоко наплевать. Коллин улетел. Я осталась одна.

Я вежливо отказалась от предложения проводить меня домой. Я ведь не калека, не больная, и могу самостоятельно передвигаться. Просто мне грустно.

Когда я вышла из центра, меня ожидал ещё один сюрприз. Оказывается, меня ждали. Непонятно каким образом Виктор пронюхал о том, где я нахожусь, и решил оказать мне моральную поддержку, а заодно подбросить на работу.

— Ты сейчас в состоянии работать? — участливо спросил он.

— Более чем. Трудолюбие просто бьёт из меня ключом.

Рыдать я буду дома, на подушке. Или на кафельном полу в душе. Так что чем дальше я оттяну этот момент, тем лучше будет для моего здоровья и внешнего вида.

— Заметно. — Виктор слегка потрепал меня по щеке и внезапно сделал нечто, чего я от него совсем не ожидала: взял меня обеими руками за лицо и крепко поцеловал в лоб. — Ты у меня молодец.

— Действительно?

— Да, и я хочу, чтобы ты это знала.

— С чего бы это вдруг?

— Просто ты моя сестра, и я тебя по-своему люблю.

Виктор улыбнулся мне своей особой чуточку хищной улыбочкой. Он всегда улыбался несколько плотоядно. Девушки на это западали. И отпадали так же быстро.

— Виктор, дай-ка мне свою личную карточку.

— Зачем? Хочешь записаться? — спросил он немного саркастически, но тем не менее сразу достал её из внутреннего кармана пиджака.

Я быстро пробежала по ней взглядом, и с непритворным ужасом вернула обратно.

— Тебе только двадцать шесть, а у тебя один брак и 38 сексуальных партнёров. Тебе не кажется, что у тебя реальные проблемы?

Виктор снова улыбнулся, но во взгляде его промелькнуло какое-то затравленное выражение. Похоже, у меня дар постоянно попадать в больное яблочко.

Первый месяц без Коллина.

Сегодня утром я впервые проснулась одна. Соседняя подушка выглядела сиротливо и раздражала. Я приняла душ в одиночестве. Потом спустилась позавтракать, но еда отказывалась проникать в организм обычным способом. Горло болело, и было больно глотать. Желудок недовольно урчал, но я не обращала на него внимания. Если так будет и дальше, к возвращению Коллина я похудею до размеров вожелённого мною платья.

В доме было так тихо и пусто, что любое моё движение словно эхо отдавалось по всей комнате. Рыбки молча плавали в аквариуме, ни подавая ни звука. Впервые в жизни я возненавидела рыбок.

Это было отвратительное чувство, поэтому нужно было срочно его прогнать. Надо заняться чем-нибудь полезным, чтобы забить голову, не оставить там места для ненужных мыслей.

Сааме полезное дело — пойти на работу. Что я и сделала.

Я впервые пришла не просто вовремя, а как положено: за 15 минут до начала рабочего времени. Обычно я влетаю в свой кабинет словно ведьма на помеле, вся взмыленная и взволнованная: быстро швыряю кейс в шкаф, набрасываю рабочий костюм и ещё минут 15 мельтешу словно угорелая, изображая непосильный труд, перекладывая бумажки с места на место. Только потом я успокаиваюсь и иду к своим любимцам и любимцам покормить их и пожелать доброго утра. К рыбкам нельзя заходить во взвинченном состоянии. Они мгновенно на это реагируют, особенно если вы им дороги. А я, как надеюсь, дорога каждому своему питомцу, как и они мне.

Сколько раз пыталась себя переделать, а всё без толку. Ну не умею я приходить вовремя. Так что сегодня разлука с любимым принесла свои первые полезные плоды. Как только я об этом подумала, мне тут же захотелось снова опоздать.

Я села, положив локти на стол и задумалась. О чём бы я не думала, мысли всё равно возвращались к Колину. Это начинало раздражать.

Внезапно раздался звук раскрываемой двери, и на пороге показался Бова. Я обрадовалась ему словно Богу.

— Надо же, а я думал, что ещё успею полистать журнал, пока все соберутся.

— Извини, я не хотела тебе мешать. Я пришла всего лишь поработать.

— Ладно, почитаю, когда будет свободная минутка, во время дождя.

— Какого дождя? На небе ни облачка.

— Должен быть: ты пришла раньше меня.

Я немного разозлилась. Бова постоянно меня подкалывал. Хотя обычно у меня нормальное чувство юмора и я на всё реагирую со стороны позитива. Мы с Бова часто ссоримся в шутку. Это помогает нам работать весьма органично.

Бова — мой, так сказать, напарник. Я работаю с питомцами и их опекунами, а Бова отвечает за техническую сторону сделок: он собирает, разбирает, перевозит и устанавливает аквариумы, подключает приборы и аппаратуру, выставляет необходимые параметры. Он работает руками, я языком.

Хотя по части языка у Бова равных нет: шутки сыплются из него как из бездонного кувшина. И хотя обычно он предпочитает работать молча, если его затронуть, то остановить будет нелегко. Особенно если опекунша — молодая и привлекательная женщина. Бова очень любит нравиться женщинам, но почему-то всегда один.

Ещё когда мы только начинали работать, у нас с Бова завязалось что-то вроде платонического романа. Бова очень привлекателен: чёрнокожий с пухлыми красиво очерченными губами и тонкими чертами лица. Мне нравились и его чувство юмора, и то, что с ним можно болтать обо всём. Я нравилась ему очень: меня очень долго убеждали на этот счёт все наши коллеги. С нас рисовали красивую пару.

Однажды я даже сходила с ним на свидание, которое планировалось продолжить у него дома. Всё было прекрасно, и я даже готова была дать ему свою карточку... Бова поцеловал меня своими сексуальными чёрными губами, а я почувствовала... Ровным счётом ничего. Я не смогла представить себе, что вот прямо сейчас мы будем заниматься сексом. Мне этого не хотелось. Что-то совершенно неуловимое отталкивало меня от Бова.

Я чувствовала, что не смогу полюбить его по-настоящему, а просто заняться сексом с Бова мне не хотелось. Поэтому я ушла. Бова оказался настоящим джентльменом и ничего мне не сказал, хотя я понимала, что сделала ему больно. После он предпринял ещё несколько попыток ухаживания за мной, но я была непоколебима. Тогда Бова сдался, и мы продолжали работать вместе и общаться, как просто хорошие знакомые.

С Колином было совсем по-другому. Когда я увидела его впервые, он не сильно впечатлил меня своей внешностью. Но что-то такое было в его взгляде, тогда ещё чужом и незнакомом, и его улыбке и манерах, что-то особенное, от чего у меня по телу пробежала лёгкая волна сексуального возбуждения. Если бы он предложил мне переспать в первый же вечер, я спрятала бы личную карточку в сейф. Но не потому, что мне этого бы не хотелось. Очень даже бы хотелось. Но мне нужны были отношения, а не просто секс.

Мысли опять вернулись в святая святых, а впереди был целый рабочий день. Я взяла себя в руки и с головой окунулась в работу. Должно быть, в этот день всё должно было идти вверх дном. Я так закрутилась, что просто падала с ног, а желудок до неприличия настойчиво требовал хоть какой-нибудь съедобной пищи.

Как же я мучаю тебя, родной. С таким отношением ты уже давно должен был наградить меня как минимум язвой.

Я решила вырвать у себя немного времени на удовлетворение нужд желудка, и забежала в соседнее кафе. С некоторых пор в любом обычном кафе можно было заказать все что угодно, вплоть до жареной мартышки. Правда, я не уверена, что последняя будет из натурального мяса.

К моей величайшей досаде все столики были заняты. Видно, этот день был днем массового совпадения желаний. Мне вдруг так захотелось есть, что я готова была расплакаться. Бежать искать другое кафе не было ни времени, ни желания, поэтому я решила заказать обед с собой. Пробираясь к столику заказов, я наткнулась на Марию. Оказывается, она тоже решила пообедать, а я и не заметила, как она ушла.

Признаться, я сама от себя не ожидала, но у меня вдруг возникла жгучая потребность пообщаться с Марией. Как когда-то давно, когда мы были ещё близки. И слова сами сорвались с губ.

— О, Мария, рада тебя видеть. Не возражаешь, если я пообедаю вместе с тобой.

— Нисколько, — кивнула Мария. — Присаживайся, пожалуйста. Всё равно свободных столиков нет.

Мне стало немного стыдно. Мария отлично всё понимала, но старалась держаться непринуждённо. Я заказала большой картофельный салат и тушёное филе минтая. Пока Коллин далеко, я решила питаться менее калорийно. Бесподобное серебристое платье задело

меня за живое. Всё-таки у меня слишком большая грудь.

За обедом мы вежливо болтали ни о чём: о рыбках, клиентах, платьях. Разговор плавно коснулся вчерашнего отлёта Коллина. В глазах Марии отражалось искреннее сочувствие, и в душе я была ей за это благодарна. Но мне не хотелось снова беречь эту рану, потому как я полдня настраивалась на то, чтобы отложить это на вечер. Поэтому я резко сменила тему.

— Угадай, кто вчера заявился оказать мне моральную поддержку?

— Димарис?

— Нет, Виктор.

Глаза Марии внезапно затуманились, будто кто-то завесил их прозрачным тюлем. Похоже, я выбрала не совсем удачную тему.

— И как он поживает?

Маленький бесёнок внутри меня вновь высунул свои рожи. На языке, независимо от моего желания, заплясала, завертелась дюжина совершенно ненужных слов. Почему у меня иногда такая маниакальная потребность говорить людям правду?

— По правде говоря, он не совсем в порядке.

— Он болен? Неприятности на работе?

— С этим вроде всё нормально. Хотя не мешает напомнить ему о том, что раз в полгода ему необходимо показывать свой нос в кабинете врача. Мне кажется, что у него проблемы психологического характера.

— Они у него были всегда, — грустно сказала Мария. — Гибель родителей никогда не проходит бесследно.

— Может, поэтому он подсознательно отталкивает от себя всех, кто способен вызвать у него сильные чувства?

— Скорее тех, кто может на них ответить.

— Я не думаю, что это доставляет ему удовольствие. Это просто какой-то нездоровый мазохизм.

— Он сейчас один.

— Он всегда один. Женщины проходят у него сквозь пальцы как песок. Только в огромных количествах.

Мне не надо было говорить этих слов. Едва речь зашла о других женщинах, Мария вдруг зрительно словно сжалась в комочек и побледнела. Голова её завертелась по сторонам, в поисках повода поскорее сбежать от меня. Или от самой себя. Наш обед закончился, и у обеих было довольно паршивое настроение.

День плавно подходил к концу. И вот уже не осталось ни малейшего повода сидеть на работе ещё дольше. Пришлось собираться домой. Я ещё никогда так медленно не брела к своему аэромобилю. Никогда так медленно не летала. Два раза меня останавливал робот-регулирующий, подозревая, что я заснула за рулём. Неугомонные подростки свистели мне вслед и предлагали взять на буксир.

Наконец я добралась до двери родного дома. Я долго топталась на пороге, не в силах войти. Мне казалось, как только я переступлю порог, стены раздавят меня своей пустотой.

Одиночество... Я не хочу к тебе привыкать.

— 8-

Второй месяц без Коллина. Прошло столько времени, а я по-прежнему находилась словно в прострации. Но у меня сильный организм, и я не могу долго сосредотачиваться на негативе. Поэтому улыбка не сходила с моего лица, и я во всём старалась находить хоть

малейшее утешение. Например, теперь есть время более детально изучить видеожурналы о редких заболеваниях рыб, способах сохранения их потомства с минимальными потерями, изучению патологий формирования рыбьих икринок и прочей научной ерунды. На это никогда не хватало времени.

Вечера я старалась проводить не одна. Я стала очень частой гостьей у Арнольда, а когда совесть не позволяла надоедать ему, брала Димариса с собой. Один раз я рискнула наведаться к родителям, но получила такую огромную дозу сочувствия, что придя домой, долго не могла остановить слёзы. Мама никогда не умела красиво сочувствовать. Ей казалось, что если она выложит передо мной все свои страхи и сомнения, мне от этого станет легче.

Дни шли своим чередом. Невыносимо медленно, словно черепашьям шагом. В один из этих дней ровно в полдень у нас в центре появился весьма необычный клиент. Это был мой двоюродный брат Виктор. Он заскочил не просто повидаться и поболтать. Он был серьёзно настроен на то, чтобы стать опекуном аквариумных рыбок. Я не могла в это поверить.

— Ты действительно решил стать опекуном?

— Нет, я решил стать клоуном в цирке, но меня не взяли. С чего бы это вдруг я пришёл сюда?

— Не знаю, просто поболтать. Может, у тебя что-то случилось?

— Тогда я пришёл бы к тебе домой с бутылочкой вина.

— Учти, моя личная карточка заперта в сейфе. До возвращения Коллина.

— Лара, я никогда не приставал к тебе. Хотя очень хотелось. У тебя неприлично красивые волосы. Но ты моя сестра, и я наконец-то это понял.

— Я рада. — если честно, я была рада, что хоть кто-то обошёл вниманием мою грудь. — Так что я могу тебе предложить?

— Понятия не имею.

— Это не ответ. Ты уверен, что готов взять на себя такую ответственность?

— Ты говоришь так, словно я прошу разрешение на ребёнка.

— Рыбки — это те же дети. Только ещё более зависимы от нас.

Я уже готова была прочитать ему лекцию об ответственности и обязанностях опекуна, как вдруг заметила, что Виктор смотрит куда-то поверх меня. Взгляд его стал жёстким и сосредоточенным. Он совершенно меня не слушал, поглощённый какими-то своими мыслями.

На лице моего красивого брата играла целая гамма чувств: от щемящей душу нежности и до нескрываемой злости. Я обернулась, чтобы посмотреть на объект его неожиданных волнений.

Почему я не удивилась, увидев там Марию?

Она стояла, углубившись в видеосписок, и казалась полностью поглощённой работой. Но я заметила, как кусок магнитного пластика подрагивал в её руках. Она, несомненно, заметила бывшего мужа и изо всех сил старалась выглядеть безразличной.

Двое бывших любовников не ведут себя так, если между ними всё кончено раз и навсегда. Если в сердце осталась только пустота и привкус горечи. Между этими двоими явно осталось что-то недосказанное, недопрощённое и имеющее жгучее желание возродиться.

Как подсказывала мне интуиция, Виктору было глубоко плевать на рыбок. Я не могла не выступить в защиту своих питомцев, поэтому поспешила выставить его вон. Виктор

пообещал зайти завтра. Может быть за ночь он определится, что конкретно он хотел приобрести. Но я уже не верила в эти сказки.

Вечером я снова решила заглянуть к Арнольду. На этот раз не с кислой миной, имея в душе тайное желание поплакаться на сильном мужском плече. А с конкретной целью поделиться новостью, от которой меня распирало.

— Арнольд, как ты думаешь, если люди однажды разошлись, они смогут снова быть вместе?

— Не знаю, — задумчиво сказал брат. — Если речь идёт об официальном браке, то, скорее всего, если двое решились взять на себя такой крест, то вряд ли им что-нибудь поможет. Любовь бывает разной и иногда она проходит.

— А если очевидно, что эти двое всё ещё друг другу небезразличны?

— Шанс есть всегда. Нужно просто за него бороться. Всё зависит от желания самих людей.

— Сегодня в центр приходил Виктор. Он хотел стать опекуном рыбок.

— Виктор? Он говорил, что аквариумные рыбки наводят на него тоску.

— Я уверена, что если позволю ему приобрести хотя бы одну, она уже через неделю будет плавать кверху пузом.

— Не нужно быть столь низкого мнения о брате, — укорил меня Арнольд. Иногда мне кажется, что ему нужно было стать священником. Правда, он помешан на сексе также как и я. И Виктор тоже. Это у нас семейное. Только мы с Арнольдом отличаемся постоянством.

— Ты бы видел, как он смотрел на Марию. Как на богиню и дьяволицу в одном лице.

Арнольд задумался и потёр ладонью подбородок. Это означало, что он снова углубится в свою философию.

— А Мария?

— Краснеет при одном упоминании о Викторе, и бледнеет, если речь заходит о его личной жизни.

— Понимаешь, что бы ни чувствовали эти двое по отношению друг к другу, это не столь важно как проблемы, которые заставили их развестись. Если эти проблемы ещё актуальны, то этому браку не суждено иметь продолжение.

— А ты знаешь, что заставило их развестись? — Осторожно спросила я. В нашей семье с самого детства было заведено строгое правило. То, что сказано тебе наедине, автоматически переходило в папку под грифом «совершенно секретно». И делиться этим с кем-нибудь, даже самым близким, считалось недопустимым и даже подлым.

— Ты близкая подруга Марии, а женщины, насколько мне известно, не могут долго держать секреты в себе. Если даже ты не знаешь, то откуда мне знать.

Иными словами, Арнольд говорил мне «конечно, я всё знаю, но даже не проси, я всё равно ничего не скажу». Ох уж эти мужчины.

Тут появилась Ольга, и мы пошли к столу. Ужинать в семье Арнольда мне всегда доставляло удовольствие. Ольга умела подбирать меню так, чтобы каждый вечер казался неповторимым. Хотя сама она готовила очень редко.

Я ела свой ужин и молча любовалась этой парой. Какие они разные, и в то же время удивительно подходят друг другу. Как скрипка и смычок. Я не берусь утверждать, кто из них скрипка, а кто смычок. Наверное, каждый по очереди и в зависимости от обстоятельств.

Арнольд был красивый видный мужчина. Чистая старославянская кровь. Ольга была высокой и хрупкой, как тростинка. Я бы не назвала её красивой, но в ней было столько

женственности и обаяния, что даже я робела, когда она мне улыбалась.

Ольга умела держать себя искренне и непринуждённо. Она называла себя серенькой мышкой и чувствовала себя такой, но при этом держалась так уверенно, что казалась необыкновенной. Она была напрочь лишена женского тщеславия и высокомерия, которым я, признаться, иногда страдаю. Арнольд любил её именно за это, и не скрывал, что будь она в тысячу раз красивее, но другой, то не обратил бы на неё внимания.

Он не мог жить без неё, также как я без Коллина.

Остаток вечера разговор вертелся вокруг Димариса, который вдруг начал взрослеть не по дням, а по часам. У него появилась восьмилетняя подружка, и он заявил, что хочет завести личную карточку. Понятия о сексе у детей столь невинны, основанные на поверхностных наблюдениях за взрослыми. Хорошо, что личные карточки выдаются только с 15 лет.

На следующее утро я пришла на работу в приподнятом настроении. Душа моя жаждала шоу, которое вот-вот развернётся у меня на глазах. Но в реальности его, к сожалению, не произошло.

Виктор снова пришёл варить воду в котелке. Он просто стоял и смотрел, как тупоголовый истукан. И отпускал свои ядовитые шуточки, ставшие вдруг очень злыми. Мария избегала встречаться с ним взглядом, но было очевидно, что его присутствие доставляет ей радость и муку одновременно.

Я была бы не я, если бы не позволила себе вставить свои пять копеек.

— Пригласи её куда-нибудь, — шепнула я Виктору. — Тебе же хочется.

— Сегодня у меня есть с кем провести ночь, — громко сказал Виктор, специально, чтобы Мария услышала. И она услышала. — Когда не будет, тогда и посмотрим. Но на Земле очень много женщин.

— И мужчин. — заметила я. — Тем более под боком. Правда, Бова?

Бова утвердительно кивнул. Его большие сексуальные губы растянулись в улыбке. Молодец, Бова, всё схватывает на лету.

— Нельзя, чтобы женщина скучала.

Виктор посмотрел на меня так, словно я была мамой Гитлера. Но ничего не сказал.

Я разозлилась на него. Подумаешь, какой мачо. Такой крутой, что даже боится признаться, что всё ещё питает нежные чувства к своей бывшей жене. Скажете, это естественно, так реагировать на бывшего возлюбленного? Чувства уже умерли, но воспоминания вводят душу в обман? Ничего подобного. Когда я вижу кого-нибудь из своих бывших мужчин, я абсолютно безразлична. Я даже не всегда узнаю их, словно мы никогда не были близки. Впрочем, анализируя мои чувства к Коллину, я могу твёрдо сказать: на самом деле я их не любила.

Я предложила Виктору всего двух рыбок, хотя так и не положено. Семья рыбок должна состоять как минимум из трёх. Одна из них была чёрной. Я назвала её Виктор. Другая серебристой. Как вы догадались, я назвала её Мария. Я вручила контейнер с рыбками Бова, и сообщила Виктору, что теперь в его руках не только судьба этих двух рыбок, но и его собственная.

Когда Виктор ушёл, Мария ещё очень долго слонялась из кабинета в кабинет, выглядя при этом совершенно опустошённой. Я не выдержала, взяла её за руку и впервые за последние несколько лет пригласила вместе пообедать по собственной инициативе. Мария оказалось не в силах оценить мой жест, но я ничуть не обиделась.

Я видела, что ей больно. И эта столь очевидная боль нашла отклик в моей измученной душе. Снег начал таять, а ледяная корка дала трещину. Я почувствовала острую необходимость поговорить по душам.

Это был очень длинный обед. Мы говорили, говорили, не слушая, но и не перебивая. Каждая делилась своей болью. И хотя разлука с Колином казалась мне вселенской катастрофой, я не могла не признать, что боль Марии была намного глубже и серьёзнее. Ведь я знала, что мой любимый вернётся. А у Марии не было даже надежды.

Вечером я вновь вернулась домой в состоянии близком к упадку. Грусть окатила меня новой волной. Начинался третий месяц моей жизни без Коллина.

Я остановилась у порога и подняла глаза к небу. Ещё не стемнело, и не было видно ни звёздочки. Только бледный рогатый полумесяц свидетельствовал о том, что ночь уже на подходе.

Где-то там, среди невидимых звёзд мой любимый. Где ты, отзовись. Я так люблю тебя.

— 9—

Третий месяц моей жизни без Коллина прошёл так же как и второй. Я ненавидела находиться дома одной, поэтому работала, не покладая рук. Мне также удалось восстановить прежнюю дружескую теплоту в наших отношениях с Димарисом. Теперь у нас даже появились свои тайны. Он поделился со мной, что поцеловал свою девушку в первый раз в жизни. По-настоящему, в губы. Когда я намекнула насчёт того, использовал ли он язык, Димарис меня не понял, и я мысленно спела «Аллилуйя». Он всё ещё ребёнок, и ему пока ещё рано знать, что вместе с радостями вожделённого секса во взрослую жизнь приходят прочие «нерадости», о которых он даже не мог подозревать. Так что лучше ему подольше оставаться ребёнком.

Я вдруг вспомнила, как сама была подростком, и выражения типа «у тебя ещё всё впереди» или «погоди, ещё успеешь» воспринимала в штыки. Взрослая жизнь казалась такой привлекательной, хотелось всего и сразу. Теперь мне даже смешно оглядываться назад. Смешно и немного грустно, ведь вся прелесть детства состоит в том, что ты мечтаешь стать взрослым и попробовать то, что кажется далёким и непонятным. Я стала взрослой и успела попробовать всё, что могла предложить мне взрослая жизнь. Теперь впереди у меня нет ничего нового, а мечты солидно разбавлены чувством реальности.

Я с ужасом осознала, что начинаю привыкать к одиночеству. Воздух без Коллина по-прежнему отравлен, но я всё же могу дышать. Это не означает, что любовь остыла. Просто разлука добавила в неё горечи. Организму это не понравилось, и он решил заморозить все чувства. Вы пробовали есть пищу, когда у вас насморк? Ощущения примерно те же.

Меня начали одолевать всякие глупости и сомнения. Как там Коллин без меня? Вдруг находясь в разлуке со мной, он настолько от меня отвыкнет, что его треклятая работа займёт в его жизни моё почётное первое место? Ведь смог же он бросить меня накануне свадьбы и улететь за миллиарды километров в космос. Вдруг я придумала себе его страстную бесконечную любовь.

Арнольд был прав. Нельзя расставаться надолго. Хотя с другой стороны, бывает, люди расстаются и не видятся по десять лет, а потом встречаются, и любовь вспыхивает с новой силой.

Сидеть и гадать, строить предположения одно ужаснее другого, а потом находить им опровержения, было чрезвычайно болезненным процессом. Это настолько изматывало меня, что ровно за месяц моя грудь «похудела» на целый размер.

Я отчаянно скучала, но ничто не могло мне помочь.

Вчера, заметив наконец, изменения в моём теле, я снова забрела в заветный магазинчик, чтобы примерить платье. А вдруг произошло чудо и... Но чудо не произошло. Платье по-прежнему было тесно в груди.

Настроение было хуже некуда. Я сидела на кухне, болтала ложечкой остывший чай, как в дверь позвонили. Я открыла и обнаружила робота-почтальона. Послание было для Коллина. Я нажала кнопку связи с центром рассылок и объяснила, где сейчас находится Коллин. Диспетчер пришёл в некоторое замешательство, а я предложила передать послание под мою ответственность. Диспетчер согласился, но только после того, как сканировал мою личную карточку. Наличие записи «постоянный партнёр» даёт определённые права, кроме тех вещей, на которых стоит гриф «конфиденциально». Я приняла от робота небольшой конверт и оставила на приборной доске свои отпечатки пальцев, всё как положено.

Как примерная девочка, я собиралась положить документ в сейф. Мне честно не хотелось совать нос в сугубо личные дела Коллина. Но любопытство — второе имя любой женщины. Тем более что пакет говорил сам за себя.

На пластиковой поверхности красовалась надпись: центр планирования семьи. Я была несколько озадачена. Вся подготовка необходимых документов к заключению брака полностью лежала на мне. И документы, если подумать логически, тоже должны адресоваться мне.

Что же это за пакет?

Я колебалась ровно две минуты. После этого вскрыла пакет.

То, что я увидела, заставило меня плавно опуститься на пол. Сердце вдруг застучало быстро-быстро, я глубоко вдохнула воздух и долго не могла выдохнуть.

Разрешение на ребёнка. Полностью оформленное и одобренное.

Так быстро? Разве такое может быть?

Но в бланке заявителя стояло совсем не моё имя, а имя Коллина. Дата принятия заявления — два года и два месяца назад. Мы с Коллином тогда только начали жить вместе.

Как это понять? Быть может, он вовсе не...

Я зажмурила глаза, прежде чем прочитать имя в графе «Потенциальная мать ребёнка»

Лара Пирс. Это моё имя...

Выходит, выходит Коллин планировал на мне жениться ещё два года назад. И загодя подал заявление на ребёнка, чтобы потом не ждать ещё лишние два года. Ему ведь уже тридцать пять. И всё это время он ждал, пока я созрею?

Выходит, он не преувеличивал, когда говорил, что влюбился в меня с первого взгляда.

А я никогда не воспринимала эти слова всерьёз. Я думала, что именно классный секс положил начало нашим глубоким чувствам, которые росли и крепились постепенно.

Почему же он отталкивал меня, едва мы познакомились? Говорил, что я слишком молода для него? Может он боялся, что для меня это будет просто секс?

Я солгу, если скажу, что тоже влюбилась в него с первого взгляда. Солгу, если скажу что секс интересовал меня меньше, чем всё остальное. Но было нечто, что сформировалось и окрепло со временем. Моя любовь как растение: выросла из маленького зёрнышка, опущенного во влажную удобренную почву, в стройное крепкое деревцо, которое сейчас цветёт буйным первоцветом.

Возможно, Коллин ждал именно этого. Когда я созрею.

Но ведь я не яблоко. Я живой человек с душой и чувствами, и меня не стоит

воспринимать словно подростка, который уже наизусть изучил «Камасутру», а родители всё говорят ему, что «ещё рано».

Нет, я не обиделась на Коллина. Просто он должен был мне сказать о том, что хочет от меня ребёнка. Тогда бы я знала, как сильно он меня любит, и ни за что бы его не отпустила. Я бы не боялась, что это могло бы его оттолкнуть.

Крайний эгоизм, правда? Уверенность и бесстрашие делают человека эгоистичным, заставляя забыть о чувствах другого человека. Как бы я себя повела, запрети мне Коллин заниматься рыбками? Вряд ли бы я его разлюбила, и, может даже, пошла на некоторые уступки. Но я бы потеряла то несравненное чувство глубокой удовлетворённости любовью, потеряла часть доверия к любимому человеку.

Нет, в любом случае я бы не смогла удержать Коллина на Земле. Испытывать любовь — это последнее дело. Если я люблю, я должна беречь это чувство.

Мои размышления прервал сигнал видеофона. Это был Сергей Бра. Господи, я даже забыла, что этот человек вообще существует в нашем полушарии. И, прежде чем нажать кнопку связи, несколько секунд гадала, что ему может быть надо.

— Добрый вечер, Лара, — приветливо сказал он. — Я буду максимально краток: хочешь услышать своего Золянского?

Звук восторга, вырвавшийся из моего горла, очевидно означал, что хочу. Потому что это было единственное, что я смогла из себя выдавить. Внутри меня всё плясало, и я удивлялась, как мои ноги ещё стоят на месте.

— Встретимся через полчаса на входе в центр. Постарайся не сильно опоздать.

Кошмар! Неужели этот человек видит меня насквозь? Или для любого мужчины я совсем не загадка, и я просто себе льщу, воображая себя жутко интересной? Или я настолько типична? В любом случае и тот, и другой вариант однозначно меня не устраивали.

Я не только не опоздала, но ещё и успела наложить лёгкий макияж. Вдруг будет возможна видеосвязь?

Сергей встретил меня у входа. Слова богу, сегодня он вряд ли собирался меня обольщать: одет он был по-простому, волосы слегка взъерошены, глаза откровенно уставшие. Но парфюм по-прежнему сногшибательный. Наверное, у него прекрасный вкус.

— Ты опоздала.

— Совсем нет. — удивилась я и посмотрела на часы. — У меня даже осталось 2 минуты до отведённых мне тридцати.

— Я ожидал, что ты справишься за 20.

— К сожалению, телепортация всё еще осталась предметом научной фантастики.

Сергей не ответил. Я подняла на него взгляд как раз в тот момент, когда он пытался сдержать зевотку. Похоже, единственное, что его сейчас волновало, это когда он сможет добраться до собственной подушки.

Я больше не представляла для него интереса. Это было так очевидно, что даже стало немного обидно. Но в следующий момент я поняла, что ошибалась.

— Разлука не идёт тебе на пользу. Если будешь продолжать в том же духе, тебя унесёт ветром.

— Что-то я не заметила, чтобы особо изменилась.

— На целый размер, это точно.

— Всего лишь?

— В моих глазах это целая катастрофа.

— По-моему тебе нужно выспаться.

— Меня не привлекает перспектива спать одному.

— Найди себе девушку.

— Та, кто мне нравится, предпочитает спать одна.

— Знаешь, в мире полно девушек. Не стоит заикливаться на одной.

— Ты не могла подобрать менее банальной фразы?

Я готова была его удушить. Я метнула на Сергея красноречивый взгляд, постаравшись вложить туда побольше презрения, и ускорила шаг, оставив его позади.

Наконец, наступил тот момент, которого я ждала вот уже несколько месяцев. Услышать Коллина, а может, даже увидеть. Мне так много хотелось ему сказать, что я даже не знала с чего начать. Но ещё больше мне хотелось дотронуться до него: хоть на секунду, хоть одним пальцем.

Людам, привыкшим к мгновенной наземной связи, способ общения с космосом показался бы пыткой. Я задавала вопрос, а ответ приходил через 7 минут. И наоборот. Видеоконтакт был возможен только со стороны Далиды 5.

Я всматривалась в лицо Коллина, стараясь уловить каждую чётточку. Изображение было нечётким, мимика замедленной. Из-за этого Коллин казался каким-то искусственным, словно ожившая фотография. Вид у него был немного грустный.

— Это всегда так после состояния искусственного сна. — сказал мне оператор, заметив мой разочарованный взгляд.

Коллин, милый любимый Коллин. Как я счастлива тебя увидеть. Пусть даже такого, похожего на сомнамбулу. Я поднесла руку к экрану, как будто это могло приблизить меня к нему. Глупо, наверное, но так мне было легче.

— Здравствуй, любимый. Вот мы и увиделись. По крайней мере, я тебя вижу. А ты можешь слышать мой голос. Я люблю тебя.

Ответ пришёл через семь минут. Голос был как в тумане, глухой и почти незнакомый. Но я-то знала, что это Коллин. Я закрыла глаза и представила себе его прежнего: шумного и жизнерадостного, представила себе его голос, и мне стало так хорошо, так уютно, что я готова была сидеть здесь вечно, погрузившись в воспоминания.

— Я так соскучился. Я ведь не видел тебя целых пять суток. Я имею виду тех, когда находился в сознании.

Пять суток... Всего пять суток. Для него эта пытка ещё впереди. Мне так хотелось поддержать его, обнять, прижать к себе. Хотелось рассказать обо всём, что происходило со мной, когда его не было рядом. Хотелось поделиться той радостью, которая нас объединяла, но о которой он пока не догадывался.

Но эту радость нужно разделить вдвоём, держась за руки и глядя друг другу в глаза. Чтобы потом иметь возможность обняться крепко-крепко и услышать, как бьются наши сердца. Поэтому я решила остаться с нею наедине и лелеять в душе, дожидаясь возвращения Коллина. Он ведь целых два года ждал, а мне остаётся каких-то пять месяцев.

— Ты не представляешь, как я соскучилась. Я так счастлива, что могу сейчас видеть твоё лицо. Мне так тебя не хватает. Скажи, у тебя всё хорошо?

— Всё просто отлично. Я слышу твой голос, я представляю тебя, будто ты рядом. Как хочется тебя поцеловать, прижаться к твоей груди. Я жалею, что не взял тебя с собой.

— А это было возможно?

— Нет. Но если бы я знал, что будет так хреново, я бы спрятал тебя на борту.

Я улыбнулась, представив себе картинку: Коллин сжимает меня до размеров мыши, прячет под куртку и заносит на борт корабля. После этого прячет меня в щель под своей койкой, откуда я каждую ночь вылетаю к нему, словно жар-птица. И мы занимаемся любовью в невесомости.

Картинка была заманчивой и смешной одновременно. Я не сумела сдержать смех.

— Хорошо, что ты смеешься. Я люблю твой смех. Когда я вернусь, то заставлю тебя смеяться долго-долго, а потом мы пойдём в душ.

Это были последние слова Коллина. После этого связь оборвалась. Что поделаешь, между нами миллиарды километров космоса.

Я не чувствовала грусти. Наоборот, внутри меня бушевал восторг, а вокруг словно кружились стаи райских птиц. Мне захотелось поймать одну из них, взобраться на спину и улететь высоко-высоко, куда запрещено летать на аэромобилях. Туда, где живут ангелы. И пусть заткнутся учёные, которые утверждают, что ангелы не существуют. Один из них только что коснулся меня своим крылом.

За все три месяца у меня ни разу ещё не было такого хорошего настроения. Пять месяцев. Всего пять. Ещё столько же, сколько я ждала, плюс ещё два. Если разбить на части, выглядит не так уж плохо. Сколько важного и грандиозного можно сделать за эти пять месяцев. Когда Коллин вернётся, у меня может не остаться на это времени.

Я решила послать куда подальше тоску и меланхолию. Я перевернула дом вверх дном: сменила цвет и рисунок на стенах, в гостиной постелила дорожный ковёр ручной работы, который удалось перехватить на аукционе. Ковёр был мягким и пушистым, словно был соткан из чистой шерсти. Я не удержалась и прилегла на него. Было так приятно, что я едва не заснула. Надо будет заняться сексом прямо здесь.

Ковёр натолкнул на мысль о голографическом камине, и я отправилась по магазинам. Что поделаешь, страсть к покупкам у нас, у женщин, в крови.

По дороге меня опять занесло в магазинчик, на витрине которого некогда красовалась то самое сногшибательное платье. Теперь там были выставлены совсем другие вещи.

Я вошла и с ужасом приготовилась узнать, что таких платьев больше нет. И облегчённо вздохнула, когда услышала, что одно платье всё-таки осталось.

Размер был явно не мой. И стоило оно дороговато. Однако именно сейчас не было ничего, что могло бы меня остановить и испортить мне настроение. Гениальные мысли иногда рождаются за секунду. Я купила это платье и отправилась искать бабушку, которая когда-то связала свитер для Коллина. Быть может, ей удастся переделать его под меня.

На следующий день в обеденный перерыв мы с Марией отправились в кафе вместе. Я и не заметила, как быстро мы успели позабыть всё то, что когда-то сумело нас отдалить, и из трещин, которыми подёрнулся лёд наших отношений, теперь бил фонтан чистой воды.

Мы опять становились подругами. И я решила поделиться с ней своей радостью.

Но реакция Марии поставила меня в тупик. Я ожидала, что подруга придёт в восторг, а вместо этого в глазах её заблестели слёзы.

— Это так прекрасно. Вам необыкновенно повезло.

— Мы любим друг друга и хотим иметь ребёнка. И в этом нет ничего необычного. Почти все семейные пары хотят этого. Просто нам не придётся ждать.

— Да. Ты не представляешь, как это замечательно.

— Что именно?

— Что вам разрешили иметь ребёнка.

— Глупость. Я не встречала ещё ни одной пары, которой бы это запретили.

Мария как-то странно посмотрела на меня, отчего у меня вдруг внезапно зачесалось под левой лопаткой. Это было ужасно неудобно, но вокруг было полно людей, и я никак не могла себе помочь. Я сидела и мучилась, а в душе родилось предчувствие, что сейчас передо мной откроется какая-то не совсем приятная тайна.

— Я знаю такую пару. — сказала Мария, и лицо её стало мрачнее тучи. — Это мы с Виктором.

— Но почему? — я была искренне поражена. Я даже не догадывалась, что они хотят иметь детей. И то, что им отказали, явилось для меня шоком.

— Доктора посчитали, что психическое состояние Виктора не позволяет ему стать полноценным отцом.

— Но это полная чушь. Он совершенно нормальный человек.

— Психиатрики посчитали иначе. Они предложили ему лечение, после которого вопрос может быть снова открыт.

— Виктор отказался. Я знаю его.

— Нет, он согласился.

Мои брови поползли вверх от удивления. Будь рядом Сергей, он наверняка возрадовался бы.

— И чем это закончилось?

— Тем, что нам снова отказали.

Это было жестоко, очень жестоко. Я знала Виктора, знала, какой была для него эта жертва — добровольно согласиться на лечение. И такой резкий удар по психике. В голове у меня крутилась страшная догадка.

— Вы из-за этого разошлись? Вы не смогли с этим справиться?

— Виктор не смог. Он начал чувствовать себя парией в этом мире.

— Сложно сказать. Он всегда вёл себя так, будто был парией. Но мне почему-то казалось, что это ему даже нравится.

— Я сказала ему, что я готова жить с ним и без детей. Что нам нужно подождать несколько лет и попытаться ещё раз. Но ему это оказалось не нужно.

— Он сорвался и покатился по наклонной, сметая всех на своём пути, включая и себя самого. — задумчиво сказала я. — Это так на него похоже. Когда погибли его родители, мама с папой не сразу сказали ему об этом. Они забрали его к нам и солгали, что его родители внезапно уехали отдыхать вдвоём. Они хотели, чтобы Виктор немного привык к разлуке, прежде чем сказать ему страшную правду. Но это было ошибкой. Когда Виктор обо всём узнал, он не поверил. Он привык не только к разлуке, но и к ожиданию. На подсознательном уровне у него отложилось чувство надежды и веры, что когда-нибудь папа с мамой вернутся. И прошло очень много времени, прежде чем Виктор действительно осознал и воспринял их смерть.

То, что он согласился на лечение, было для него той самой спасительной надеждой. А когда все его усилия оказались бессмысленными, надежда превратилась в призрак. Он снова прошёл сквозь те самые круги ада, и угодил в ловушку полного безверия.

Наступив дважды на одни и те же грабли, он попросту сломал их пополам.

— Виктор стал отдаляться. И чем больше я пыталась хоть как-то удержать его и убедить в своей любви, тем упорнее он старался разрушить наши отношения. Он попросту убивал нашу семью.

— У него были другие женщины?

— Были. И половину он даже не отметил в своей личной карточке.

— Я бы не смогла мириться с этим.

— А я пыталась. Я сильно его любила.

— Виктор этого не оценил?

— Он сказал, что не может уважать и любить женщину, которая пала так низко, что готова положить свою гордость на алтарь блудливого психопата.

— И тогда ты наконец-то решила с ним развестись?

— Тогда я решила ему изменить, чтобы он почувствовал как это больно.

— У тебя получилось?

— Более чем. Мне даже понравилось, и я сказала ему об этом. Виктор взбесился.

— Он тебя ударил?

— Нет. Он никогда бы не поднял на меня руку. Виктор сказал, что очень рад, что теперь я могу понять, что такое жить разнообразной полноценной жизнью. И я поняла, что нашим отношениям действительно пришёл конец.

— Тогда я просто не понимаю, как ты до сих пор можешь его любить?

Мария всхлипнула и спрятала голову в ладонях. Несколько секунд было слышно только её дыхание.

— Мне тяжело его разлюбить.

— Почему.

— Видимо где-то в глубине души, я этого не хочу.

Она и в самом деле этого не хотела. И мне не трудно было её понять. Когда строишь дом, выкладывая его по кирпичику, планируя каждую комнату, каждую щель, очень трудно заставить себя не любить этот дом. Даже если от него остались одни руины. Можно заставить себя просто жить другой жизнью, ставить другие цели, но заново строить дом? А как же быть с тем, другим, который всё ещё живёт в твоей памяти? У некоторых это остаётся на всю жизнь. Другие умудряются забывать. И только Мария может решать, что её больше устраивает.

Оставался ещё один вопрос. Насколько дорог Виктору этот самый дом. На мой взгляд, его всё ещё держат эти руины.

— 10-

Таким образом я убила ещё два месяца. Оставалось ещё три. Время то летело, словно ветер, то ползло медленнее черепахи. Коллин выходил на связь редко, вся команда была очень занята. Меня допускали в центр только по большому благу, и мы не могли этим злоупотреблять. Я утешала себя: о чём можно было поговорить, когда каждая фраза звучит после другой только спустя семь минут. Разве только услышать голоса друг друга. Далёкие, искажённые, но по-прежнему родные до боли в сердце голоса.

Одиночество и тоска снова прокрались в мою душу. Должно быть, моя крепкая броня где-то прохудилась. При взгляде на пустующую соседнюю подушку у меня щемило в груди.

По вечерам я по-прежнему навещала Арнольда и Димариса, иногда прогуливалась вместе с Марией по вечернему парку. Но едва я переступала порог дома, одиночество впивалось в мою душу стальными клещами.

В итоге я решилась на отчаянный шаг: я решила стать опекуном щенка. Думаю, Коллин вряд ли будет против. Тем более будущему ребёнку будет полезно, если рядом будет находиться дружелюбный пёс. Все дети мечтают о собаке.

У Димариса когда-то была собака. Она умерла несколько лет назад. Димарис тогда очень расстроился, и поэтому Ольга категорически отказывалась заводить ещё одного пса.

А у меня теперь будет друг. Я ещё не решила, кто это будет, девочка или мальчик, но в центре опеки собак мне уже подобрали несколько вариантов.

Говорят, что собака сама выбирает себе опекуна, и это чистая правда. Едва я пересекла порог питомника, как мне под ноги бросился тёплый пушистый комочек, и принялся лизать мои голые ступни. Я наклонилась и взяла его на руки. Пёс тут же принялся облизывать моё лицо.

Вопрос был решён. Отныне Дасти, как я назвала своего щенка, будет жить в нашем доме на правах полноправного члена семьи. Надеюсь, Коллин будет не сильно против. Уход за Дасти будет своеобразной подготовкой к воспитанию собственного ребёнка.

Дасти был просто прелесть. Он не только скрашивал мне одинокие вечера и выходные, он заполнил собою весь дом, вытеснив пустоту и грусть. Дасти ни минуты не позволял мне скучать: постоянно метался из одной комнаты в другую, растаскивал обувь по углам, грыз мебель. По утрам он с визгом вскакивал и принимался носиться по кухне, требуя завтрак, а пока я готовила еду, потрошил мою постель, если я не успевала её убрать. В те редкие минуты, когда он мирно спал на моём любимом ковре, который я всё ещё планировала использовать как любовное ложе, я искренне наслаждалась тишиной.

Я ласково называла Дасти маленьким чудовищем, а Димарис вообще души в нём не чаял. Эти двое были словно созданы друг для друга — носились вместе как угорелые. Глаза Димариса наполнялись слезами, когда мы с Дасти уходили домой.

Я старалась не приучать Дасти спать со мной в одной постели, однако почти каждое утро я обнаруживала его спящего, свернувшись калачиком у моих ног. Пару раз он намеревался устроиться на подушке Коллина, но меня это решительно не устраивало. Я злилась и отправляла его в гостиную, а дверь в спальню прочно блокировала. Тогда Дасти начинал скулить, царапаться в дверь и, клянусь богом, я видела в его глазах слёзы. Моё сердце не могло этого выдержать, и, коря себя за мягкотелость, я позволяла ему войти.

Почему рано или поздно, все, кого мы любим, прочно садятся нам на голову? Я часто задавала себе этот вопрос, но ответа так и не придумала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Так проходили мои дни. Один за другим в ожидании Коллина. Гоняясь за Дасти, я похудела ещё на полразмера. Мне наконец-то удалось забрать моё серебристо-фиолетовое платье и, о чудо, — оно сидело на мне идеально! Я критически посмотрела на себя в зеркало и поняла, что Сергей был прав: ещё чуть-чуть и от моих прелестей останутся одни воспоминания. Но я планировала наверстать потерянное во время беременности.

Ребёнок... Я так мечтала о нём, что в своих эротических снах постоянно видела, как мы с Коллином работаем над его появлением. Я всё время меняла место и обстановку, примеряя то один, то другой вариант. Это событие должно отложиться в памяти, как одно из самых романтических эпизодов в нашей жизни. Наверное, я немного тронулась умом. Всем известно, что нельзя проигрывать реальные ситуации в голове, потому что в настоящей жизни они обязательно пойдут совсем не так, как представляешь. Но что поделаешь, если это помогало мне бороться с приступами тоски.

Оставалось чуть больше двух месяцев. Если быть точной, то семьдесят два дня.

Я смоделировала на стенке сенсорный календарь, и отметила эти дни красным. Каждый день, который проходит, будет терять свою окраску. Таким образом, до приезда Коллина их

будет становиться всё меньше и меньше, пока не останется совсем чуть-чуть.

Когда же уже наступит этот желанный день? Я пометила его в календаре серебристо-фиолетовым цветом.

Одним утром я проснулась с ощущением, что должно произойти что-то необыкновенное. В душе что-то словно трепетало, и сердце стучало громко-громко, как будто хотело выпрыгнуть из груди. У меня давно не было такого чувства, и я не знала радоваться мне или плакать. Я посмотрела на календарь и улыбнулась: стала на один красный квадратик меньше чем вчера. И тут до меня дошло: сегодня ведь день отправки корабля Коллина обратно на землю. Сегодня они приведут в действие автопилот и погрузятся в состояние искусственного сна. Это был первый шаг на пути домой.

Коллин наверняка захочет сказать мне что-то на прощание, перед тем как уснуть на целых два месяца.

Я наскоро приготовила еду для Дасти, и еле заставила себя выпить стакан яблочного сока. Есть мне не хотелось совершенно. Я пулей влетела в спальню и выбрала одно из своих лучших нарядов. Потом наложила макияж и spraysнула себя духами, которыми пользовалась только по особым случаям.

Я даже не задумывалась, зачем я это делаю: ведь Коллин не сможет ни увидеть меня, ни почувствовать мой запах. Мне захотелось почувствовать себя женщиной, любимой и долгожданной. А что может пробудить женственность лучше, чем самолюбование?

Я покинула спальню и спустилась вниз, и тут только вспомнила, что забыла покормить своих любимиц. Бедные мои рыбки, ваша хозяйка слишком глубоко погрузилась в собственные переживания, и перестала уделять вам должное внимание.

А ведь аквариумные рыбки очень чувствительны. Я готова поклясться, что когда Дасти появился в нашем доме, Аркадия начала ревновать меня к новому питомцу. Она никак это не показала, но за годы работы с рыбками, у меня выработалась профессиональная интуиция.

Сегодня мне почему-то не понравилось, как выглядит Аркадия. Она показалась мне немного бледной. Я одела перчатки, достала аквафиксатор и поймала в него Аркадию, после чего сделала ей витаминный микроукол. Должно быть, пора переходить на новую витаминную фазу. К вечеру Аркадия должна приобрести свой естественный цвет, если только нет ничего серьезного.

Я немного расстроилась, но вскоре позабыла об этом. Усталость и лёгкое недомогание свойственны как людям, так и другим представителям живого мира.

Обедала я сегодня с Виктором. Оказалось, он вполне справляется с ролью опекуна аквариумных рыбок, и теперь он хотел расширить свой «гарем», как он в шутку называл аквариум. Не знаю, насколько искренним было его желание, однако у меня появилась навязчивая мысль, что вся эта шарада с рыбками затеяна исключительно ради того, чтобы нашёлся повод увидеть бывшую жену. Но как только они встречались, оба тут же отводили глаза в сторону и не пытались общаться.

Но что руководило Виктором. И почему именно сейчас, когда я так одинока и нуждаюсь в поддержке. Быть может потому, что как раз сейчас они могут увидеть себя в моём лице, каждый со стороны. Увидеть, почувствовать и разделить эту боль.

А быть может, им обоим нужен был урок. Пример того, что настоящее чувство может выдержать любое испытание: и временем, и расстоянием и разлукой. Пример того, что за право быть вместе можно бороться и не потерпеть поражение. Тогда и у них мог бы быть шанс. Это чувство называется погоня за надеждой. И Мария, и Виктор оба гнались за своей

надеждой, но к сожалению, пока в разные стороны.

После обеда я не могла отделаться от мысли, что упускаю нечто очень важное в своей жизни, поэтому крутилась на своём стуле как юла. На долго меня не хватило, поэтому я честно отпросилась домой, а сама полетела в центр геологических исследований.

Там творился настоящий хаос. Все метались взад и вперёд, едва не сбивая друг друга с ног. На входе меня встретил совсем другой охранник, который почему-то отказал мне в пропуске. Я попросила его связаться с господином Бра, если таковой ещё работал в центре. Оказалось, он не только работал, но и получил повышение по должности. Теперь он полностью контролировал работу над обеспечением безопасности центра и его сотрудников.

Сергей, увидев меня на мониторе, велел выписать пропуск, и лично спустился встретить меня. Он был сильно взволнован и, как мне показалось, избегал смотреть мне в глаза. Что-то нехорошее защекотало у меня под ложечкой. Что-то было явно не так.

— Сергей, у вас сегодня настоящий пчелиный улей. Я раньше никогда не видела такого движения. Разве что в день отлёта.

— Да, сегодня у нас по-настоящему жарко.

— Открыли что-то новое? Или хорошо забытое старое. — несмотря на волнение, я пыталась шутить. Но взгляд Сергея был очень серьёзным.

— Почему ты здесь, Лара?

— Как почему? — я, признаться, удивилась его вопросу. — Сегодня космолёт Коллина стартует домой. Я думала, что мы сможем пообщаться перед тем, как они заснут.

Сергей улыбнулся, и в улыбке его было столько нежности и грусти, что у меня защемило сердце. Он напомнил мне Коллина. Совсем чуть-чуть.

— Ты настоящая женщина, Лара. У тебя потрясающая интуиция

— Это элементарная логика.

— Логика здесь не причём. Я как раз думал о том, чтобы с тобой связаться.

— Коллин уже ждёт, чтобы я с ним связалась?

— Есть небольшие проблемы.

— Что-то случилось?

— Да.

Должно быть, в тот момент у меня было такое лицо, что Сергей заметно заволновался и, схватив за руку, заставил присесть на ближайший стул. Я сразу же предположила худшее, но не решалась об этом спросить. Я чувствовала, как в груди нарастает ком, а слёзы готовы хлынуть из глаз мощным солёным потоком. Но следующие слова Сергея заставили меня вздохнуть с облегчением.

— Ничего страшного не случилось. Просто мы не можем выйти с ними на связь. Какие-то неполадки в системе связи. Мы уже направили к ним ближайший спутник, и теперь ждём сигнала.

— Но с кораблём всё в порядке.

— Ты спрашиваешь, цел ли он? Конечно, цел. Просто нет связи. Абсолютно никакой. Сейчас мы работаем над тем, чтобы передать им сообщение через спутник. А потом мы получим ответ.

— Когда это будет?

— Не знаю, может, через несколько часов.

Какой ужас. У меня нет столько времени. Мне нужно всё знать прямо сейчас. Я так долго ждала, и теперь на меня давит неизвестность. Что с ними случилось? Быть может, их

уже нет в живых, и поэтому они не отвечают. Я должна знать ответы на эти вопросы немедленно. Я не смогу прожить эти несколько часов, и умру от волнения прямо сейчас.

Сергей опустился передо мной на колени и взял мои ладони в свои. У него были крепкие, сухие ладони. Я чувствовала себя маленькой девочкой, которая потерялась и не может найти дорогу домой. Сергей словно читал мои мысли.

— Всё будет в порядке, малышка. Они живы и здоровы. Просто неполадки в системе.

Никто и никогда не называл меня малышкой. Мне почему-то это было неприятно. Но Сергей вряд ли хотел вызвать у меня неприязнь, скорее наоборот. В его глазах читалось беспокойство. Мне было не по себе от того, как он на меня смотрел. Три года назад от такого взгляда я бы растаяла. Но тогда в моей жизни ещё не было Коллина. А сейчас моё сердце принадлежало Колину и он заполнил его целиком без остатка.

Ожидание длилось целых четыре часа, которые показались мне днями. Хорошо бы в таких случаях выдавали снотворное, чтобы заснуть и, не мучаясь переживаниями, проснуться к тому моменту, когда уже всё станет ясно. От волнения я почти до крови изгрызла указательный палец правой руки.

Новости были и хорошими и плохими одновременно. Команда жива и здорова, но система связи полностью вышла из строя. Корабль потерял курс, хотя фактически находился у всех на виду.

Непонятно, почему это произошло. В наше время перебои в системах были такой же редкостью, как воздушные столкновения аэромобилей. Всё проверялось и перепроверялось сотни раз. В космических кораблях можно было жить веками и не бояться, что какой-нибудь прибор выйдет из строя. Это были тончайшие шедевры современной сенсорной технологии. По крайней мере, простые жители земли, такие как я, привыкли так думать.

Сергей практически постоянно крутился возле меня. Я буквально засыпала его вопросами, стараясь хоть немного прояснить ситуацию.

— Это единственная поломка? Вдруг что-нибудь ещё выйдет из строя?

— Никто не даст ответа на этот вопрос. Хотя капитан Бражинский уверил нас, что все остальные системы функционируют более или менее нормально.

— А корабль может лететь без связи?

— Мы не можем рисковать и выпускать в полёт корабль, чьи системы работают с перебоями, оставив его без связи.

— И что тогда будет?

— Мы потеряем корабль. А он будет вынужден двигаться вслепую, ориентируясь на простые навыки космической навигации.

— То есть будет просто лететь, и единственным его руководством будет то, что видно за передней панелью? Фактически по звёздам?

— Совершенно верно.

— Разве это сложно?

Сергей посмотрел на меня как на первоклассницу.

— Космос — это не Земля, где всё упирается в длину, ширину и высоту. Полёт на аэромобиле безопасен, потому как в других аэромобилях тоже сидят люди и управляют движением. Но мы не можем управлять космическими потоками, притяжением орбит, метеоритами и прочей радостью. Мы можем ориентировать и сообщать. Корабль без связи очень рискует.

— Разве они сами не могут себя починить?

— Ты даже не представляешь себе, насколько дорого стоит создание автономной системы ремонта на космическом корабле. Исследования в Солнечной галактике вполне могут обойтись без таких колоссальных затрат.

— Вот живой пример того, что не могут.

— Это поломка временного характера.

— Но в чём причина поломки?

— По мнению Бражинского корабль неудачно прошёл сквозь точку соприкосновения орбит Далиды — 5 и её крошечного спутника Психеи — 8. При расчёте траектории полёта все попросту пренебрегли Психеей -8, учитывая её крохотный размер, примерно 1/10 Луны.

— К ним вышлют спасательный корабль?

Сергей посмотрел на меня и покачал головой.

— Готовится специальный робот, который отправится чинить неисправность.

— Сколько он будет лететь? — спросила я, и внутри меня всё затрепетало. Я боялась ответа на этот вопрос.

— Два месяца.

Всего два коротеньких слова, и моя жизнь снова оказалась вывернутой наизнанку. Восемь плюс два будет десять. Разлука становится длиннее. Красных квадратиков на календаре станет больше на 61. Плюс ещё парочку дней на предполагаемую починку. Я вряд ли это вынесу. Поэтому прямо сейчас иду топиться.

— Что будут делать члены команды. Просто болтаться у Далиды — 5 без связи? Ждать и тихо сходить с ума, как и мы здесь, на Земле.

— Нет, они войдут в состояние искусственного сна вплоть до прибытия робота. Им уже сообщили об этом. Корабль будет вращаться вокруг орбиты Психеи — 8.

— Замечательно, — пробормотала я сквозь слёзы.

— Кстати, Коллин передаёт тебе привет и говорит, что очень любит. Просит, чтобы ты дождалась его.

— Но как он смог это передать? — удивилась я.

— Никак, — Сергей виновато улыбнулся. — Но я бы на его месте передал бы именно это. И ещё кое-что.

Прежде чем я успела опомниться, Сергей наклонился и поцеловал меня в губы. Поцелуй был быстрый лёгкий и вполне невинный. У него были тёплые сухие губы. Несколько секунд мы стояли молча, и я ощущала на своей щеке его дыхание. Сначала оно было тихим, едва уловимым, но постепенно оно наполнилось силой, и я даже услышала, как бьётся его сердце. Сергей дотронулся до меня кончиком носа и...я догадываюсь, чем это грозило кончиться, и поэтому осторожно приложила палец к его губам. Он не понял меня, и мой палец мгновенно оказался в плену его языка. Для меня это было слишком, но я не решилась закатать ему пощёчину. Я просто отдёрнула руку и повернулась к нему спиной.

— Прости. Я не хотел обидеть тебя.

— Ты увлёкся, передавая чужие поцелуи.

— Послушай, Лара. Не думай, что я какой-нибудь бабник или озабоченный. Ты мне нравишься. И я вовсе не хотел воспользоваться отсутствием Золянского, чтобы переспать с тобой. Я уважаю твои чувства.

— Правда, я и не заметила.

— Ты неправильно истолковала моё поведение. Я просто хотел поцеловать тебя.

— Зачем?

— Чтобы узнать, ответишь ты мне или нет.

— Интересная у тебя логика! И что было бы, если бы я ответила?

Сергей посмотрел на меня и выдержал долгую паузу. У него это получилось красиво. Он откинул голову назад и широко улыбнулся. Ему шла улыбка, она делала его похожим на шкодливого мальчишку. Такие нередко сводят с ума барышень, которым слегка за сорок.

— Тогда Золянскому не имело бы смысла возвращаться. Лара Бра звучит куда лучше, чем Золянская.

— У тебя нет шансов, Сергей.

— Шанс есть всегда. К тому же, Лара, — многозначительно сказал Сергей и осторожно дотронулся двумя пальцами до моего подбородка. — Тебе понравилось.

Он был чёртом, сатаной и прочей нечистью в своём сером блестящем пиджаке. Жаль, что ругаться вслух считалось аморальным и каралось денежным штрафом. Сейчас я запросто могла лишиться солидной части своей зарплаты. Теперь я понимаю, почему столь пагубную привычку как ругаться не выведешь никакими путями. Люди перестали курить, но ругаться... Наверное, это в крови. Самый действенный способ снять стресс и поделиться своими мыслями с окружающими.

Да, мне понравилось. Да, я люблю секс. Да, я считаю Сергея привлекательным мужчиной. Да, я догадываюсь, что он восхитительный любовник. Но если вы узнали что такое секс с любимым человеком, то просто секс ради секса перестанет вас привлекать, а даже наоборот, отталкивать. Примерно это я сейчас и чувствовала.

Наверное, каждый человек рано или поздно оказывается на пороге возможной измены. И если сердце отвергает это чувство, вызывая дрожь почти что отвращения, любовь к своей половинке становится ещё сильнее. Я ощутила прилив необыкновенной нежности, вспоминая о том, как мы с Колином поцеловались в первый раз. Разве можно хоть на секунду мечтать о чём-то другом? Я бы отдала десять лет своей жизни, чтобы обнять его прямо сейчас и прижаться губами к его губам.

Идите вы все к чёрту.

— 11-

На следующее утро был выходной. Я встала рано, чтобы прогуляться с Дастей на свежем воздухе. На улице стоял туман. Приближались холода, а вместе с ними «привлекательная» перспектива коротать долгие тёмные вечера дома перед виртуальным камином. В одиночестве есть своя прелесть. Можно перечитать любимые книги, пересмотреть все фильмы, на которые раньше не хватало времени. Кажется всё это я уже начала делать месяца два назад. Теперь стоило задуматься о продолжении.

Дастей заметно подрос. Это уже не тот забавный щенок, которого я никак не могла держать в узде. Теперь это буйный пёс-подросток, у которого сформировался вполне устойчивый характер. Ему явно не хватало крепкой мужской руки. В этом мы с ним были братьями по несчастью.

Мы гуляли довольно долго. Дастей набегался вволю и теперь лениво волочился за мною, высунув язык. Я посмотрела на него и улыбнулась: мой пёсик метнул на меня такой жалостливый взгляд, что мне стало смешно. Мальчик устал и хочет на ручки, прямо как маленький ребёнок. Но ведь по сути Дастей ещё совсем малыш. Я наклонилась и провела рукой по его мягкой шерсти, потом почесала за ушком. Дастей вильнул хвостиком и лизнул мою ладонь.

— Кушать хочешь, маленький?

— Очень хочу, — ответили откуда-то сзади. Голос показался мне знакомым, но от неожиданности я сразу не сообразила, кому он принадлежит.

Я выпрямилась и огляделась по сторонам, но никого не увидела. Странно, должно быть у меня галлюцинации. Или Дасти научился воспроизводить человеческую речь.

— Теперь у тебя привычка бродить по утрам в такой холод? Хорошо, что у меня нет собаки.

У меня по коже пробежал предательский холодок. Вокруг никого не было. Я начала оглядываться по сторонам в поисках шутника, но кроме меня на улице не было ни души.

— Не вертись так, голова закружится.

Я слышала позади себя смехок, и через секунду до меня дошло, кому принадлежал голос.

— Виктор, я не знаю где ты, но я тебя сейчас убью.

— Вот он я. Здесь. И здесь тоже.

Виктор возник прямо передо мной. Внезапно, словно материализовался из воздуха. Он улыбался и сиял так, словно был наэлектризован. Потом он исчез также, как и появился. И снова возник только уже за моей спиной.

Я разозлилась не на шутку. Этот кретин играет со мной своей голограммой. Но как это ему удаётся?

— Ума не приложу, как я могу видеть твою голограмму без голоприёмника. И перестань скакать с места на место, ты пугаешь пса.

— Это новая система автоприветствия. Можно встречать гостей или общаться с соседями, не выходя из дома.

— Но как ты меня нашёл?

— Я тебя и не искал. Ты значишься в списке моих гостей, и система на тебя среагировала.

— Я все ещё ничего не понимаю. Твоя голограмма может найти меня повсюду? Где бы я ни находилась?

— Только если ты поможешь ко мне в гости.

— Да я вроде и не собиралась.

— Тогда что ты делаешь возле моего дома?

Давно я не чувствовала себя такой идиоткой. Я прошла пешком почти весь район — а это огромное расстояние, и даже не заметила, что стою прямо под окнами Виктора.

— Ты случайно не заблудилась?

— Нет, просто шла, куда глаза глядят. И пришла сюда.

— Это что-то да значит.

Краем глаза я уловила какое-то движение. Голограмма Виктора склонилась в шутливом поклоне, приглашая войти в распахнутую дверь. Что ж, по-видимому, придётся начать свой день с визита в гости. Если учесть, что утро только началось, а дома меня никто не ждал, день обещал быть длинным и интересным.

— Привет.

Живой Виктор выглядел не столь блестяще как голограмма, но его объятия были тёплыми, а главное, искренними. Раньше он очень редко меня обнимал, а теперь в его глазах я уловила что-то неуловимо родное. В ответ я прижалась к нему всем телом и внезапно поняла, что соскучилась. Очень соскучилась. Странно, мы ведь никогда не были особо близки.

Вообще у нас было довольно странное родство. Для некоторых людей двоюродные братья и сёстры были по сути просто хорошими знакомыми, без особых родственных чувств и привязанностей. Наши родители старались воспитывать нас как родных. Виктор старался не подпускать никого к себе слишком близко. Он всегда был словно сам по себе.

Но это не значило, что он не чувствовал себя одиноким. Иногда он тянулся к людям, только они этого не понимали. Тогда я тоже этого не понимала.

— Ты, кажется, сказал, что голоден?

— Ты тоже голодна или просто хочешь приготовить мне завтрак?

Это не могло не вызвать у меня улыбку. Он очень хитёр. Поставил меня в такое положение, что отказаться просто невозможно. К тому же я так давно не готовила завтрак для мужчины. Надо вспомнить, как это бывает приятно.

Виктор привык жить один и заботиться о себе самостоятельно, поэтому не стал, как любой другой мужчина на его месте, увиливать от того, чтобы помогать. Он предпочитал по возможности натуральные продукты, так что завтрак получился весьма серьёзным.

— Не могу сказать, что в твоём доме не хватает женской руки. Ты великолепно со всем справляешься. — сказала я, когда мы сели завтракать.

— Было бы странно, если бы при современном уровне развития технологий, женская хозяйственность служила определённым фактором привлекательности совместной жизни. Этот критерий отбора вымер, на мой взгляд, около двухсот лет назад.

— Господи, как ты выражаешься. Твои студенты случайно не спят на лекциях?

— Не спят. — улыбнулся Виктор. — Не поверишь, некоторые фанатики учёбы задают такие вопросы, что мозги ломаются, пока поймешь, что они имеют в виду.

— Ты всегда живёшь один. Тебя не привлекает совместная жизнь?

— Почему же. В ней есть своя прелесть. Каждому человеку свойственно стремление обладать кем-либо не просто на одну ночь.

— Кто бы говорил... — я всё-таки не сумела сдержать свой язычок. Интересно, ещё не придумали виртуальный замок для рта? Надо бы подать идею.

— Ты меня просто не знаешь. До конца. Впрочем, никто не знает до конца даже себя. — Виктор смотрел прямо перед собой, но у меня сложилось впечатление, что он где-то далеко отсюда. — Меня нелегко любить.

— Мне кажется, ты просто этого не хочешь.

Виктор обратил свой взор на меня. Выражение его глаз было весьма грустным.

— Ты умеешь понимать мужчин, Лара. За это они тебя и любят, а вовсе не за четвёртый размер груди.

Я покраснела. Я действительно почувствовала, как к лицу прилила горячая волна стыда. Даже брату не следует говорить сестре такие вещи.

— Тебе говорили, что когда ты удивляешься...

— У меня становятся такие глаза, что хочется удивлять меня снова и снова.

— Коллин не мог тебе такого сказать.

— Ты настолько хорошо его знаешь?

— Такие как он любят молча, а о любви говорят поступками.

— А те, кто говорят вслух, на деле не способны любить?

— Ещё как способны. Просто их любовь более эгоистична. Они требуют больше, чем дают.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Опыт. Не только личный. Я ведь историк и по профессии и по призванию.

— Мне всегда было интересно, что история даёт в жизни, кроме знания о том, что было когда-то, когда нас ещё не было в проекте?

— Очень много. История даёт нам возможность увидеть будущее.

— Весьма странное мнение.

— Я как раз пишу научную работу на эту тему.

— Здорово. Поделишься своими идеями? Мне честно стало интересно. — я не кривила душой. Мне всегда было интересно то, что способно «зажечь» другого человека, поглотить его время и мысли. Быть может, и для меня это окажется важным?

— Я анализирую прошлое, вывожу закономерности, постулаты, основные принципы эволюции общества. Ведь общество — это по сути живой организм, который имеет свои законы развития. Я вывел несколько собственных аксиом.

Например, ничто на свете не проходит бесследно. Даже самые нелепые и абсурдные на первый взгляд события и поступки имеют далекоидущие последствия. Пусть не сразу, но в будущем, например, через сто лет, мы услышим эхо наших поступков.

— Значит, случайностей не бывает?

— Наоборот, мир состоит из случайностей. В этом вся прелесть жизни. Случайность может полностью изменить жизнь каждого человека и общества в целом. Но когда случайность происходит, кажется, что так и должно было быть. Например, если случайно сталкиваются два космолёта и гибнут люди, кажется, что не может быть ничего хорошего. Кто-то потерял любимого, кто-то остался без отца или матери. Но именно это событие повлияет на судьбу случайного зрителя, натолкнёт его на какой-нибудь поступок, который в будущем принесёт свои плоды.

В некоторых случайностях есть своя закономерность. Некоторые случайности являются очень неслучайными последствиями каких-либо событий. Важно уловить суть и представить картину целиком.

— Что это даёт?

— Если понять, что к чему приводит, иногда можно избегать, иногда контролировать, а иногда создавать случайности.

— Тогда это будут не случайности.

— Может быть. Но мы поймём смысл жизни. И сможем сказать, каким будет наш мир через несколько поколений, если мы будем двигаться в том же направлении, что и сейчас.

— И каким будет наш мир лет через сто?

— У меня есть несколько вариантов. Хотел бы я перенестись на сто лет вперёд, чтобы посмотреть, какой из них окажется верным.

— А вдруг никакой?

— Такого просто не может быть. Моя жизнь не может быть прожита зря.

— Согласно твоей теории любая жизнь не проживается зря.

— Я уверен, лет через сто-двести наше общество станет ещё более свободным и сплочённым.

— Понятия совершенно противоположные.

— Человек не может быть свободным от общества и самого себя. Но он может быть свободен от собственного эгоизма. Когда он принимает эти правила, он свободен. Посмотри на второе полушарие. Они провозгласили себя свободными от всего: от брака, обязательств, науки, законов. Они почти не рожают детей, потому что хотят прожить жизнь только для

себя. Они рабы своих примитивных желаний. И они скоро вымрут.

— Они выживут за счёт паломников из нашего полушария.

— Рано или поздно их поток иссякнет. Человек должен развиваться, иначе деградирует обратно на низшую ступень эволюции.

— Я уже даже не знаю, куда нам ещё развиваться. Всё что можно было, уже изобрели.

— Время показывает, что всё в итоге несовершенно и может быть ещё лучше. Вокруг нас огромное пространство космоса, а звёзды всегда манили человека к себе.

Я тяжело вздохнула и провела рукой по волосам. Тема космоса была для меня весьма болезненной. Особенно когда речь шла о звёздах. Эти бестии отняли у меня Коллина и никак не желали возвращать. И зачем только Виктор завёл разговор о космосе. Было ведь так интересно. Теперь сердце опять наполнила грусть.

— Ты яркий пример человека, свободного от эгоизма, Лара. Чтобы там не говорил Арнольд, ты сделала выбор свободного человека, который ценит и уважает право другого на свободу. Это связывает крепче любых уз.

— Ты имеешь ввиду то, что я позволила Коллину лететь?

— Это ведь было для него важным.

— Знал бы ты, сколько раз я об этом пожалела.

— Ты жалела о том, что его нет рядом. А тем, что ты его отпустила, мне кажется, ты даже гордишься.

Я посмотрела на Виктора, широко раскрыв глаза. Он сидел на кушетке, положив ногу на ногу, а на колене у него уютно расположилась голова Дасти. Пёс внимательно слушал нас, чуть прикрыв глаза. Одно ухо его чуть подрагивало от удовольствия, когда Виктор проводил пальцами по его спине.

Оказывается, Виктор не только историк, он ещё и психолог, причём его проницательности можно было позавидовать. Непонятно одно: как он мог довести свою личную жизнь до такого абсурда. У меня опять началась чесотка языка.

— Ты так хорошо объясняешь. Я думаю, ты будешь хорошим отцом.

Гром и молния на мои плечи. Закройте меня в бочку и сбросьте в океан, чтобы я, наконец, научилась молчать, когда не нужно говорить глупости. Виктор заметно сник, плечи его опустились.

— Не в этой жизни.

— У тебя не будет другой, Виктор. К тому же ты любишь Марию, это очень заметно.

— И что толку от этой любви. Между нами уже столько камней, что можно построить замок.

— Камни можно обойти, если захотеть. — осторожно заметила я. Но Виктор, если ему было нужно, умел быть очень упрямым.

— Я рад, что вы с Марией снова нашли общий язык.

Разговор постепенно сошёл на нет. Виктор был готов часами разговаривать об истории, философии и науке, но все мои попытки проникнуть через барьер, именуемый Марией, потерпели поражение. Легче было высосать живую устрицу из раковины, чем вытянуть что-либо о чувствах Виктора.

Я вернулась домой около полудня. Весь день я работала исключительно языком, если не считать мытья двух тарелок, но всё равно чувствовала себя подуставшей. Хотелось включить телевизор и подремать на диванчике под монотонный голос ведущего. Я намеревалась так сделать, как вдруг почувствовала: что-то не так. Я не могла объяснить это чувство, но знала

— это неспроста.

Я прошлась по гостиной и позволила Дасти улечься на мой любимый пушистый ковёр. На первый взгляд всё было нормальным, но я доверяла своей интуиции. Иногда.

Предчувствие не обмануло. Я посмотрела на аквариум: там резвились всего две рыбки. Третья, моя любимая Аркадия, совершенно белая, плавала вверх брюшком под колпаком аквариума. Сердце моё обливалось кровью. Я так была к ней привязана.

— 12-

Ещё два месяца без Коллина. Единственной радостью было то, что красных квадратиков на календаре стало в два раза меньше. Как и два месяца назад. Я как будто взяла пульт и перемотала жизнь на 61 день обратно. Через две недели должна была быть наша свадьба, если бы всё шло так, как мы планировали. Но разве в жизни всё получается так, как задумывалось? С одной стороны, это вносит определённый колорит, с другой — рушит всё, к чему так долго стремились.

Раньше я была уверена, что держу своё будущее крепко в кулаке, но теперь чётко осознавала, как мы зависим от случайностей. Неужели Виктор прав, и всё, к чему я так долго готовилась, что лелеяла в своих мечтах, может рухнуть в один момент, только для того, чтобы кто-то лет через сто сказал, что это было неслучайно? Но я не хочу зависеть от случайностей, не хочу строить для кого-то будущее. Я хочу жить настоящим и быть счастливой в своей собственной жизни.

Надо меньше общаться с Виктором. От его философии у меня портится настроение.

Я сидела и разговаривала по видеофону с опекуней, у которой заболела рыбка. Мария в это время пролистывала видеожурнал. Я старательно избегала смотреть на неё, потому как мысли всё время возвращались к Виктору и его дурацким исследованиям.

У меня была ещё одна причина для стресса: я с нетерпением ждала новостей о том, как проходят работы по ремонту корабля Коллина. Сергей Бра уверял меня, что всё будет в полном порядке. Но в последнее время моя стойкая уверенность в безоблачном будущем слегка пошатнулась. Я всё время ожидала каких-нибудь случайностей, которые в очередной раз помешают нам с Коллином встретиться.

Нет, я не сомневалась, что он вернётся. Я ни секунды не допускала, что он может погибнуть. Вопрос в том, когда же мы наконец будем вместе. Похоже, я привыкла жить в ожидании. Настолько, что даже смирилась с этим чувством, как люди рано или поздно привыкают жить с какой-нибудь болезнью. И конец этого маячил где-то далеко впереди.

Мыслями я унеслась далеко-далеко, так что даже забыла о том, что нужно слушать клиентку. Должно быть, она это заметила, потому что внезапно прервала разговор и вопросительно уставилась на меня с экрана.

— Извините, я вспоминаю, как правильно диагностировать эту болезнь.

— Понимаю. Может, кто-нибудь другой сможет мне помочь?

— Простите, давайте я лучше к вам заеду.

— Не стоит, я полагаю, ничего опасного не произошло. Как-нибудь сами справимся. Всего доброго.

Я отключила видеофон, чувствуя себя неловко. Нельзя личным проблемам вторгаться в работу, а у меня только это и случалось. Может, я не столь компетентна, как привыкла считать?

— Лара! — громкий голос выдернул меня из омута печали, куда я с каждой минутой погружалась всё глубже и глубже. — Ты слышишь? К тебе пришли.

На пороге кабинета стоял Арнольд. Что он делает у меня на работе в такое время? Должно быть, что-то случилось, он бы не пришёл просто так.

Глаза брата выдавали беспокойство, хотя внешне он вполне держал себя в руках.

— Привет, Арнольд! Как я рада тебя видеть.

— Я тоже, детка. У тебя есть несколько свободных минут?

— Для тебя — всегда.

— Давай выйдем куда-нибудь.

Я предложила сходить в кафе, где мы с Марией обычно обедаем. Мы сели за столик и заказали по стакану свежевыжатого апельсинового сока. Арнольд молчал и пил свой сок маленькими глоточками. Это сводило меня с ума.

— Ты пришёл выпить со мной сока?

— Нет, конечно, нет. Ты не возражаешь, если сегодня мы побудем вместе. Только ты и я, как это было раньше?

— Не возражаю. Что-то случилось?

— Я ужасно соскучился. Помнишь, мы в детстве часто делали что-то вместе. Или просто находились рядом, занимаясь чем-то своим...

— Что случилось? — я почти что прокричала эти слова. Арнольд печально посмотрел на меня. Глаза его были полны жалости.

— Два часа назад нашему центру был сделан запрос относительно того, как долго сможет функционировать система искусственного сохранения жизни на «Татуме 146-С».

— И как долго?

— До четырёхсот лет. Дальше начинается стадия полураспада живых тканей. Никто никогда не планировал сохранение жизни на такой длительный период. В настоящий момент это нецелесообразно.

— «Татум 146-С». Неужели это???

— Да, корабль Коллина.

Мир рухнул прямо мне под ноги. Что-то не так. Что-то совсем не так, и, кажется, Арнольд знает в чём дело.

— Зачем им это? Арни, пожалуйста, скажи, что всё будет в порядке.

— Не могу, Лара. Ты знаешь меня, я не люблю врать, особенно если ложь может навредить. Я точно не знаю, что там происходит, но в ближайшее время корабль не вернётся.

— Не говори так, — я потихоньку начала плакать. Это совсем плохо, потому что слёзы душили меня, мешали соображать. Сейчас я начну биться в истерику и нести чушь. — Не говори, что он не вернётся.

Арнольд смотрел на меня словно пастор на заблудшую овцу. Во взгляде его ясно читалось «Я же тебя предупреждал. Я тебя останавливал». Но он не сказал этого вслух и, я была ему благодарна.

Сегодня я больше не могла работать. Мы с Арнольдом отправились в геологический центр и просидели у его входа битый час. Никто ничего не знал, или же не хотел говорить. Я хотела вызвать Сергея Бра, но он, похоже, решил меня избегать.

Мне было так страшно, что меня едва не стошнило прямо на улице. Страшно, что Коллин может не вернуться. Страшно, что все мои надежды и планы на будущее разлетаются, словно карточный домик. Если он не вернётся, что я буду делать? Я даже не представляю, как я буду жить без Коллина? Здесь, на Земле, в то время как он где-то там, в космосе, неизвестно, живой или мёртвый.

Нет ничего хуже неизвестности и мрачных перспектив, которое от безысходности рисует больное воображение. Зачем, ну зачем я его отпустила? Я не могла себе этого простить. Мои руки дрожали, а с подбородка капали горячие солёные капли. Я полезла в сумочку за салфеткой и нащупала кошелек. В нём лежала заветная карточка — разрешение на ребёнка. Нашего с Коллином ребёнка. Неужели его никогда не будет? Такого просто не может быть. Я прижала холодный пластик к губам, словно это была самая большая драгоценность — кусочек моего волшебного мира, дверца в который случайно захлопнулась, и я никак не могла попасть обратно.

Арнольд провёл со мной остаток дня, а ночь я провела у него дома. Брат очень переживал за меня, но ничем не мог помочь. Лучшее, что он мог для меня сделать — просто быть рядом.

Весь следующий день я провела словно в тумане. Не хотелось ни есть, ни пить, ни говорить. Вообще хотелось превратиться в атом и распасться на ничтожно мелкие частицы, которые ничего не чувствуют, потому что едва существуют. Я даже забыла покормить Дасти и вспомнила об этом только к обеду. Пришлось вернуться домой и приласкать бедное животное. Дасти был моим питомцем и нуждался во мне. А я не нуждалась ни в ком, кроме Коллина. Мои чувства и эмоции зачерствели, словно сухое дерево. Таких как я нужно изолировать от ответственности за чужую жизнь. Иначе кому-то может быть очень больно.

Я узнала правду только спустя два дня. Сергей Бра позвонил мне на работу и попросил прилететь в центр геологии. Как только я очутилась на пороге центра, Сергей подхватил меня под локоть, и мы помчались к космопорту. Оказалось, нам придётся лететь на орбиту.

Вы никогда не были на орбите? Там необычайно красиво. И одновременно очень одиноко. Кажется, вы застряли между несколькими мирами, и уже непонятно, какой их них родной, а какой чужой.

Путешествие на орбиту Земли было далеко не повседневной вещью, но в тот день я не могла наслаждаться этим маленьким приключением. Я бы всё отдала, если бы можно было его избежать.

Новости, которые мне предстояло услышать, были неутешительными. Лучше бы мне их не слышать. Я стояла и думала о том, как быстро сгорает в атмосфере органическое тело, упавшее, например, с орбиты.

Безнадёжность. Это ещё хуже чем смерть. К ней, по крайней мере, можно привыкнуть.

Какой-то человек в серебристом костюме очень много говорил, но я с трудом улавливала суть. Одно я поняла точно: я смогу увидеть своего любимого очень нескоро.

Сергей Бра не мог понять моего состояния, как и того, почему я стою абсолютно равнодушная и молчу, как рыба. Сам он постоянно задавал вопросы, пытаюсь разобраться в том, что же действительно произошло. Человек в блестящем костюме старался отвечать предельно ясно.

— Мы не знаем. «Татум 146-С» неожиданно сместился с орбиты и принял неизвестный нам курс. Мы по-прежнему не можем с ним связаться.

— Разве робот не починил систему связи?

— Починил. Мы сразу связались с капитаном и узнали, что вся команда в добром здравии и готовится к полёту на Землю.

— Тогда я не понимаю, что происходит?

— Если честно, мы можем только строить предположения. Во время нашего последнего контакта выяснилось, что связь работает с перебоями. Мы снова общались через спутник.

Было решено запустить программу расширенной проверки, как вдруг начались перебои в системе управления кораблём.

— Корабль неисправен?

— Мы так не думаем. «Татум» — очень надёжная модель, уже не раз проверено.

Очевидно, всё дело в магнитном поле Далиды-5.

— Почему оно не было исследовано раньше, во время полёта роботов.

— Роботы не проходили сквозь точки соприкосновения полей Далиды -5 и её спутника.

Орбита Психеи-8 нестабильна.

— Как они смогут вернуться?

— Вариантов много. Можно отправить за ними другой корабль. Дело в том, что «Татуму» нельзя было оставаться на орбите Психеи. Могли выйти из строя все системы и тогда корабль был бы обречён.

— Что же тогда делать?

— Капитан Бражский принял единственное правильное решение — переместиться на орбиту Далиды — 5 или какой-нибудь другой стабильной планеты. Остальное зависит от нас. Они задали курс, и команда вновь подключилась к системе искусственного сохранения жизни. По идее они должны были достигнуть орбиты Далиды-5, а робот — последовать за ними и устранить неполадки.

— Но что произошло?

— Система связи полностью вышла из строя. Спутник передал, что «Татум» следует в непонятном направлении, мы отследили всего лишь малую часть, а после «Татум» вышел из поля зрения спутника.

— Но робот должен был последовать за ним.

— Он именно так и сделал. Проблема в том, что мы можем следить за роботом только посредством спутника. Это наше упущение. Мы и предположить не могли такой исход событий. Но роботы с автономной системой связи — очень дорогое удовольствие. Извините.

— Значит, они просто болтаются в космосе, непонятно где?

— Выходит так.

— И ничего нельзя сделать?

— Мы, конечно, будем искать их. — человек в блестящем костюме старательно отвёл глаза. — Но, скорее всего, робот доберётся до них раньше нас. Он отрегулирует все системы, и «Татум» сможет вернуться на Землю самостоятельно.

— И как долго это будет длиться? — с ужасом спросила я.

— Мы не знаем. По нашим подсчётам, как минимум несколько лет.

Я в первый раз в жизни упала в обморок. Хотя скорее всего, это не слишком точное определение того, что со мной произошло. Я находилась в сознании, но ноги подкосились и я рухнула на пол, словно мешок с игрушками. Сергей опустился рядом со мной на колени и взял мою руку в свою.

— Мне так жаль, Лара. — голос его звучал так ласково, что мне вдруг захотелось спать. Заснуть бы на несколько часов и, проснувшись, обнаружить, что всё это лишь дурной сон.

Но это не был сон. Это была жестокая явь, от которой никуда не денешься.

Я находилась словно в прострации, и мир кружился вокруг в диком насмешливом танце. Я полулежала на коленях у Сергея, а он целовал мои ладони. Я чувствовала, что глаза мои открыты так широко как никогда. Должно быть, Сергей был счастлив видеть моё лицо именно таким — застывшим в немом удивлении. Его поцелуи незаметно переместились с

рук на щёки и губы. Должно быть, со стороны мы представляли странную картину, но мне было всё равно.

Так же равнодушно я поднялась и освободилась из его объятий. И пошла куда-то, куда вели ноги. Наверное, Сергей пошёл за мной.

Вскоре я обнаружила, что каким-то образом очутилась на Земле в центре геологических исследований. Сергей предложил проводить меня домой, но я отказалась. Я попросила его связаться с Арнольдом. Сегодня мне не хотелось оставаться одной.

Сергей пообещал, что свяжется со мной завтра. Или послезавтра. Он много чего говорил, но я почти не слушала. Наконец, поток его слов иссяк, и Сергей замолчал, немного расстроенный тем, что я не обращаю на него внимания.

Мне вдруг стало смешно. Я посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась. Улыбка получилась грустной.

— Прости, Серёжа. Сегодня я тем более тебя не замечу.

Кажется, я сказала это вслух. Сергей всё понял и тяжело вздохнул. Потом взял меня за руку и усадил на один из стульев, стоящих в ряд у стены. Сам опустился на соседний стул, и мы вместе стали дожидаться Арнольда. Больше Сергей не сказал мне ни слова.

— 13-

Начиная с этого дня мой мир резко изменился. Если раньше я ждала и строила планы на будущее, то теперь я тоже ждала. Неизвестности. Вы пробовали когда-нибудь ждать неизвестности. Это хуже, чем ждать смерти.

Хоронить свою любовь живьём очень тяжело. Я и не собиралась этого делать, но почему-то складывалось впечатление, будто я присутствую на собственных похоронах. Все вокруг продолжали жить своей жизнью, только мой мир рухнул. Я сидела среди осколков и не знала, что с ними делать.

Ясно, что ничего уже не будет как раньше. Неважно, когда вернётся Коллин, — наша любовь уже не будет прежней. Если конечно я доживу до того момента, когда он вернётся. Может, кому-то покажется романтической перспектива ждать любимого несколько лет, наложив на себя обет верности. Но этому человеку вряд ли довелось испытать то, что испытываю сейчас я.

Если бы дело было только в верности... Если бы дело было в паре-тройке лет.

А вдруг он вернётся лет через пятнадцать? Как много может произойти за этот срок. Я забуду как он выглядит, как улыбается, как целуется. Я отвыкну от звука его голоса и перестану узнавать его запах. Он станет чужим. Я тоже могу измениться, потерять свою детскую непосредственность, вырасти и превратиться в закалённую жизнью сильную женщину, к встрече с которой Коллин не будет готов. А самое главное, я постарею. А Коллин останется молодым. Вот почему космонавты обычно летают семьями.

Мы оказались в ловушке времени. В реальности мы оба живы, но находимся в разных временных пространствах. Время, что мы проведём порознь, нужно будет умножить на два. Вот сколько на самом деле будет нас разделять.

Я привыкну к разлуке, заведу новых друзей, сердце начнёт биться по-новому. Это неизбежно, ведь человек постоянно меняется. Боль утихает, на её место приходят новые радости. А Коллин останется прежним. Ведь всё это время он будет спать.

Фактически это конец нашей любви.

Если бы я знала, сколько придётся ждать, я бы придумала способ сохранить свои чувства. Но я не знала. И не могла представить, как можно справиться с острым чувством

пустоты, сопровождавшим неизвестность.

Я не хочу такой конец для нашей любви. Я вообще не хочу, чтобы она кончалась. Какой парадокс, ведь мой любимый живой и почти рядом. Ночью, глядя на его любимые звёзды, я возможно вижу его среди них. Вижу, но не могу дотронуться.

Каждый день меня кто-нибудь навещал: то Арнольд с семьёй, то Виктор, то Сергей. Никто не давал мне советов, все просто были рядом, чтобы не дать мне совершить какую-нибудь глупость. Но что может быть глупее, чем то, что я уже сделала.

Я отпустила свою любовь.

Свободна от собственного эгоизма, как сказал Виктор. Рабыня своих ошибок.

Сегодня утром курьер принёс букет белых роз. Довольно редкая роскошь. Смелый и красноречивый поступок. Только я не люблю цветы. Коллин знал об этом. Но Сергей не знает меня так, как он. И я вообще не хочу, чтобы кто-нибудь узнал меня также как Коллин.

Я захватила букет с собой на работу. Пускай украсит наш кабинет и порадует моих питомцев. Хотя рыбки вряд ли что-нибудь понимают в розах.

Цветы наполнили своим ароматом всю комнату. Мария загадочно улыбалась, поглядывая на свежие крепкие бутоны. Я улыбалась в ответ не менее загадочно. Вообще, я устала от того, что все глядят на меня, словно я была бомбой с часовым механизмом. Я живой человек и умею радоваться жизни. Даже если на душе кошки скребут.

Около полудня меня вызвал Виктор и предложил пообедать вместе. Теперь мы с ним словно старые закадычные друзья. Боль иногда сближает людей больше, чем любая радость. И не надо ни о чём говорить, просто быть рядом с человеком, который способен понять тебя лучше, чем все остальные.

Я согласилась. Почему мне было отказываться? И, само собой разумеется, я пригласила с собой Марию. Было бы неудобно, если бы она сидела за соседним столиком в одиночестве. Мария позвала с собой Бова. Бедный мальчик сначала опешил от неожиданности, однако всё же пошёл.

И слава Богу. Мне было с кем поболтать, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Энтузиазма Бова хватало на нас четверых, потому что Виктор и Мария вели себя как косоглазые немые рыбы. Которым, к тому же, совсем не хотелось есть.

Напряжение между ними было почти ощутимым. Если стоять рядом и держать в руках электрический предмет, можно получить удар током. И в то же время они украдкой посматривали друг на друга, и в этих взглядах было столько нежности, столько невысказанной любви, что было невыносимо жалко видеть, как они мучаются.

Я не могла смотреть на это сквозь пальцы. Хоть кто-то в этом мире должен быть счастлив и жить в гармонии с самим собой.

— Мария, я могу попросить твою личную карточку?

— Зачем? — удивилась Мария.

— Потом скажу. Но это очень важно.

Мария пожала плечами и полезла в сумочку. Бова удивлённо поглядывал на нас обеих. Виктор отвернулся и смотрел куда-то в сторону. Мария молча протянула мне карточку, после чего я совершенно спокойно полезла в карман Виктора, где, как я знала, лежала его личная карточка. Он не сопротивлялся.

Я сунула карточку Марии в руку Виктора, а его карточку протянула Марии.

— Хороший секс — это то, что вам обоим сейчас необходимо. И вы оба этого хотите.

Они не сказали ни слова. Но впервые за последние месяцы посмотрели друг другу в

глаза. И взгляд этот был красноречивее любых слов.

Я взяла Бова под руку, и мы покинули кафе, оставив Марию с Виктором наедине. Думаю, сегодня мы справимся с работой без Марии. Ведь личная жизнь важнее, чем чтобы то ни было на этой Земле. И каждый, кто хоть раз любил, это понимает.

Вечером, когда я пришла домой, со мной связался Сергей. Едва я увидела на мониторе его напряжённое лицо, я поняла, что у него важные новости. И, как подсказывала моя интуиция, совсем не хорошие.

— Лара, учёным на орбите удалось рассчитать примерную траекторию полёта «Татума 146-С», а также прогнозировать скорость полёта и время возможной стыковки с роботом.

— И какой их прогноз?

— Не самый утешительный. Цель их полёта довольно далека. Непонятно почему выбрали именно её. Корабль движется на предельной скорости. Мы не сможем их догнать, потому как «Татум 146» — самый скоростной среди управляемых человеком.

— А робот, что летит за ними? Он может?

— Мы не можем им управлять. Он обладает автономной системой автонавигации, то есть фактически сам себе хозяин. Он чётко следует заданной цели и настроен следовать за «Татумом» на той скорости, которая для него оптимальна. В этом вся проблема. Он движется медленнее и скоро начнёт отставать.

— Значит они вообще не встретятся?

— Когда «Татум» достигнет стабильной орбиты, он остановится. И робот сможет перестроиться и догнать его.

— Сколько лет придётся ждать? — это был единственный вопрос, который меня интересовал.

— Точно никто не знает. Выдвигают разные версии.

— Я хочу знать границы этих версий.

— От двадцати до четырёхсот лет.

Двадцать это минимум. А через четыреста лет команда перестанет существовать. Учёные умеют быть весьма жестокими, говоря по сути никому не нужную правду. Двадцати лет вполне достаточно, чтобы моя надежда умерла окончательно и превратилась в прах.

Через двадцать лет мне будет сорок восемь. А Колину всего тридцать шесть. Двенадцать лет разницы. И даже если сделать пластику, я всё равно стану другой. Моя душа тоже постареет на двадцать лет.

Что же делать? Ответ один: жить дальше. Легко сказать, труднее подсказать как.

И ничего нельзя поделать. Это была как раз та ситуация, когда выхода нет никакого. Как неправы те, кто утверждает, что выход есть всегда.

Но моя участь ещё не самая худшая. Я на секунду представила себе, каково будет Коллину, когда он вернётся через столько лет и обнаружит, что мира, в котором он жил и куда спешил вернуться, больше не существует. Не будет ни любимой женщины, ни друзей, ни родителей, никого, кто был ему дорог. От этого можно сойти с ума.

Если бы я знала... Если бы я только могла предположить, я бы не отпустила его одного. Я бы полетела вместе с ним, и сейчас мы были бы рядом. Мы проснулись бы вместе через двадцать лет, и наша любовь помогла бы нам выжить в новом, чужом нам мире.

Но я была лишена такой возможности.

Иногда ответ на самые трудные и нелепые вопросы приходит случайно, как бы сам собой. Почему я решила, что у меня нет такой возможности?

Коллин глубоко спит далеко в космосе. Но чтобы проснуться одновременно с ним, мне вовсе необязательно находиться рядом. Я могу всё это время спать, как и он, здесь на Земле.

Эта мысль была настолько абсурдной, что показалась мне донельзя простой и гениальной. Как хорошо, что она вообще пришла в мою голову, ведь я панически боюсь искусственного сна.

Боюсь? Кто сказал, что я боюсь? У меня не было ни капли страха, ни даже тени сомнения. Моё сердце застучало часто-часто, а душа затрепетала от радости. Выход найден. Единственный, невозможный, но он есть.

Я едва дожидая до утра. Если бы можно было, я помчалась в центр искусственного сна среди ночи. Но несколько часов ожидания пошли мне на пользу. Я сосредоточилась, привела мысли в порядок и сообразила собрать все документы, которые, на мой взгляд, могли бы понадобиться.

Центр искусственного сохранения жизни выглядел вполне безобидно. От него совсем не пахло смертью и безнадежными больными, как я по глупости привыкла считать. Сейчас для меня он буквально благоухал надеждой. И в воздухе почему-то пахло цветами. Мне было легко и хорошо. Довольно странные чувства, если учесть, что я шла на собственную маленькую смерть. Смерть того, к чему я привыкла.

Как они будут жить без меня, мои родные? Арнольд, Димарис, Виктор и Дасти? А мои две оставшиеся аквариумные рыбки? Это была грустная нотка в сонате моей воскресшей надежды. Поэтому я старалась отогнать от себя мысли о родных. В конце концов, у каждого из них свой мир, своя семья, свои любимые люди и дети. А у меня должно быть своё будущее.

Я люблю Коллина и хочу быть с ним. И я готова пойти ради нашей любви на такую жертву. Вы скажете, мой поступок несколько необдуманный. Может быть, но другого выхода просто не было.

Я стояла в приёмной и молилась, чтобы не встретить Арнольда. Вероятность этого была ничтожно малой, но по закону подлости, его могли вызвать именно сюда и в это же время. Я не боялась, что брат может остудить мой пыл. Арнольд вполне мог испортить мне настроение на ближайшие двадцать лет.

Но звёзды были на моей стороне. Арнольда я не встретила, а начальник службы приёма пациентов оказалась милой и весьма привлекательной особой.

Вера Кустова — так было написано на её идентификационной карточке. Эта женщина внимательно меня выслушала, хотя для этого понадобился почти час. В её глазах я читала симпатию и понимание. Когда в моём рассказе образовалась пауза, Вера взяла папку с моими документами и загрузила в видеотранслятор.

— Тебе уже двадцать восемь, Лара. — сказала она с удивлением.

— Да, скоро начну стареть. — моя попытка пошутить была довольно слабой. Вера, которой было уже за тридцать, её проигнорировала.

— Ты совсем как ребёнок. Сомневаюсь, что ты полностью отдаёшь себе отчёт, на что ты идёшь.

— Я готова. — для пущей убедительности я сделала большие выразительные глаза. Этот трюк всегда срабатывал с моими родителями. Вера улыбнулась.

— К сожалению то, о чём ты просишь, невозможно.

— Что? — я была искренне поражена. Я никак не ожидала отказа.

— Центр не может выполнить вашу просьбу, госпожа Пирс. Вы не больны и не

являетесь близким родственником ни одного из наших земных пациентов. — Вера специально сделала ударение на слове «земных». Чтобы я поняла, что они не считают космонавтов своими пациентами. Значит, у меня нет шансов воспользоваться этим правом.

— У меня особая ситуация. — сквозь зубы прошептала я.

— Понимаю. И очень вам сочувствую. Но вы молоды, Лара. У вас вся жизнь впереди. Вы красивы и, несомненно, пользуетесь успехом у мужчин. Когда вы чуть больше повзрослеете, то поймёте всю абсурдность сложившейся ситуации, и даже скажете мне спасибо.

— Я так не думаю, госпожа Кустова. Я хочу поговорить с вашим начальником.

— Выше меня только звёзды, Лара. Поверьте, никто не позволит вам искусственно приостановить свою жизнь на неопределённый срок.

— Почему на неопределённый?

— Мне известно, какие прогнозы ставят учёные относительно возвращения «Татума 146-С». Есть вероятность, что он вообще не вернётся. Тогда это будет просто убийство. Или хуже того, корабль столкнётся с каким-либо небесным телом и погибнет лет через 60. Вы проснётесь и будете совершенно одиноки: ни друзей, ни родственников, ни надежд.

Какими бы ни были мои аргументы, Кустова оставалась непреклонной. Я поняла, что в её лице я вряд ли найду поддержку. Мои надежды рушились с той же скоростью, с какой любимый уносился от меня далеко в космос.

Звёзды вряд ли были на моей стороне. По крайней мере сегодня. Выходя из кабинета Кустовой, я столкнулась нос к носу с Арнольдом.

Надо сказать, помимо солидного жизненного опыта, мой брат отличался поразительной интуицией и сообразительностью. Мне даже не пришлось объяснять, что я тут делаю. Он понял всё, едва взглянув на моё лицо.

Я не сумела сдержаться: бросилась к нему на грудь и зарыдала.

— Скажи, зачем ты это сделала?

— Я хотела туда, к нему.

— Это не способ.

— Я не вижу другой. Но это уже не столь важно, потому что мне всё равно отказали.

— Центр вряд ли пошёл бы на это в любом случае.

— И что мне теперь делать?

— Как что? Жить. Просто жить. С нами, с теми, кто тебя любит, кому ты тоже нужна. Ты подумала обо мне, о Димарисе, о родителях? Как мы будем без тебя? Ведь если ты уснёшь, мы будем чувствовать то же, что и ты сейчас по отношению к Коллину.

— Прости меня. Я не знаю, как мне жить без него.

— Коллин всего лишь мужчина, детка. Когда-нибудь ты его забудешь.

— Не говори так. Коллин — мой мужчина, и я не хочу его забывать.

Я попыталась вырваться, чтобы убежать куда глаза глядят лишь бы подальше от Арнольда. Но брат крепко сжал меня в объятиях и не отпускал до тех пор, пока выражение моего лица не показалось ему менее безумным, чем было раньше.

Домой мы вернулись вместе. Арнольд уложил меня в кровать, а сам начал рыться в моих медицинских карточках. С некоторых пор медикаменты продавали строго по указанию врача, и вы не имели права купить даже витамины без специальной пометки в карточке.

Должно быть Арнольд хотел убедиться, что я не принимаю успокоительное. Какая глупость, я не настолько сумасбродка, чтобы оборвать свою жизнь таким унижительным

способом.

— Арнольд, ступай домой к семье. Я обещаю, что завтра утром моё сердце будет биться, а губы — улыбаться.

— А глаза? — тихо спросил брат и осторожно взял меня за руку.

— Глаза оставь в покое.

— Я люблю тебя, Лара. — Арнольд нежно поцеловал кончики моих пальцев. — Помни об этом.

Я почувствовала, как глаза мои закрываются, а сознание уплывает куда-то вдаль. Я сильно устала, и тело охватила спасительная слабость. Я уснула мгновенно и даже не слышала, как Арнольд ушёл.

— 14-

В жизни бывают моменты, когда время словно останавливается. Каждый день похож на другой, и календарь на стене отсчитывает месяцы словно капли в бесконечном океане. Ничего не меняется, но и не остаётся прежним. Я училась жить сама. И это получалось не так уж тяжело, как мне казалось раньше.

Страсти поутихли, эмоции улеглись, и только сердце продолжало биться в привычном ритме. Не имея своей личной жизни, я наблюдала за жизнью остальных.

Арнольд и Ольга получили разрешение на второго ребёнка. Это была такая радость, что никто до сих пор не мог прийти в себя. Они ждали девочку, которая должна была появиться на свет через три месяца.

Виктор и Мария возобновили свой брак. На удивление, им никто не препятствовал. Ни один семейный психолог не высказался против. Но в разрешении на ребёнка им было категорически отказано. К планированию и воспитанию детей в нашем полушарии относились чересчур серьёзно. Должно быть, ответственные за детей психологи не считали этот брак стабильным.

Виктору и Марии выпало серьёзное испытание: им предстояло смириться, что они смогут быть вместе, но у них никогда не будет детей. Я думаю, что это будет нелегко.

Но кто сказал, что жизнь состоит из роз и гладко вымощенных дорожек? В ней полно ухабов и терновых кустов. Пускай в нашем полушарии мы избавились от войн и насилия. Но никто не в состоянии уберечь человека от борьбы с самим собой.

Прошло уже девять месяцев с тех пор, как я узнала, что «Татум 146-С» не вернётся. А завтра мне стукнет двадцать девять лет.

Я не планировала отмечать свой день рождения. Но разве при таком количестве любящих родственников у меня был выбор? Тем более, что завтра выходной.

Я закрыла свой дневник, который начала вести с тех пор, как почувствовала, что не могу оставаться наедине со своими чувствами. И мне действительно стало намного легче. До завтра, мой безмолвный друг. Сегодня мне предстоит длительный рейд по магазинам.

Я давно не готовила сама. Поэтому при мысли о предстоящем празднике с визитом гостей, в душе у меня проснулась женщина. По дороге я тщательно обдумала меню и составила мысленный список покупок.

Надеюсь, мне удастся уложиться в бюджет карточки, которую я взяла с собой. Хотя я и повзрослела, но не настолько, чтобы пытаться рисковать. Всем известно, что шопоголия в организме женщины неискоренима. Отец ласково называл меня транжирой. А меня бесит это слово.

Я не транжира, просто мне нужно всё и сразу.

С продуктами я разобралась довольно быстро. Уложив покупки в корзину робота-носильщика, я решила пройтись по другим вещам. Может, стоило побаловать себя каким-нибудь подарком: новой сумочкой, платьем, флакончиком духов?

Почему-то именно сегодня мне ничего не хотелось. Я остановилась у витрины магазина, где когда-то красовалось сногшибательное серебристо-фиолетовое платье. Теперь там были выставлены другие образцы, тоже весьма впечатляющие, но уже не столь привлекательные. По крайней мере, для меня.

Это платье до сих пор висит в моём шкафу. Я ещё ни разу его не одевала. Раньше я берегла его для Коллина. Теперь оно просто висело и ждало, пока я о нём вспомню. Я иногда вспоминала, но мне почему-то казалось кощунственным носить это платье.

Психологи говорят, что с трудностями нужно бороться, глядя им прямо в лицо. Иначе до конца дней можно остапаться рабыней своей печали. Мой двадцать девятый день рождения — отличный повод надеть это платье. Надеюсь, я по-прежнему в него влажу.

Как я и предполагала, гости начали собираться к полудню. Видеофон не просигналил ни разу, все предпочли заявиться лично. Первыми прилетели родители. Затем Виктор с Марией. Арнольд с семейством появились последними.

Я смотрела на них и улыбалась от счастья. Как хорошо, что они у меня есть — мои родные. Не могу представить, как бы я пережила всё это, если бы у меня не было семьи.

Все немного изменились — каждый по-своему. Мама сделала пластику, Ольга заметно поправилась, и это ей шло. Арнольд смотрел на неё влюблёнными глазами.

Виктор стал как будто немного выше. Лицо Марии было серьёзным, хотя она постоянно улыбалась. Они смотрелись весьма гармонично, словно дополняя друг друга.

Димарис тоже заметно подрос. Он коротко поздравил меня и поспешил к Дасти, который с самого утра носился по дому как угорелый, сходя с ума от аппетитных запахов.

Взрослые расселись по кушеткам, и я вызвала роботов-столиков. Незаменимое изобретение, придуманное специально для приёма гостей. У нас с Колином часто бывали гости.

Теперь гости были только у меня. Сквозь шум разговоров я слышала сигнал видеофона. Потом ещё один. Я встала и дотронулась до сенсорной панели приёмника. Пришло несколько видеопоздравлений от моих старых друзей и одно от матери Коллина.

Стелла Золянская ещё помнит, когда у меня день рождения. Я ощутила внезапное чувство вины: мы почти не общались последние полгода. Эта женщина стойко восприняла новость о том, что скорее всего, больше никогда не увидит единственного сына. Похоже, она уже смирилась. Не думаю, что это далось ей легко.

Стелла пожелала мне новой и крепкой любви. Мудрый совет женщины, которая прожила на свете почти вдвое дольше.

Я решила, что сегодня не дам шанса грустным мыслям завладеть моим настроением, поэтому просто отключила видеофон и вернулась к родным.

Ближе к вечеру гости начали расходиться. Родители заторопились домой, видимо, не хотели мешать молодым общаться на привычные для них темы, не смущаясь присутствием людей старшего поколения. В этом родители были немного старомодны — качество, развивающееся у многих обычно в зрелом возрасте, годам к шестидесяти пяти. Я раньше и не думала о том, что родителям уже столько лет.

Ольга тоже устала — это было очевидно. Беременность не давалась ей легко, но она держалась молодцом. Похоже, и это семейство вскоре полетит домой.

Я совсем не ожидала услышать сигнал системы автоприветствия. Но, кажется, у меня снова гости. Может быть, это посылка. Я распахнула дверь, не вставая с кресла, и гул голосов внезапно прекратился.

На пороге стоял Сергей Бра. Надо же, я не говорила ему про день рождения, однако это очень легко узнать. Я мысленно послала его к чёрту. Но всё равно было приятно, что Сергей прилетел меня поздравить.

Признаюсь: выглядел он великолепно. И пахло от него также божественно, как и в тот самый день, когда он безрезультатно пытался произвести на него впечатление. Сергей тоже изменился, как будто похудел. Глаза его по-прежнему улыбались чуть насмешливо. Он напоминал мне затаившегося хищника. Когда я последний раз его видела? Кажется, это было около двух недель назад.

Сергей вдруг заделался любителем аквариумных рыбок, правда чисто визуально. Он часто заходил ко мне в центр просто посмотреть. На рыбок. Мария просто сводила меня с ума, едва за ним закрывалась дверь. Ей казалось, что он очень мне подходит.

Вообще все старались вести себя так, словно Коллина никогда не было в моей жизни. Как будто все эти годы я жила одна. Кто знает, может так и впрямь было лучше, чем если бы все мне сочувствовали.

Появление Сергея с блестящим свёртком в руках произвело фурор. Я видела, как загорелись глаза у Арнольда: видимо он давно ждал момента, когда на пороге моего дома появится новый мужчина. Теперь он выглядел чрезвычайно довольным и тут же поторопил Ольгу и Димариса собираться домой.

Вскоре остались только четверо: я, Сергей, Виктор и Мария. По лицу подруги я видела, что той не терпится оставить нас одних, но Виктор упрямо не желал поднимать свою пятую точку с кушетки. Его забавляла ситуация, а может быть, он чувствовал, что я пока не хочу оставаться наедине с чужим мужчиной. Иногда он просто поражал меня своей интуицией.

Мы долго сидели и разговаривали, большей частью просто ни о чём. Признаться, я довольно устала и уже начала мечтать, как бы поскорее выставить всех троих. Мария пришла мне на помощь и буквально выволокла мужа из дома. Мы с Сергеем остались одни.

Это была самая трудная часть вечера — выпроводить весьма нахального молодого мужчину домой. Который при всём прочем совершенно не хотел уходить и использовал любой повод, чтобы продолжить разговор.

— Знаешь, Лара, я никогда бы не подумал, что тебе двадцать девять.

— Звучит весьма банально, Сергей. — я улыбалась и вовсе не собиралась его жалеть или давать несуществующий повод. Мне кажется, он это понимал, но всё равно не собирался сдаваться.

— Не думаю. У тебя тело и глаза опытной женщины, а душа двадцатилетней девственницы.

— Насколько я помню, в двадцать я уже не была девственницей.

— У тебя было много мужчин?

Это был уже совсем откровенный вопрос. Глаза мои широко раскрылись, и я почувствовала, что хочу выпить ещё немного вина.

— У тебя снова этот взгляд. — задумчиво сказал Сергей и, словно угадав мои мысли, потянулся за бутылкой с вином. — Если тебя смутил мой вопрос, можешь не отвечать.

Смутил? Это ещё мягко сказано. В этот момент я действительно чувствовала себя двадцатилетней девственницей. Сергею срочно пора уходить.

— Спасибо, — сказала я, когда он наполнил мой бокал вином почти до самого края. — Ты хочешь меня напоить?

— У тебя есть повод напиться: у тебя день рождения.

— Женщины обычно не любят этот праздник.

— Ты необычная женщина.

— У тебя большой опыт по части женщин?

— Можешь сама посудить.

Я поняла, что он давно ждал этого вопроса, буквально наталкивал меня на него. Это был повод показать мне свою личную карточку. Я почему-то не удивилась, что всё время она лежала прямо на столе у него под рукой. Я просто её не заметила.

Любопытство тоже относится к неискоренимым болезням женского сознания. Я к тому же была пьяна, поэтому не смогла удержаться, чтобы не взглянуть в карточку. Восемь имён. Одно из них повторялось довольно часто.

— Незабываемая любовь? — спросила я. Получилось довольно иронично.

— Нет. Постоянно попадаетея под руку.

Меня мгновенно пробило на смех. Я промолчала, потому что всё, что могло бы сорваться с моего языка, не относилось к разряду приличного. В голове словно ударили тысячи струн. Всё было против меня: и вино, и обстановка, и голод по горячим мужским ласкам.

Сергей был так красив, так обаятелен в своей почти юношеской простоте. Его желания были очевидны, да он и не пытался ничего скрывать. Он пришёл, чтобы переспать со мной, и скорее всего не рассчитывал на отказ. Поэтому он так открыто выложил свою личную карточку. И не просил мою. Наверное, этот мужчина умеет уважать женщину.

Хотелось сделать красивый жест: демонстративно написать в карточке своё имя и броситься в его объятия. По телу пробежала горячая волна возбуждения. Тело хотело секса. А душа... душе хотелось остаться одной. И я ничего не могла с этим поделать.

Я встал из-за столика, держа в руках бокал. Потом отошла в сторону к виртуальному камину, рассчитывая увидеть там Дасти. Но вдруг смутно вспомнила, как Арнольд предложил забрать Дасти с собой, чтобы Димарис наигрался с ним вволю. По-моему, они и так довольно долго играли. Это был хитрый ход, а я даже ничего не заподозрила, потому что в моей голове как обычно творилось бог знает что. Завтра я убью этого предателя.

Камин внезапно разгорелся ярким холодным пламенем, а верхний свет погас. Я поняла, что это сделал Сергей. Если сейчас ещё зазвучит музыка, я вышвырну его вон. Но музыка не зазвучала.

— Какой красивый ковёр, — сказал он весьма осторожно. — Ты не хочешь открыть мой подарок?

— Можно, — согласилась я. Господи, он был так самоуверен. Я ещё не встречала подобных мужчин.

Сергей обходительно подал мне свёрток, который я положила на столике вместе с другими подарками. Терпеть не могу, когда люди открывают при всех свои подарки. Это следует делать либо одной, либо наедине с тем, кто сделал подарок. Я развернула и среди вороха бесконечных коробок обнаружила флакончик духов.

Запах был просто божественным. Я не удержалась и слегка брызнула себе на грудь, как обычно делают все женщины.

— Ты разбираешься в ароматах. И у тебя прекрасный вкус. — неожиданно сказала я. —

Это комплимент.

— Спасибо. У тебя потрясающее платье. Очень тебе идёт.

О, это серебристо-фиолетовое платье. Сергей оценил его, хотя оно предназначалось не для него. Впрочем, уже неважно для кого оно предназначалось. Как и рыбка, которая покоилась в ложбинке между моих груди. Всё не имело смысла.

Сергей неслышно подошёл ко мне сзади, и я почувствовала на затылке его горячее дыхание. Он осторожно положил свои руки мне на плечи и прикоснулся губами к шее. Это было то, что я любила больше всего на свете — когда мужские губы нежно ласкают мою шею.

Я пыталась сопротивляться, но это больше была внутренняя борьба с самой собой. Одна часть меня кричала «да», другая всё ещё вопила «нет». Вторая часть была намного больше. Но на стороне первой было моё изголодавшееся по любви тело.

Сергей потянул застёжку платья, и серебристо-фиолетовая ткань плавно соскользнула к моим ногам. Он развернул меня к себе и завладел моими губами. Сергей умел целоваться так, что дух захватывало. Я всё ещё стояла, словно застывшая мумия, и позволяла покрывать своё тело поцелуями.

Губы Сергея добрались до моей груди, и я услышала, как он зарычал от удовольствия. Я рассмеялась. Наверное, это было то, о чём он мечтал с тех пор как впервые меня увидел. Как должно быть хорошо, когда мечты сбываются.

Мне были приятны его ласки. Потому что я была женщина. Живая, из плоти и крови. И мне хотелось секса. Наша природа создала нас такими, и сопротивляться ей можно было только если ставить перед собой какую-то цель. Но моя цель была в миллиардах километров от Земли. Холодная, практически неживая.

Между тем мы уже опустились на пол, на тот самый ковёр, который я купила для того, чтобы заниматься сексом с любимым мужчиной. Какой грустный парадокс: и платье, и ковёр, и моё тело... Всё теперь отдавалось совсем другому человеку. И бралось с огромным удовольствием. У меня на глазах выступили слёзы горечи.

Я почувствовала, как язык Сергея ласкает меня там, куда мне не хотелось его пускать. Душа кричала «НЕТ!!!». Он что-то почувствовал и поднял голову, вопросительно глядя в мои глаза. Его губы блестели от моей влаги, он был сильно возбуждён и дышал часто и быстро. Сейчас он был так похож на Коллина, что в глазах моих потемнело. Может быть, мне просто очень хотелось, чтобы он был похож на моего любимого. Но в моём воображении мне было нетрудно поменять их местами. Что я и сделала, совершенно бессознательно.

Я представила, что его руки — это руки Коллина. А губы, которые продолжали меня ласкать, тоже принадлежат ему. Ощущение было настолько сильным, что по телу мгновенно пробежала волна оргазма.

Я застонала от удовольствия, но мне этого было недостаточно. Страсть захватила меня целиком. Я быстро перехватила инициативу в свои руки, и уже не Коллин, а я ласкала его там, где находился эпицентр его страсти. Коллин. Мужчина, которому я отдавалась так страстно не был Сергеем. Он был Коллином. Наверное, я сошла с ума.

Сергей снова перевернул меня на спину, и руки его заскользили по моим вспотевшим бедрам. Я почувствовала его внутри себя и впервые за последние полтора года ощутила себя женщиной. Это было прекрасное чувство.

Мы занимались сексом весь остаток ночи. Под утро я уснула, совершенно обессилив, и даже не почувствовала, как Сергей отнёс меня в спальню и уложил в кровать. Мы проспали

довольно долго, прежде чем солнечные лучи требовательно напомнили нам, что пора вставать.

Я не сразу осознала, что мужчина, лежавший рядом на моей подушке, вовсе не мой любимый. Это просто случайный спутник, которого я по недоразумению впустила в мою жизнь. И он лежит на моём месте, а я — на месте Коллина. Так не должно быть. Я этого не хочу.

— Привет, — сонно сказал Сергей и повернул ко мне своё заспанное слегка помятое лицо. Он улыбался и выглядел весьма мило. — Ты так меня вымотала, что я никак не могу заставить себя проснуться.

Я улыбнулась в ответ. Мне не хотелось ничего говорить. Я просто лежала и смотрела на него. А он — на меня.

— Ты всегда такая в постели?

— Я вела себя как-то странно?

— Наоборот. Мне нравится, когда женщина не только позволяет брать себя, но и отдаётся сама.

— А разве бывает по-другому? — удивилась я. Мне казалось в современном обществе в сексе не может быть тайн. Технология давно известна и отработана.

— Бывает. Бывает, женщины просто дают, бывает, сами берут, но редко — отдаются.

— Я не совсем понимаю тебя.

— Это и не нужно. Просто оставайся такой всегда.

Сергей потянулся губами к моим губам, и вот его язык уже танцевал у меня во рту. Это было приятно. Просто приятно, как чисто физическое действие.

— Мне нужно в душ. — сказала я, вырываясь из его рук.

— Можно мне с тобой?

Меня передёрнуло от этих слов. Душ был нашей с Колином святыней. Я пустила Сергея в своё тело, но в душу дверь была по-прежнему закрыта.

— Дождись своей очереди. Я быстро.

Я проскользнула мимо его рук, норовивших обхватить меня за голые бёдра, и спустя полминуты уже стояла под горячими струйками воды. Никогда не понимала людей, которые отваживаются на холодный душ. Я люблю тепло. Сейчас вода лилась чуть холоднее кипятка, но мне всё равно было холодно.

Я изменила Колину. Изменила самой себе. Вряд ли кто-нибудь кроме меня согласится назвать это изменой. Скорее освобождением от прошлого. Но для меня эта свобода имела привкус полыни.

Я вышла из душа, укутавшись в полотенце. Сергей направился в душ и по пути шутливо сдёрнул с меня влажную тряпицу, скрывавшую наготу, и ухватился ладонью за грудь. Я отскочила, а он громко рассмеялся. Как я ненавидела его в этот момент. И себя тоже ненавидела.

Тело было удовлетворено и чувствовало эйфорию. Я опустилась на прохладную простыню и на пару секунд расслабилась, отдавшись неге, разлившейся по всему телу. Сколько оргазмов я получила сегодня ночью? Я не считала. Многие женщины позавидовали бы мне, но я бы с радостью поменялась с любой из них местами.

Тело начинало остывать после душа, и я поднялась в поисках какой-нибудь одежды. Я открыла шкаф, достала светло-голубую тунику и подошла к зеркалу. Глаза блестели, губы припухли, а соски мне показались тёмно-бордового цвета. Что ж, Сергей взял всё о чём

мечтал, по полной программе. Я выглядела словно куртизанка после ночи любви. Но в моём образе, представшем передо мною в зеркале, чего-то не хватало. Я долго не могла понять в чём дело, пока взгляд мой не остановился на шее. Моя рыбка — медальончик, в котором я бережно хранила обручальное кольцо, — её не было на месте. Должно быть, в порыве страсти, кто-то из нас двоих сорвал цепочку, и она упала.

Я обыскала всю кровать, но ничего не нашла. Потом спустилась в гостиную и начала шарить по ковру, но тоже безрезультатно. Придётся обшарить весь дом. Но сначала нужно выпроводить Сергея.

Как бы вы ни относились к мужчине, если он остался у вас ночевать, вы обязаны накормить его завтраком. Иначе это оскорбит его мужское достоинство, и покажет вас как хозяйку дома с не очень красивой стороны. Даже если мужчина привык заботиться о себе сам. Так учила меня моя бабушка. В некоторых вещах она разбиралась.

Поэтому я отложила все дела на потом и принялась разогревать еду, оставшуюся с праздника. Мне бы её хватило на неделю. Когда Сергей спустился в гостиную, завтрак уже ждал его на столе.

— Ты сама это приготовила? — спросил он в перерывах между едой. Я заметила, что ел он быстро, но красиво — качество довольно редкое для мужчины.

— Если можно назвать готовкой то, что я измельчила и смешала продукты и засунула их в автоматическую печь, то, пожалуй, сама.

— Почему ты не хочешь принимать от меня комплименты? — улыбаясь, спросил Сергей.

— Не знаю, — честно призналась я. — Наверное, потому, что этому комплименту уже лет четыреста.

— Некоторые вещи не стареют.

— Какие же?

— Например, вот такие.

Сергей набрал на вилку еды и поднёс к моему рту. Я разжала губы и позволила ему накормить себя. Глаза Сергея расширились, а грудь стала вздыматься всё чаще и чаще. Кажется, он имел в виду секс на кухонном столе. Он прав, такие вещи живут вечно. Но сейчас я не хотела ничего вечного с этим мужчиной на нашем с Коллином столе.

Сергей, должно быть, чувствовал нечто подобное, потому как перестал меня соблазнять и вернулся к своей тарелке.

— Тебе нужно уехать из этого дома.

В принципе, я была с ним согласна. Но только с точки зрения здравого смысла с целью сохранения моей здоровой психики. Но другая моя часть, именуемая подсознанием, была решительно против. Это был НАШ дом.

— Может быть, — просто сказала я — но я пока не знаю куда.

— Ко мне. У меня много свободного места для твоего гардероба. Можешь начинать собирать вещи прямо сейчас. А вечером я помогу их перевезти.

Я обомлела. Сергей говорил совершенно спокойно, не глядя мне в глаза. Так просто, как будто говорил о совершенно обычных вещах. И только жилка, пульсирующая под левым глазом, выдавала его волнение. Он предвкушал ответ и явно боялся, что он окажется не таким, как он рассчитывал.

— Ты с ума сошёл. — от изумления я даже не сразу сообразила, что ответить. — Мы едва знаем друг друга.

— Два года и четыре месяца. — от слов Сергея я едва не упала со стула. — Мы знаем друг друга ровно два года и четыре месяца. Я помню, как увидел тебя в первый раз. Это был мой четвёртый рабочий день в центре геологических исследований. София Бражинская представила нас друг другу, но ты едва обратила на меня внимание.

— Я этого не помню.

— Сначала я подумал, что ты заносчивая стерва. Но потом понял, что ты просто рассеянна. Ты постоянно улыбалась мне, словно роботу. Но никогда меня не замечала.

Может быть, подумала я. Вполне может быть. Но ведь и сейчас я тебя едва замечаю. Несмотря на то, что этой ночью ты владел мною без остатка. Прости, Серёжа.

— Ты говоришь о себе. Но для меня это совсем по-другому, прости.

— Ты всегда замечала только его. — цинично усмехнулся Сергей. — Ты права, тебе нужно время, чтобы привыкнуть, что мы вместе.

— Мы не вместе, Серёжа. — я подняла на него глаза, полные гнева и недоразумения.

— Это называется не вместе? То, что мы всю ночь вытворяли друг с другом, это просто секс?

— Да, это просто секс. Случайный секс. Я не хотела, просто так вышло. Я не могу так просто смириться с другим мужчиной в моей постели.

— Другим мужчиной... — глаза Сергея метали молнии, а сам он, казалось, сейчас заплачет. Но он не заплакал. — Он умер, Лара. Пойми это. Умер, даже если ещё жив. Полтора года прошло. Многие люди уже через полгода находят себе новую любовь. Нельзя постоянно жить прошлым.

— Это моя жизнь. И мне решать, что моё прошлое, а что — настоящее и будущее.

— Какая же ты.. — Сергей долго не мог подобрать слова, чтобы не оскорбить меня. — С одной стороны мне импонирует та страсть, с которой ты отдаёшься чувствам. Ты верная женщина. Просто тебе нужно ещё немного времени. Я подожду.

— Серёжа, пойми...

— Сейчас я уйду. А вечером вернусь, и мы снова повторим всё сначала. И так будет каждый день, пока ты не забудешь...

— Я не хочу забывать! — почти прокричала я. Но он умел быть упрямым.

— А однажды я приду, и увижу тебя с вещами. И мы поедем ко мне навсегда.

— Уходи, Серёжа. Прошу тебя, уходи. И не надо больше приходить.

— Я приду. Обязательно приду. Ты успокоишься, подумаешь, и поймешь, что тоже хочешь этого.

— Не хочу. Это было ошибкой.

— Вот моя карточка, Лара. — Сергей протянул мне карточку и холодный пластик ожёг мои пальцы словно раскалённый металл. — Дай мне свою.

Так нельзя, говорил мне мой внутренний голос. Ты должна контролировать свои эмоции и поступки. Сергей открыто заявил о своих намерениях, показав тебе карточку ещё вчера. Он был честен с тобой, и не собирается играть в какие-либо дурацкие игры. Ты не имеешь право поступать с ним нечестно.

Я взяла сенсорную палочку и набрала своё имя. Потом поставила дату и выделила квадратиком графу «случайный партнёр». Так будет честно. Я вернула карточку Сергею.

Он посмотрел в карточку, затем на меня и, когда он заговорил, голос его дрожал.

— Случайный партнёр. Ты решила за меня, кем мне тебя считать. Я тоже так поступлю. Дай мне свою карточку.

— Нет. — я сама от себя не ожидала такого ответа, однако, едва он прозвучал, решение созрело мгновенно и стало твёрдым как камень.

— Ты ведёшь себя аморально. Может я ошибся в тебе? Сколько у тебя было мужчин?

— Теперь четверо, — выпалила я и посмотрела на него жалобно, словно ребёнок. Я не хотела его имени в своей карточке. Я не хотела ничьего имени после имени Коллина. Даже с пометкой «случайный партнёр».

— Всего четверо. Четверо, Лара... — сказал Сергей, и в глазах его мелькнула боль. — И ты хочешь, чтобы я тебя отпустил? Никогда в жизни. Не нужна мне твоя карточка. Я дождусь, когда ты сама мне её дашь. Чтобы вписать туда, что я твой муж.

— Никогда. Слышишь, никогда. Убирайся отсюда. Я не могу тебя видеть.

— Я не слышу, что ты говоришь.

— Я не люблю тебя.

— Я подожду, когда ты поймешь, что это не так.

— Этого не произойдёт ни сегодня, ни завтра, никогда. Оставь меня в покое, уйди из моей жизни.

— Я тебя ненавижу.

Я заглянула Сергею в глаза, словно в самую душу. Они пылали от бешенства и словно горели ненавистью. Он был вполне искренен в своих чувствах. Сейчас его естественное мужское я меня люто ненавидело, а дерзкий подросток внутри жаждал праведной мести. Позже он успокоится, и ему будет больно. Просто больно. Наверное, я совсем очерствела душой, если могу так спокойно говорить о чьей-то боли. Тем более о боли, причиной которой была я сама.

— Ты больна. И никто тебе не поможет, пока ты сама не решишь избавиться от всего этого.

С этими словами Сергей вытащил из кармана что-то блестящее и швырнул на стол. Вещица стремительно проехала по столу до самого края и упала на пол. Я наклонилась, чтобы посмотреть, и сердце заколотилось быстро-быстро: это был мой медальончик-рыбка. Сергей не стал дожидаться, пока я задам очевидный вопрос. Он вскочил, подхватил пиджак, лежавший на краешке кушетки, и направился к выходу. Я по инерции последовала за ним.

Прежде чем захлопнуть за собой дверь Сергей обернулся, и губы его расплылись в циничной улыбке.

— Не рассчитывай, что я просто так исчезну из твоей жизни.

— 15-

Весь этот день я просто не знала, куда мне деваться. Я была в плену собственных мыслей, которые словно разрывали меня пополам. Я чувствовала горечь и раскаяние. Мне было жаль Сергея, и я ненавидела себя за измену. Как бы глупо это ни звучало. Я предала память Коллина и получила от этого удовольствие, пусть даже чисто физическое.

Я позволила Сергею воспылат надеждой, а потом так безжалостно погасила это чувство.

Я не могла заставить себя уйти от прошлого. Оно иногда так крепко, так прочно держит нас за обе руки, что невозможно не проецировать его в своё будущее.

Я чувствовала острую необходимость поговорить с кем-нибудь, кто бы меня понял. Вариантов было много, но все мои близкие, скорее всего, будут солидарны с тем, что на могиле наших с Коллином отношениях должен стоять крест. Арнольд обрадуется, когда узнает, что Сергей остался у меня ночевать. Он сам готовил для этого почву. А в этом мире

больше не было ни одного человека, который понимал бы меня так, как брат.

Ближе к вечеру я решила пройтись по улице. Было ещё довольно светло, когда я осознала, что ноги сами принесли меня в знакомые места.

— Привет, как дела? Не желаешь зайти? — поприветствовала меня голограмма Виктора.

— Нет, спасибо. Может лучше ты выйдешь? Проводишь меня домой?

— Хочешь поговорить?

— Очень.

— Тогда я предупрежу жену.

Господи, я совсем забыла, что Виктор больше не живёт один. И я наверняка ломаю их семейные планы на вечер. Но мне так вдруг стало необходимо поговорить именно с Виктором с глазу на глаз. Потому что Виктор как никто другой ценит прошлое. И тоже знает, что такое боль разлуки.

Виктор спустился очень быстро. На нём была очаровательная красная ветровка и узкие в обтяжку брюки. Волосы спадали на плечи непослушными каштановыми волнами. И в этом беспорядке было что-то неуловимо прекрасное. Брат был красив и порочен, но в глазах его можно было прочесть боль.

— Ты с ним переспала.

— Похоже, тебя это не удивило.

— Это можно было предположить. Вчера всё шло к этому, хотя я и пытался тебя предостеречь.

— Вот как? — признаться, его заявление застало меня врасплох. — Я думала, ты, как и все, скажешь, что мне это было необходимо.

— Я — не все, — заметил Виктор. — И я думаю, что это было не совсем то, что тебе нужно. По крайней мере сейчас.

— Спасибо, что понимаешь меня. — призналась я.

— Понять себя можешь только ты. Я же могу лишь представить себя на твоём месте. Но я не рассматриваю секс как измену. Скорее как алкоголик бутылку вина. А ты попыталась одеть белое платье на раны, которые ещё кровоточат. В итоге, ты его испортила, и при этом разодрала ещё свежие рубцы.

— Я люблю Коллина. Я не хочу его забывать. Я могу себя заставить, но...

— Но не хочешь.

— Я причинила Сергею боль. Я даже поступила как падшая женщина: не дала ему свою личную карточку.

— Ты пока к этому не готова, Лара. В глубине души ты уверена, что Коллин вернётся, и тебе не хочется, чтобы он увидел, что ты была ему неверна.

— Неправда, я об этом не думала. Хотя в твоих предположениях есть доля правды. Я не хочу обрывать нить, которая нас связывает.

— Запись в карточке? Что он твой постоянный партнёр? — Виктор озадаченно приподнял брови. — Знаешь, в этом есть какой-то смысл. Любовников окружает особая аура, не столь уж хрупкая как кажется на первый взгляд.

— Но что мне делать? Как жить, чтобы окружающие не думали, что я сошла с ума?

— Мнение окружающих не должно влиять на те или иные твои поступки. Каждый человек — хозяин своей жизни. Люди не становятся чужими только потому, что кто-то из них выбрал свой путь. Главное, быть рядом.

— Ты красиво говоришь, Виктор. Но мне тяжело так жить. Вчера я занималась сексом с мужчиной, представляя себе, что это Коллин. И получила дикое удовольствие. А сегодня я как никогда ощущаю себя одинокой и опустошённой.

— Тебе нужно избавиться от этого чувства.

— То же самое утром сказал мне Сергей. Мне так жаль его.

— Пронырливый и властный молодой человек. Ты можешь сделать его счастливым. — с улыбкой сказал Виктор.

— А он меня?

— Если ты этого захочешь.

— Я не хочу.

— Тогда не мучай себя. Пускай это был просто секс. Он остался вчера. А завтра тебе предстоит новый день, в котором не будет ничего, что бы тебя смущало.

— Но как мне достичь этого? Как освободиться от своей боли?

— Отвлекись от своей боли. Спроектируй своё внимание на чужой жизни, но такой, которой ты можешь управлять. Например, напиши книгу о чём-нибудь возвышенном. И обязательно с хорошим концом.

— А что будет потом? Я буду бегать сама от себя?

— Отнюдь. Ты отвлечёшься и настроишь себя на счастье. Тогда действительно станет легче.

Я ещё не знала, не осознавала, какую бурю поднимут в моей душе эти простые слова. Совет Виктора действительно преобразил мою жизнь, направив её в совершенно иное русло. У меня появилась цель, ради которой я теперь жила. Цель — найти и воскресить себя, свой внутренний мир. Собрать карты и построить новый домик. И залить его сверху клеем.

Долгое время я пыталась сообразить, как мне это сделать, и постоянно перелистывала дневник, чтобы воссоздать все свои чувства и ощущения. Идея написать книгу будила в моём воображении множество историй, но все они сводились к одному. Я неумолимо возвращалась к одной и той же теме — вынужденной разлуке.

Я никогда раньше не писала книг, и не думала, что у меня есть к этому особый талант. Но ведь я писала её не столько для окружающих, сколько для самой себя. Я рассказывала себе эту сказку, убаюкивая одинокими холодными ночами. Потом переносила её на монитор и перечитывала по несколько раз.

В этой сказке жила другая я — другая девушка Кира. Девушка, позаимствовавшая у меня историю моей любви, не совсем настоящую, а слегка приукрашенную. Такую, какой я бы хотела видеть её сама. Но в то же время я дала ей то, на что не могла рассчитывать сама. Я подарила ей надежду.

Моя Кира была более успешной, более решительной, чем я. Она была готова рисковать. Наверное, каждый из нас видит себя со стороны более идеальным и сильным, чем есть на самом деле. И только сравнивая два образа — мой реальный и мой идеальный, я поняла насколько мы разные. И как бы я хотела стать хоть чуточку сильнее, как моя Кира.

Жизнь не бывает идеальной. Как бы нам ни хотелось, но всегда приходится чем-то жертвовать. Моей героине предстояло это испытать. Я не могла избавить её от боли, также как и саму себя. Кира разделила со мной незабываемое чувство любви, и в борьбе за собственное счастье ей суждено пройти всё те же муки. И всё же я дала ей выбор, в то время, как сама могла о нём только мечтать.

Любимый моей героини был специалистом по внеземным штаммам, и когда на одной

из земных колоний вспыхнула эпидемия, он вынужден был лететь, поскольку он занимался изучением микроорганизмов на этой планете уже много лет. Он не мог взять с собой любимую — из-за риска заболеть. Но и отказаться от полёта не имел морального права. Он улетел накануне свадьбы, а Кира пообещала его ждать.

Но случилось непредвиденное. Болезнь, охватившая колонию, оказалась неизлечимой. Все заболевшие обречены на смерть. Выжить могли лишь те, у кого врождённый иммунитет. Но на исследования могли понадобиться годы, а люди продолжали умирать, и шансов выжить ни у кого не было. Единственным способом остановить болезнь была изоляция. Руководство Земли приняло жестокое, но вынужденное решение. На планете был установлен карантин на тридцать лет — время, за которое штамм сможет уничтожить всех своих жертв и мутировать или же погибнуть. Никто не мог покинуть планету в течение этого времени — ни одна живая душа, ни один механический организм.

Выжившие собрались на единственном незаражённом объекте, где им придётся провести долгие тридцать лет. Все контакты были строжайше запрещены. Руководство скрывало имена выживших, и на Земле их признали среди погибших.

Кира не могла смириться с неизвестностью. Ей удалось пробраться на корабль, который доставлял продукты и прочие необходимые для жизни вещи на орбиту заражённой планеты. Она не знала, что будет делать. Кире хотелось лишь узнать, жив ли её любимый. И ради этого она была готова бежать на край галактики.

Вопреки её ожиданиям корабль лишь сбросил груз на орбите и улетел обратно, не вступая в контакт. Кира выдала себя капитану корабля в надежде, что он сжалится и позволит ей хотя бы узнать, есть ли среди выживших её любимый. Но капитан не согласился пойти ей навстречу. Единственное, что он сделал для Кире, и за что она была ему благодарна, — он не выдал её властям.

Кира вернулась на Землю. Свободная красивая и ужасно одинокая. Неизвестность травила её душу. И никто в мире не мог избавить её от этих мук.

Через год после её возвращения руководство Земли приняло решение ввести выживших в колонии в состояние искусственного сна на тридцать лет. Это было весьма гуманным решением. Иначе те, кому так «посчастливилось», могли просто сойти с ума. Эта новость дала Кире шанс — один на миллион, что она когда-нибудь встретит любимого.

Кира решила искусственно сохранить собственную жизнь на тридцать лет здесь, на Земле. Это было очень сложное решение. Многие отговаривали её: ведь никто не знал, есть ли среди выживших её любимый. Что если Кира жертвовала тридцатью годами своего настоящего, своими близкими и друзьями ради того, чтобы, проснувшись, оказаться совершенно одной. И с горечью узнать, что любимый давно умер?

В центре искусственного сохранения сна Кире отказали. Но она не сдалась. Она штурмовала инстанции и даже уговаривала докторов приписать ей какую-нибудь болезнь, лекарство против которой было бы найдено лет через тридцать. Всё было напрасно. Её никто не слушал. И только спустя два года директор центра сжалился над Кирой и обратился к руководству центра борьбы с внеземными штаммами с личной просьбой. Скрытые сведения были изучены под строжайшим секретом. И выяснилось, что имя любимого Кире есть в списке выживших.

Перед директором центра встала диллема: позволить Кире заснуть на двадцать восемь лет или отказать, руководствуясь тем, что её случай не попадает под законодательство об искусственном сохранении жизни. Это был нелёгкий поединок чести и совести, жалости и

страха. От его решения зависел ответ на вопрос: была ли упорная борьба моей Киры напрасной или же обретала смысл.

Я не стала описывать то, как директор центра сделал свой выбор. Не стала описывать чувства и мысли Киры в тот момент, когда она ждала решения. Свою книгу я закончила одной единственной фразой «Ты готова?». И в этой фразе было намного больше смысла, чем кажется на первый взгляд. Тогда я ещё не подозревала, сколь судьбоносной окажется для меня самой эта фраза.

Когда я закончила писать свою книгу, за окном было ещё темно. Я посмотрела на часы. Было около трёх ночи. С души словно свалился камень. Ужасно захотелось спать. Я выключила монитор и с чувством глубокого удовлетворения отдалась в объятия Морфея. Это было прекрасно: я наконец-то обрела счастье, пусть на короткий миг, пусть на страницах собственного романа.

Утром я летела на работу, словно на крыльях. Едва увидев мои сияющие глаза, Бова многозначительно улыбнулся.

— Наша маленькая Лара, кажется, влюбилась.

— Да, Бова. Я влюбилась в жизнь. И в тебя, и в моих маленьких питомцев.

— Тебе что, выписали пару доз эндоморфинов? — удивлённо спросил Бова.

— Круче. Мой организм произвёл их самостоятельно. Я написала книгу.

— Книгу? Интересно. Жаль, что я ненавижу читать.

— Мог бы этого и не говорить. — с укоризной произнесла я. Впрочем, Бова несколько не оскорбил мои чувства. Сейчас мне было глубоко наплевать, понравится кому-либо моя книга. Главное, я её написала. И теперь душу бередила лёгкая ностальгия по тем дням, когда я коротала вечера вместе с моей Кирой, придумывая её жизнь.

— Извини. Я всего лишь сказал правду. Но у меня много знакомых, которые не могут жить без книг.

— Спасибо.

В этот момент в кабинет зашла Мария. Глаза её удивлённо расширились, когда она увидела, что я на месте.

— Надо же, ты не только не опоздала, как обычно, а даже пришла раньше меня.

— Я исправляюсь.

— Надолго-ли?

Этот вопрос словно ошпарил меня кипятком. Мария имела ввиду вовсе не то, о чём я подумала. Она спрашивала, надолго ли меня хватит, чтобы не опаздывать. Но теперь я задала самой себе вопрос: как долго я смогу жить, питаюсь этим чувством радости, которое испытывала в этот момент. И что будет потом, когда эйфория улетучится, а реальность, то бишь одиночество, опять постучится ко мне в двери.

Прочь. Прочь грустные мысли. Сегодняшний день слишком прекрасен, чтобы я позволила опять попасться к вам в плен.

Меня отвлёл звонок в дверь. Должно быть, клиент. Но это оказался робот-курьер, державший в механической руке букет ярко красных роз. Очевидно, Сергей Бра снова вышел на тропу войны. Теперь его знамя приобрело красный цвет, далёкий от нежно-романтического розового.

Но я ошибалась. Букет предназначался Марии. И послал его не кто иной как собственный муж. Надо же, какой романтический порыв. Мне казалось, Виктор не столь эмоционален.

— Красиво, правда? — улыбка Марии излучала счастье. Но мне почему-то показалось, что в глазах у неё затаилась боль. Выглядела она неважно.

— Ты не больна? — осторожно спросила я.

— Нет. Я абсолютно здорова. Цветы вовсе не по этому поводу. Я вообще не знаю по какому они поводу, но мне уже приятно, что бы они не означали.

— А что они могут означать?

— Что мы снова вместе.

— Но вы и так вместе. Вы что, празднуете воссоединение?

— Нет. Просто мы уже неделю живём отдельно.

— Так, — сказала я, опустившись на стул и набрав в грудь побольше воздуха. — Я так углубилась в свой роман, что упустила из виду что-то важное. Почему вы решили жить отдельно?

— Мы решили отдохнуть друг от друга. — тихо сказала Мария. Она и сама не верила в то, что говорила.

— Вы так сильно друг от друга устали? Какой бред. Вы как малые дети. Стоило мне выпасть из реальности на каких-то пару месяцев, как вы уже разбежались в разные уголки сада. Может, снова взять вас за руки и помирить?

— Не нужно. Видишь, Виктор и сам справился. — Мария многозначительно посмотрела на цветы. Лепестки роз выглядели такими свежими, а аромат наполнил всю комнату.

— И что послужило поводом.

— Алиса. Когда я увидела её впервые, не смогла удержаться и расплакалась. Она такая хорошенькая. Так хочется прижать её к себе и не отпускать никогда.

Алиса — дочь Арнольда и Ольги, родилась две недели назад. Действительно, очаровательная малышка. Родители, бабушки и дедушки, тёти и дяди буквально души в ней не чаяли. Димарис даже начал ревновать, но это свойственно всем детям, когда в семье кроме них появляется кто-то ещё.

Появление на свет ребёнка всегда провоцирует всплеск материнских чувств у любой нормальной женщины. Это природный инстинкт. А Мария хотела иметь детей. Хотела, но не могла. Вернее, могла, но добровольно отказалась от этого, выбрав в мужа Виктора. И это причиняло ей боль. У каждого своя боль. И может быть, эта боль не менее сильна, чем моя собственная. Я ведь не могу заглянуть Марии в душу. Остаётся только догадываться, что за секреты хранит её любящее сердце.

Почему кругом одна боль? У кого-то голова идёт кругом от счастья, а кто-то плачет, потому что не может испытывать те же чувства. Неужели мир не может обойтись без боли?

Очевидно, господь создал нас мазохистами. Потому что, отрицая боль, мы тянулись к ней, как к чему-то родному. На душе становилось легче от сознания, что ты не один.

Я сделала несколько копий своей книги и разослала её по редакциям известных мне виртуальных библиотек. Один экземпляр я отправила Виктору, и уже к вечеру получила от него первый отзыв. Правда он немного отличался от того, который я рассчитывала услышать.

— А ты готова? — было первое, что спросил Виктор.

— Смотря что ты имеешь в виду.

— Готова отказаться от всего, что любишь, ради того, кого любишь, даже не спрашивая, примет ли он такую жертву?

— У тебя слишком сложные вопросы, Виктор. По-моему, ответ и так очевиден.

— Твоя Кира ведь может ответить нет.

— Она ответит да. Здесь нет других вариантов.

Несколько секунд Виктор молчал, обдумывая ответ. Внутри него словно велась непонятная мне борьба.

— Это не так уж просто, как кажется на первый взгляд. Так или иначе, у тебя получилась хорошая книга. Немного хромает текст, но смысл мне нравится.

— Спасибо, — признаться в глубине души я ожидала от брата более распространённого ответа. Или хотя бы подробной рецензии. Виктор любит пофилософствовать.

— Я перечитаю ещё раз. Как только Мария позволит мне оторваться.

— Она у тебя?

— Да. — голос брата звучал до неприличия счастливо. Понятно, чем они там занимаются. Спасибо, что ещё нашёл время прочитать мой роман.

— Красные розы — это было то, что надо.

— Красный цвет означает страсть. Это единственное, что я могу ей дать в избытке.

— Пожалуйста, Виктор, не прибедняйся. Ты даёшь ей гораздо больше.

— Но всё же меньше, чем она заслуживает.

Похоже, Виктор действительно не на шутку влюблён. Я никогда не слышала, чтобы он говорил так о женщине. Неужели он способен любить кого-либо больше себя? Время и опыт меняют человека к лучшему. Хорошо, если при этом удаётся избежать потерь. Но, увы, это был не наш с Виктором случай.

К концу недели начали приходить отзывы других читателей. В основном это были ответы роботов-редакторов. Согласно законодательству каждое написанное произведение проходило электронную проверку цензурой. Если текст содержал факты, способные пагубно воздействовать на психику человека — например, насилие, детский секс, удовольствие от нанесения телесных повреждений и прочие вещи, которые отвергались обществом — произведение уничтожалось, а автор приглашался на сеанс к психоаналитику. В остальных случаях отрывки произведения размещали в виртуальной библиотеке. Если число желающих прочитать полный вариант составляло больше пятидесяти, книга направлялась на рассмотрение издательств.

Ещё через две недели мой видеофон был завален сообщениями от редакторов издательств. Оказалось, за последние три дня запрос на мою книгу поступил от сорока читателей. Одним из них оказалась жена директора издательства «Феникс». Моя книга растрогала её до слёз.

Но редактор издательства был не столь сентиментален. Он раскритиковал меня в пух и прах.

— Я бы назвал вашу книгу сплошным графоманством. История любви, банальная до ужаса и столь же нереальная для нашей планеты.

— Почему?

— Как, по-вашему, девушка может пробраться на космический корабль незамеченной, если повсюду сенсорные датчики.

— У неё есть пропуск любимого.

— Да, и отпечатки пальцев, и фотопроекция радужной оболочки глаза.

— Вы придираетесь к технической стороне вопроса? Других претензий у вас нет.

— Огромная масса претензий. Просто я хочу быть до конца объективным. Ваша речь весьма и весьма хромает. Отсутствует чувство поэзии, да и чувственная сторона романа выглядит чересчур фанатичной. Сомневаюсь, что ваша книга понравится большинству

читателей. Я говорю от всей души.

— Я не преследую цель разбогатеть. Мне просто хотелось написать книгу.

— Вы её написали.

Не могу сказать, была ли я огорчена до глубины души или же мне просто было неприятно. Зачем он вообще позвонил, если книга ему не понравилась. Мог бы и не портить мне настроение.

К концу вечера я чувствовала себя выжатой как лимон. Господи, и зачем я только поддалась порыву опубликовать мою книгу. Написала и положила бы на полку. И не слушала бы этих чёрствых стариков. Я совсем не хотела славы. И тем более не думала о деньгах. Просто мне хотелось крикнуть всему миру: смотрите, мне больно. Смотрите, как я побеждаю свою боль. Теперь я понимаю, что это было глупое желание.

Все редакторы были солидарны в одном: я весьма плохо строила фразы. Чересчур увлеклась описанием своих чувств. В моей истории не было ничего такого, что заслуживало бы того, чтобы она разошлась широким тиражом. В конце концов, терпение моё лопнуло, я отключила все средства связи и поехала в гости к Арнольду.

Он тоже читал мою книгу, но почему-то не спешил высказывать своё мнение. А Ольга была слишком поглощена заботой о детях, чтобы хотя бы подержать её в руках.

— Почему люди так жестоки? — спросила я брата. Арнольд усмехнулся и приобнял меня за плечи.

— Некоторые считают своим долгом указать другим на их недостатки.

— Мне, пожалуй, стоит удалить книгу из виртуальной библиотеки. Пока они меня не доконали.

— Зато тебе есть, чем занять свои мысли. Это полезная для тебя встряска.

— Спасибо, братец. Прошлая встряска едва не свела меня с ума. И ты, между прочим, изрядно в ней поучаствовал. Даже усыновил мою собаку.

— Это не я. Это Димарис. Он теперь жить не может без Дасты. Говорит, что его подружка без ума от его пса.

— Я рада, что хоть кому-то хорошо.

— И тебе тоже могло бы быть хорошо, если бы ты слушала своё женское начало.

— Ты имеешь ввиду секс с Сергеем?

— Секс связывает многих людей намного крепче, чем ты можешь подумать. Может быть, тебе не стоило упускать этот шанс.

— Если говорить о шансе, то он вряд ли упущен. Сергей не даёт мне прохода.

— Рад это слышать.

— А я не очень.

— Это твоя жизнь, твой выбор. Только не думай, что Сергей будет ждать тебя двадцать лет. Когда любовь приносит слишком много боли, у организма начинается передозировка.

— Спасибо за совет. Арни, скажи, книга действительно не удалась?

— Я бы так не сказал. Хотя я не очень люблю романтику, но каждый, в том числе и я, может почерпнуть в ней что-то своё.

— Что именно?

— Не знаю. Но если бы книга действительно не удалась, никто вообще не обратил бы на неё внимания.

— Почему же тогда все меня критикуют?

— Это их работа. Но ведь они почему-то звонят?

В словах Арнольда было зерно истины. Редакторы почему-то звонят. Ругают, критикуют, высказывают своё «фе», но всё равно звонят.

На следующее утро мне позвонила женщина-редактор. Не скажу, что она была в особом восторге от книги, скорее она казалась озадаченной, но её слова заставили меня призадуматься.

— Мы планируем издать вашу книгу большим тиражом. Мы можем встретиться сегодня, если вас это не затруднит?

— Конечно, можем. Я освобождаюсь в пять.

— Тогда я приглашаю вас в ресторан «Прага». За счёт редакции.

Надо же, ресторан «Прага». Туда обычно ходили деловые люди, чтобы расслабиться и говорить о делах в позитивной обстановке. Карина Милославская, главный редактор издательства «Экспресс-альянс», была довольно миловидной пухленькой особой. Она любила вино и морепродукты. Я ограничилась соком и сырным салатом. Мы довольно мило побеседовали, прежде чем перейти к цели нашей встречи. Карина в течение всего вечера не сводила с меня глаз, словно старалась запомнить мельчайшую деталь. Иногда её взгляд напоминал мне лазер, с помощью которого доктора рассматривают состояние внутренних органов пациента.

— Итак, насколько я поняла, книга вам понравилась.

— На мой взгляд, сюжет чересчур динамичен. Это делает книгу слегка нереальной. Но её будут читать. Вы сможете заработать деньги.

— Деньги — это не моя цель. Я вполне довольна тем, как содержу себя, работая консультантом по продаже аквариумных рыбок.

— Я почему-то в этом не сомневалась. Тем не менее, вы же не будете отказываться от гонорара? Можете вложить деньги в какое-нибудь исследование. Тогда в вашу честь назовут какое-нибудь открытие.

— Ого, я стану знаменитой. Сомневаюсь, что от этого мне будет какая-нибудь польза.

— Вам ведь совершенно всё равно, будет ли ваша книга интересна читателям или нет, правда? — спросила Карина и усмехнулась довольно лукаво, как мне показалось.

— Почему вы так решили. Я ведь трудилась, вкладывала в неё свою душу. Мне не совсем всё равно. Но меня сейчас волнует совсем не это: вы назвали мою книгу нереальной и, тем не менее, говорите, что её будут читать. Я не пойму вашей логики.

— В вашей книге есть что-то такое, какой-то непонятный подтекст. Сюжет довольно безумен, но почему-то всё время, пока я её читала, меня не покидало ощущение, будто всё, о чем пишете, вы пережили в реальной жизни.

Я смотрела на неё, широко раскрыв глаза. Я никогда не думала, что найдётся человек, способный заглянуть так глубоко между строк. И тем не менее этот человек сейчас сидел передо мной, и буквально заглядывал мне в душу. Мне нестерпимо захотелось уйти домой, подальше от Карины Милославской.

— Читателей привлечёт этот самый дух — дух реальности волнений, пережитых вашей героиней. Когда я заглядывала в виртуальную библиотеку последний раз, число запросов перевалило за триста.

Карина оказалась права. Моя доселе никому не нужная книга разлетелась большим тиражом. Со всех сторон на мой виртуальный адрес начали приходить отзывы. Большинству читателей не нравился конец, а мне даже в голову не приходило, как можно было закончить её по-другому. Редкие люди называли мою книгу «гением дилетантки». Не очень лестное

определение, скажу вам. Тем более, что я не совсем поняла, что они имели ввиду.

Через несколько недель я поняла, что окончательно выдохлась. Я устала от такого огромного потока людских отзывов, тем более, что меня больше ругали, чем хвалили. Что действительно сбивало меня с толку, так это то, что на вопрос понравилась ли вам книга, практически все читатели ответили одно и то же: однозначно да.

Я решила немного отдохнуть от людей и слетать за город. Это было по-прежнему запрещено, но я ведь была одна. Какой вред окружающей среде могла принести одинокая писательница, которую даже нельзя было назвать удачной. Я села в аэромобиль и унеслась прочь из города.

Я никогда не отличалась внимательностью, поэтому не заметила следовавший за мной аэромобиль, пока он не приземлился рядом. Я посмотрела на водителя и тяжело вздохнула. По всему телу пробежала волна раздражения. Сергей не шутил, когда говорил, что не оставит меня в покое.

— Добрый вечер. — сказала я вполне миролюбиво. — Какими судьбами ты забрёл в тот же удалённый уголок земного шара, что и я?

— Интуиция. — слабо улыбнулся Сергей и робко взял меня за руку. Как у него это получалось — сразу находить мои самые чувствительные места. Должно быть, у него талант ощущать женское тело. Я позволила ему слегка дотронуться до моих губ.

— Пойдем. Я покажу тебе моё любимое место.

У меня было прекрасное настроение — впервые за много дней, и я не хотела портить его из-за какой-нибудь мелочи. Раз уж он прилетел, так и быть, пускай побудет рядом.

Мы сели прямо на траву у кромки воды. Издалека был виден город: огромная россыпь ярких мерцающих точек. Этот вид всегда вызывал у меня лёгкое чувство тоски.

— Помнишь, лет двести назад учёные боялись, что отблески ночных городов нанесут непоправимый вред атмосфере Земли.

— Слава богу, они ошибались.

— Такая красота... Я люблю это место.

— Отсюда хорошо видны звёзды.

— Ненавижу звёзды.

— Прости. — Сергей снова взял мою руку в свою и поднёс к губам. — Я ожидал, что боль потихоньку утихнет. Прошло уже два года.

— Правда, у меня такое ощущение, что прошла целая жизнь.

— Тогда тем более... Я прочитал твою книгу.

— Умоляю, не надо меня критиковать. Я уже выслушала всё, что только можно было.

— Не думал, что ты настолько сильно его любишь... — эти слова дались ему с видимым трудом.

— Люблю.

Сергей отпустил мою руку и опустился спиной на траву. Становилось прохладно, и я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Когда он держал меня за руку, было теплее.

— Это полное безумие, Лара. Ты и сама это знаешь. Пора переступить прошлое и начать жить полноценно.

— Я не жалею, Серёжа. У меня всё нормально.

— Я хочу заняться с тобой сексом.

Сергей приподнялся на локте и посмотрел на меня в упор. Он был красив и горяч. Глаза

его блестили от желания, я ощущала как в воздухе парили флюиды любовной страсти. Мне хотелось ответить ему взаимностью. Но я не могла. Для этого мне пришлось бы изнасиловать свою душу.

Сергей потянулся ко мне и начал ласкать мои обнажённые щиколотки. Его влажный горячий язык ласково скользил по моей коже, но мне почему-то было неприятно. Я мягко отстранила его и покачала головой.

— Не нужно, Серёжа. Давай просто посидим рядом.

— Скажи честно, ты ведь никогда не полюбишь меня так, как его?

Я не знала, как ответить на этот вопрос. Я любила Коллина и не могла представить как это — полюбить другого мужчину. Сильнее или слабее — это не имело значения. Быть может, если бы я твёрдо знала, что он мёртв, я заперла бы любовь в потаённом уголке своего сердца, и приняла от судьбы то новое чувство, которое она так настойчиво посылала. Но пока в сердце живёт надежда — пусть даже призрачная — оно будет биться только для него.

— 16-

В один прекрасный день я обнаружила среди вороха почты чек на весьма приличную сумму. Это был долгожданный гонорар от издательства «Экспресс-Альянс». Странно, однако новость о том, что на моём счету наконец-то появились немалые деньги, совершенно никак не повлияла на состояние моей души. Мне некуда было тратить эти деньги. Не хотелось ни драгоценностей, ни путешествий, ни нового большого дома. Да и мои родственники ни в чём не нуждались. Я абсолютно равнодушно положила чек в сумочку, как будто его и не было вовсе.

Как поступил бы обычный человек, получив солидный гонорар? Скорее всего, потратил его за два дня, скупая всё то, о чём мечтал с самого детства. У меня же было всё, в чём я нуждалась. Всё, кроме того, чего нельзя купить ни за какие деньги. А раз так — они мне и вовсе не нужны.

Я вспомнила, о чем мне говорила Милославская. Действительно, если материальные ценности столь мало значат для меня, их наверняка стоит пустить на благое дело. Сделать вложение в научные исследования, что само по себе уже немаловажно.

Ответ пришёл как будто свыше, и уже через секунду я приняла решение, куда именно я вложу свои деньги. С моей стороны это было благородно и в то же время весьма эгоистично. Я положила чек обратно в конверт и вызвала по видеофону робота-курьера.

Вместе с чеком я передала записку следующего содержания: «я хочу вложить эти деньги в исследования вашего центра для того, чтобы у вас была возможность помочь тем, кто не в силах ждать, пока в ваших сердцах родится нечто, что окажется выше логики. Вместе с чеком я передаю вам права на последующие гонорары, которые поступят от продажи книг издательством «Экспресс-Альянс. С глубоким уважением, Лара Пирс».

Не знаю, чем я руководствовалась, решившись подарить свои деньги центру искусственного сохранения жизни, однако в глубине души я знала, что это правильное решение. Если они не могут помочь мне, то пускай попробуют помочь другим, кто ещё может надеяться. Думаю, далеко не каждый человек поймёт, почему я это сделала. Но тот, кто поймёт, вряд ли меня осудит. Ведь в моём сердце по-прежнему живёт надежда.

Вечером меня ожидал сюрприз. Мне трудно сказать, приятно мне было или нет, потому что я дико устала от событий, неожиданно наполнивших мою жизнь. Раньше я никогда не была в центре внимания такого количества народа, и, должна признаться, в этом нет ничего хорошего. Лично для меня.

Со мной изъявили желание встретиться представители национальной киностудии. Это сама по себе была огромная удача, поскольку кинофильмы снимались довольно редко и сюжеты отбирались с особой тщательностью. Цензура была серьёзная, поскольку руководство старалось избежать ошибок прошлого, когда видео и аудио индустрия была практически убита нескончаемым потоком «одноразовых» продуктов, похожих один на другой как две капли воды. Так что любой новый фильм был в чём-то особенным. Признаться, я не верила, что по моей книге кто-то захочет поставить фильм.

Тем не менее я пришла на встречу. Всё в ту же «Прагу». Наверное, это был судьбоносный ресторан.

Господин Павел Джарра, режиссёр, был человеком весьма преклонного возраста. Но судя по тому как он выглядел, он мог дать фору любому молодому ловеласу. Ухоженный, аккуратно одетый, окутанный ароматом дорогого парфюма, он источал такой мощный поток энергии, что мне казалось, что воздух вокруг него наэлектризован. Седина очень ему шла, а глубокий пронизательный взгляд дымчато-синих глаз порою заставлял меня краснеть. Сама не знаю почему. Рядом с ним я чувствовала себя совсем маленьким человечком.

Несомненно, господин Джарра был авторитетом, однако в его манерах не было заносчивости и снисходительности, как обычно бывает у «больших» боссов. Он вёл себя как человек, полностью уверенный в себе, и, насколько я поняла, терпеть не мог лести.

— Вы поразили меня, госпожа Пирс.

Я несказанно удивилась. Я не ожидала, что найдётся человек, которого поразит моя книга. Тем более такой импозантный мужчина как Павел Джарра. Хотя, может быть он имел ввиду мою внешность? Тогда он выбрал не ту девушку. Меня не привлекают мужчины, которые годятся мне в отцы.

— Даже не знаю что сказать. Я не думала, что моя книга заслуживает такого отзыва.

— Скромность украшает женщину, тем более, если она искренняя.

— Этой поговорке уже много сотен лет.

— Законам женской привлекательности ещё больше. Но речь не о вашей книге, а о вас. О том, что вы хотели сказать этой книгой.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете ввиду. — признаться, я была озадачена. — Я ничего не хотела сказать, я просто написала историю, отчасти биографическую.

— Надо же? Вы пережили нечто подобное?

— Не совсем. Моя героиня — это отчасти я. Только не подумайте, что я воображаю из себя невесть какую персону. Просто я тоже пережила потерю. Но в отличие от моей Киры у меня нет права даже на надежду.

Зачем я это говорю? Этот человек с пронзительным взглядом явно обладал гипнотическими способностями. Или же был опытным психологом. Его профессия к этому обязывала.

— «Татум 146-С»? Я читал об этом в прессе. Там находится близкий вам человек?

— Я бы не хотела об этом говорить.

— Тогда не будем. Извините, я не хотел бередить раны. Но это всё объясняет.

— Что именно? — спросила я. Мне было непонятно, в какие игры играет со мной этот человек.

— Настроение вашей книги. Я бы хотел поставить по ней фильм. Думаю, это будет грандиозным проектом.

— Я прошу прощения, но мне кажется вы переоцениваете мою книгу. Это не ложная скромность, просто я получила столько отзывов от моих читателей. Да и от редакторов тоже. Мало кто в восторге.

— Но все читают. Читают и не могут успокоиться.

— Почему?

— Всё дело в подтексте. Сюжет довольно банален, но вот конец — конец меняет всё. Он сбивает с толку и заставляет задуматься, сделать выбор. Это всех и бесит: проблема выбора. Люди зачастую боятся делать выбор, особенно тот, от которого зависит собственная жизнь. Люди считают себя свободными, но в то же время стремятся переложить ответственность за выбор на кого-то другого. Выбор вашей героини заставит зрителей задуматься над смыслом жизни.

— Мне непонятен такой взгляд на мою книгу. Какой ещё выбор?

— Тот, с которым осталась ваша героиня в самом конце.

— В конце моя героиня наконец получила то, за что боролась — право ждать своего любимого. Здесь нет никакого выбора.

— Должно быть, вы сами не понимаете смысл того, что вы создали, Лара. Вы закончили роман фразой «ты готова?». Эти два слова делают ваш роман уникальным.

— В чём их уникальность, объясните наконец?

— Вы не закончили книгу. Вы предоставили читателям самим сделать вывод, как поступит ваша героиня. Как поступил бы читатель на её месте? Это выбор совести, чести, страха, эгоизма и любви. Вот вы, как бы вы поступили на месте Киры? Вы были бы готовы?

— Разве это не очевидно?

— Нет, Лара. Не очевидно. Вы могли закончить роман любой другой фразой. Могли описать как она встретила с любимым через тридцать лет. Могли просто написать единственное слово «да». Но, похоже, вы сами не знаете, что сделали бы, окажись вы на её месте.

— Я сказала бы «да».

— Вы уверены?

Уверена ли я? До того момента, как Павел Джарра задал мне этот вопрос, я даже не задумывалась об этом. Мне казалось, что сомнений быть не может. Готова ли я последовать за любимым? Конечно, готова. Иначе, зачем было проделывать столь долгий и нелёгкий путь? Зачем ждать, зачем хранить верность, зачем отталкивать тех, кому ты небезразлична?

Но всё же я колебалась, прежде чем дать ему ответ. Пауза длилась несколько минут — слишком долго, чтобы её можно было толковать однозначно. Павел Джарра смотрел мне прямо в глаза, и мне казалось, что он словно читает мою душу так глубоко, как мне самой не в пору было бы добраться.

— Вот видите, — многозначительно сказал он. — Если бы вы были уверены, если бы вы были готовы отказаться от всего, что вам дорого в этом мире ради призрачного счастья, конец вашей книги был бы определён. А он может быть каким угодно. Он зависит от того, каков на поверку ваш читатель: герой или обычный человек. И это гениально.

— Знаете, господин Джарра, — сказала я и почувствовала, как глаза мои наполняются слезами. — Мне кажется, я вас ненавижу.

— Ничего страшного, Лара. Я переживу вашу ненависть.

— Извините, — я окончательно растерялась мне было стыдно за то, что я не сумела сдержать свои эмоции и оскорбила такого важного человека, который по сути не сказал мне

ничего обидного. Но у меня было такое ощущение, будто Павел изнасиловал мою душу. Мне было так мерзко и безумно хотелось уйти.

— Это вы простите меня. Я забылся и нечаянно разбередил ваши раны. Вы всё ещё не против, чтобы я снял фильм по вашей книге.

— Делайте как считаете нужным. Я её написала, а вы можете интерпретировать её как вам будет угодно. Этот фильм будет вашим произведением.

С этими словами я встала и направилась к выходу. Нам больше не о чем говорить. Этот человек и так сказал слишком много. Не думала, что читатели воспримут мою книгу именно так. Но, похоже, реакция большинства исходила именно из подобных соображений. Сказать, что я оскорблена до глубины души — значит ничего не сказать. Я чувствовала себя раздавленной. В моём восприятии Кира была сильной и целеустремлённой. Она не сомневалась в том, чего хочет. И проблема выбора перед ней не стояла. Она уже сделала его в самом начале своей борьбы.

Мне необходимо было поговорить с кем-либо, кто мог бы меня понять. Потому что сама я себя не понимала. Я не могла осознать, почему я сделала конец книги именно таким, а не другим — более определённым. Образ, неожиданно всплывший в моём сознании, принадлежал Виктору. Я нажала кнопку связи на видеофоне и выбрала его номер.

— Привет, Лара. — голос брата показался мне бодрым и полным оптимизма.

— Как дела?

— Отлично. Я заканчиваю свою работу. Надеюсь, её кто-нибудь оценит.

— Её обязательно оценят. Я помню, что ты мне рассказывал. Это очень интересно.

— Ну, может быть, лет через сто, когда будет научное подтверждение, моим потомкам выразят благодарность. Если работа доживёт до тех дней.

— Не оценивай себя столь низко.

— Я не страдаю комплексом непризнанного гения. Я просто стараюсь быть объективным.

— Мне сейчас позарез нужна твоя объективность. — улыбнулась я. В глазах Виктора мелькнула усмешка. Я редко звоню просто так, чтобы поболтать ни о чём. И этот звонок не был исключением.

— Говори.

— Скажи, как ты понимаешь конец моей книги.

Виктор ответил не сразу. Он долго молчал, словно подыскивал правильные слова. И я поняла, что то, что я от него услышу, меня тоже не сильно порадует.

— Вопрос не в том, как понимаю его я. Вопрос в том, почему ты закончила свою книгу так двояко.

— Ты тоже понимаешь её так. Впрочем, как и большинство.

— Я не большинство, Лара. Я твой младший брат. И я знаю тебя лучше, чем даже ты сама, хоть ты не сильно в это веришь. Ты закончила свою книгу именно так, потому что ты сама так до конца и не поняла, свободна ли ты в своём выборе.

— Я нисколько в нём не сомневаюсь. Я однозначно сказала бы «да».

— Но ты ведь не стояла перед выбором.

— С этим я могу поспорить. Я была в центре искусственного сохранения сна, я пыталась с ними говорить. Но мне не дали даже малюсенького шанса.

— А если бы дали? Тогда бы тебе пришлось делать выбор.

— Ради того, чтобы увидеть Коллина, я готова на всё.

— Знаешь, милая, это не так легко, как кажется.

— 17-

Слова Виктора задели меня за живое. В душе словно бушевала гроза. Как он мог, как все они могли так унижить мои чувства. Так исковеркать мою любовь. Я неделю не разговаривала с ним и даже не подходила к видеофону.

Но постепенно я отошла и даже пригласила Виктора с Марией на ужин. Виктор пришёл один. Мария решила провести маленькую Алису, о чём сообщила ему уже находясь в гостях у Арнольда. Мне было непонятно такое отношение, но я благоразумно решила промолчать. Иногда меня посещают приступы здравого смысла.

До моего тридцатилетия остались считанные дни. Раньше эта дата казалась мне такой далёкой и значительной. В моём представлении будущего свои тридцать лет я должна встречать в кругу семьи с мужем и как минимум одним ребёнком. Но всё, что у меня было — это маленькая серебряная рыбка на цепочке, в которой хранилась моя хрупкая мечта. Обручальное колечко, которое я должна была надеть ещё три года назад, но так и не надела.

Я часто задавала себе вопрос: неужели я так и останусь старой девой до конца своих дней? Красивая стройная незамужняя женщина с лёгким весёлым характером, которая отталкивает от себя мужчин. И делает это совершенно сознательно, потому что любит призрак.

Я возвращалась домой из торгового центра. В руках были коробки с кормом для Иванушки — единственного друга, который отныне делил со мной кров. На крыльце дома меня ожидал робот-курьер. Должно быть, какое-то важное послание.

Вообще, я давно заметила некую странную особенность: одни и те же люди, одни и те же места, объекты и даже цвета приносят с собой одинаковые по своему значению новости. Может, всё дело в ауре, хотя это научно не доказано. Робот-курьер всегда доставлял мне что-то хорошее: разрешение на ребёнка, гонорар за книгу, приглашения на различные мероприятия. Значит, согласно правилу, меня ждёт приятный сюрприз.

Я приняла пакет и оставила отпечаток пальца. На мониторе робота появилось изображение вежливой улыбки. Я улыбнулась в ответ. Приятно было думать, что у робота есть душа, хоть и механическая. По крайней мере, он был запрограммирован как хороший добродушный парень, которому хотелось пожать на прощание руку.

Я вошла в дом и, не выпуская пакет из рук, достала корм и насыпала его в аквариумную кормушку. Затем я опустилась на кушетку и вскрыла пакет. Там находились две вещи: электронное письмо и пластиковая карточка. Это был пропуск на моё имя. Пропуск в центр искусственного сохранения жизни.

Я была весьма удивлена и, отложив карточку, раскрыла письмо. Оно было от директора центра. Я забыла сказать, что мне уже приходило письмо с благодарностью за сделанный мною денежный вклад. Должно быть, меня решили поблагодарить вторично. Я читала письмо, и по мере того, как до меня доходил его смысл, сердце моё начинало биться всё сильнее, пока кровь не застучала в голове, заглушая всё вокруг.

«Уважаемая госпожа Пирс. Я не хочу выражаться банальными вежливыми фразами — это не тот случай. Нам было известно про исчезновение «Татума 146-С», как и про ваш визит в наш центр, но, к сожалению, закон был не на вашей стороне. С тех пор произошло немало событий, в том числе издание вашей книги. Признаться, она не произвела впечатления, поскольку показалась нереальной. Но ваш вклад в развитие нашего центра был очень даже реальным. Исходя из размеров нашего центра и стоимости проводимых

исследований, ваше материальное вложение весьма несущественно. Но если учесть, что оно поступило от одного человека, то это очень приличная сумма. Однако совсем не ваши деньги повлияли на наше решение.

Три дня назад моя дочь, прочитав вашу книгу, задала мне вопрос: почему вашей героине сначала не разрешили заснуть вместе с любимым? Я пытался ей объяснить, но вдруг с ужасом осознал, что не могу привести ни одной причины, которая была бы настолько объективной, что оправдала бы разрушенную жизнь. В нашем центре немало больных, чьи родственники согласились разделить с ними судьбу. Понятное дело, мы не можем удовлетворять желания каждого, иначе просто начнётся хаос. Но что если трагедия с «Татумом» повторится опять? И на борту будет не четверо, а гораздо больше человек, которых кто-то ждёт на земле. Имеем ли мы право ломать столько человеческих судеб. Законодательство следует пересмотреть, и я постараюсь добиться того, чтобы это было сделано как можно скорее.

Но пока вопрос законности ещё не решён, передо мной стоит не менее важная проблема. Имею ли я право принести вас в жертву на благо общества? Могу ли я ту, которая спровоцировала сдвиг в нашей системе понятий о ценности жизни, оставить вне игры? Это моя проблема выбора, и я предлагаю вам взять на себя эту ответственность.

Я посылаю вам пропуск в центр. Отныне вы наш пациент. Я придумаю, как сделать это законным, но пока, чтобы вы не решились, я убедительно прошу вас сохранять всё в тайне.

Теперь я задаю вам вопрос «Вы готовы, Лара?»

С глубоким уважением, искренне ваш

Ростислав Войко»

Вы слышали такое понятие, как эффект атомной бомбы. Примерно это я и чувствовала сейчас. Радость? Горечь? Облегчение? Я не знала, как описать своё состояние. Я просто отключилась на несколько минут. А может быть часов. Когда я пришла в себя, глаза мои были мокрыми от слёз. А на лице играла улыбка.

Это воскресала моя надежда. Мир уже не казался мрачным. Осень на улице озарилась красками лета. А сердце — оно замерло и отказывалось биться. Должно быть, оно боялось, что разорвётся от радости.

Я вскочила с кушетки и начала лихорадочно метаться по дому. Нужно было что-то делать. Нужно собрать вещи. Но какие? Я слегка призадумалась над этим вопросом. Что я могу взять с собой в будущее. Я ведь не на курорт собираюсь. Всё, что у меня есть сейчас — одежда, приборы связи, скорее всего через несколько десятков лет будут не то что не в моде, а просто совершенно ненужными предметами архаизма.

Да и глупо тащить в будущее огромный багаж. Нужно взять с собой только самые необходимые вещи. Я начала перебирать шкафы. К чёрту все платья, костюмы, бельё. Только пару вещей, чтобы не быть голой. В руки мне попало то самое серебристо-фиолетовое платье. На миг я ощутила сожаление и порыв взять его с собой, но ведь оно хранило отпечаток другого мужчины. Я не смогу одеть его для Коллина.

В конце концов я собрала сумку, в которую положила лишь пару вещей, альбом с фотографиями моей семьи, личную карточку и разрешение на ребёнка. Это были самые дорогие для меня вещи. Всё остальное не имело значения.

Я была готова. К чему, пока ещё сама не знала. Я ощущала волнение как перед долгой поездкой. Только конечная цель моей поездки не была определена. Понемногу, я начала осознавать происходящее, и в мозгу закружились миллионы самых противоречивых мыслей.

До меня вдруг начало доходить, что я не могу уйти просто так. Я должна предупредить родных, попрощаться с ними. Скорее всего, я никого больше не увижу. Как и они меня. Нужно написать им хоть несколько строк. Они имеют право, ведь они столько лет были рядом, любили меня. Я обязана им сказать. Обязана попросить прощение. За то, что моя любовь к Колину оказалась сильнее, чем моя любовь к ним.

Я составила несколько виртуальных писем, сделала запись своей последней голограммы и вызвала робота-курьера. Также я вспомнила ещё кое о чём и связалась с виртуальным адвокатом. Всё своё имущество, в том числе и авторские права на книгу я оформила на Арнольда. Думаю, он найдёт как со всем этим разобраться. Адвокат зафиксировал моё решение и выслал подтверждение.

Вскоре прибыл робот-курьер и забрал мои послания. Скоро они дойдут до своих адресатов, но меня к тому времени уже не будет дома. Меня уже вообще скоро не будет в этой жизни. Я буду совсем в другой.

На минуту я представила себе своё будущее, и мне вдруг стало страшно. Наверное, это нормальная человеческая реакция. Что со мной будет, когда я проснусь? А вдруг произойдёт что-то страшное, и я не проснусь вообще? Тогда мне вообще не о чем волноваться, подумала я мрачно.

Хуже будет, если я проснусь, а рядом не будет Коллина. Ведь может быть и такое. Может, его корабль погибнет, и когда об этом станет известно, меня разбудят и я окажусь совсем одна, среди чужих мне людей. Рядом не будет никого из родных. Или все будут очень старыми и давным-давно забудут обо мне.

А что если к этому моменту пройдёт лет двести. Я окажусь одна в плену собственных воспоминаний о людях, которые мне дороги, но которых я больше никогда не увижу, потому что все они умерли. А я — а я только на минуту закрыла глаза, чтобы очутиться в совершенно чужом для меня мире. С новыми людьми, новыми порядками и обычаями. Новыми словами и новыми причёсками. И самое ужасное — я никогда не смогу вернуться обратно. Это дорога в один конец.

Но даже если предположить, что худшего не произойдёт, и через неопределённое количество лет я встречу, наконец, с любимым, что ждёт меня тогда? Радость, любовь, счастье? Я так жажду этого момента. Я три года в душе лелеяла эту мечту. Я так хочу прижаться к Коллину, почувствовать его тепло, ощутить его губы на своих губах...

Как будет счастлив он, когда вернётся через много лет в новый, совершенно чужой ему мир и обнаружит, что он не один, что я жду его, чтобы разделить с ним боль потери, шок от пережитого и, самое главное, новое счастье. Мы обязательно построим новое счастье. Мы ведь любим друг друга и сможем быть счастливы даже на необитаемом острове.

Если Коллин вернётся и обнаружит, что никого из его близких, включая меня, больше нет, он, скорее всего сойдёт с ума от горя. Это будет удар, от которого он вряд ли оправится до конца своих дней. Если только он вернётся.

Я ведь не знаю наверняка. Всё, что у меня есть это только надежда. Прозрачная и невесомая как шёлковый платок. Если он вернётся, я буду ему нужна. Я люблю его.

Но как быть со всеми остальными? С теми, кому я тоже нужна? С теми, кого я тоже люблю. С теми, кто с ума сойдёт от горя, когда узнают, что больше никогда не увидят меня?

Что будет со мной, когда я проснусь и пойму, что больше никогда их не увижу? Никогда не услышу их голоса. Не приду на семейный праздник. Не обниму, не поделюсь самым сокровенным.

Они поддерживали меня всё это время, делили со мной мою боль. Они тоже любят меня. И пусть у каждого из них есть свои семьи, я — часть их жизни. А они — часть моей.

Могу ли я отказаться от них? Имею ли я на это право? Моё сердце рвалось на части.

Я услышала, как сработала система автоприветствия, и нащупала рукой сенсорную панель. Дверь распахнулась, и на пороге появился Арнольд. Видно было, что он очень взволнован и даже напуган. Взгляд его можно было описать скорее как затравленный. Он подбежал ко мне и схватил за руки. Впервые в жизни его пальцы показались мне такими холодными. Я не выдержала и разрыдалась у него на груди. На такой родной мне груди, на которой я уже не раз плакала.

— Не делай этого, Лара, прошу тебя. — голос брата дрожал. Казалось, вот-вот и он сам заплачет. Если он это сделает, то каждая его слезинка будет капать мне на сердце раскалённой лавой.

— Я не могу бо-о-льше так, — просипела я сквозь слёзы. — Я совсем запуталась и потерялась. Ещё несколько часов назад я была уверена на все сто процентов, я даже подумать не могла, что буду сомневаться. Я ждала этого три года. Я жила этой надеждой. И вот теперь, когда она постучала в мои двери, я просто не могу...не могу...

— Не плачь, родная, не надо. — Арнольд ласково гладил меня по волосам и целовал в макушку. — Ты мне так нужна. Ты всем нам нужна.

— И вы мне тоже. Я всех вас люблю: тебя, твою семью, родителей, Виктора. И даже Иванушку. Но ведь Коллина я тоже люблю.

— Коллин стал твоим наваждением. Так любить нельзя. Ты разрушаешь себя.

— Разрушаю? Я была самой счастливой женщиной, когда он был рядом. Я знаю, что он тоже любит меня, не меньше, чем я его. А может даже больше.

— Зачем же он тогда оставил тебя? Зачем рискнул вашим счастьем? Какого чёрта он поставил свои дурацкие исследования выше тебя? — в сердцах воскликнул Арнольд. — Я ненавижу его за то, что он сделал с тобой.

— Не надо так, Арни. Его работа важна для него. Я думаю, он не понимал, что рискует иначе никогда не согласился бы на такое.

— Да уж, теперь он поймёт и пересмотрит свои ценности. Только не всё в жизни можно вернуть. Время — оно не бежит обратно. Ты должна была его остановить.

— Ты не понимаешь, Арни. Когда любишь, ставишь интересы любимого человека выше своих. Ты боишься его обидеть, и этим ты доказываешь, что этот человек тебе по-настоящему дорог. Хуже, если ты воспринимаешь человека как свою собственность. Тогда это уже не любовь. Я не держу зла на Коллина. Наоборот, мне жаль его. Когда он вернётся, то будет в ужасе от того, что всё так обернулось. И я должна быть рядом, чтобы сказать ему, что всё в порядке. Что всё не так уж страшно. Что я всё равно люблю его, что бы ни произошло. Я должна, понимаешь?

— Но тебе что-то мешает, верно?

— Я боюсь, что больше никогда вас не увижу.

— Если ты поступишь так, как задумала, то скорее всего так и будет.

— Мне страшно об этом думать.

— Тогда не делай глупостей. Может быть, Коллин скоро вернётся, нужно просто подождать.

— Сколько? Лет десять? Я постарею.

— Думаю, он это переживёт.

— Я стану другой. Стану более взрослой. У меня появятся новые взгляды, новые привычки, новые события в жизни. А он останется тем же.

— С этим ничего нельзя поделать, Лара. Есть только один способ, но ты сама видишь, как это тяжело. И тебе, и всем, кто тебя любит.

— Я могу себя клонировать и оставить одну себя здесь, а другую усыпить?

— Не можешь. У тебя есть только один выход. Но ты к этому готова?

Земля закружилась у меня под ногами. Если бы Арнольд не подхватил меня, я бы рухнула на пол. Роковой вопрос. Теперь я понимаю возмущение моих читателей. Куда было бы проще, если бы я дала окончательный ответ. Тогда все бы просто радовались или осуждали. Я не сделала бы их ответственными за выбор. Но кто возьмёт на себя мою личную ответственность. Кто решит за меня, готова ли я? Никто, кроме меня самой.

Я попросила Арнольда выйти со мной на свежий воздух. Мы вышли, забрались на крышу аэромобиля Арнольда, и стали смотреть на ночное небо. Впервые я взглянула на звёзды с симпатией. Ведь где-то там, среди этих звёзд находится мой любимый.

Он спит крепким сном без сновидений, и он счастлив, потому что верит, что как только он проснётся, то увидит меня рядом с собой. Ему неведомы мои страхи и сомнения. Как и то, как сильно я его люблю.

Ты увидишь меня, Коллин, я обещаю тебе. Я обязательно дождусь, когда ты вернёшься. Я не могу оставить моих близких, ведь они тоже не могут без меня. Это очень сложный выбор, любимый. Но я дождусь. Я непременно найду способ, как сохранить нашу любовь.

Каждую ночь я буду смотреть на эти звёзды и представлять, что ты рядом. Ведь ты действительно рядом. Будь у меня мощнейший телескоп, я смогла бы увидеть твой корабль среди звёзд. Расстояние ничего не меняет. Оно лишь помогает понять, насколько сильно мы друг другу нужны.

Я буду ждать сколько нужно, любимый. Пускай пройдёт хоть тысяча лет, я всё равно буду ждать. Вот здесь, на этом самом месте. И я уверена, что обязательно дождусь.

Часть 2

Холодные объятия звёзд

2345–2375 г. г.

— 1-

За стеклом иллюминатора были только звёзды. Куда ни кинь взгляд — только эти яркомержцающие точки, и никого вокруг — ни единой живой души. Ощущение такое, будто плаваешь в бескрайнем океане на одинокой яхте, а до ближайшего берега несколько миллионов километров.

— Если бы не искусственный сон, от этого можно было бы сойти с ума. — задумчиво сказал Коллин, не отрываясь от созерцания космоса сквозь иллюминатор.

— Да ну, ты ведь космонавт до мозга костей, — смеясь, возразил ему Давид. — Когда мы готовились к полёту, от тебя только и слышно было: бескрайние просторы космоса, неопишуемая красота звёзд...

— Да, они весьма красивы. Когда любишься на них с Земли. А здесь на них уже тошно смотреть.

— Ладно тебе, ты просто устал. Спорим, будь здесь твоя малышка с шикарным бюстом, ты бы так не говорил.

— Я не видел её четыре месяца. Это просто пытка. И оставь в покое её бюст. У Лары

полно других качеств, за которые я её люблю.

— Любишь? — вмешалась в разговор София. — Посмотри на себя: ты всё время думаешь не о том. Твои мозги с нами, но ты сам на Земле. На тебя скучно смотреть.

— Не смотри. — мрачно заметил Коллин.

— Тут больше не на кого смотреть. Мой муж — фанат звёзд. Давид — неиссякаемый источник сарказма, а ты — молишься на свою невесту. Мне даже поговорить не с кем.

— Займись работой. Ты любишь её больше всех нас.

— И даже больше собственного мужа, — подал голос капитан Бражинский.

Все дружно рассмеялись. Миссия была выполнена, боевой пыл погас, лишённый всякой подпитки, и всем не терпелось вернуться домой. Земля манила каждого — как моряка после долгого плавания. Мысль о скором возвращении грела душу, и всё, что не приближало этот момент, казалось враждебным и портило настроение.

— А мне наплевать, здесь или на Земле. Лишь бы можно было посмотреть кино, — сказал Давид и откинулся назад в кресле. — Меня всё равно никто не ждёт.

— Неужели ты не хочешь увидеть хоть одну знакомую рожу? — спросил капитан.

— Все знакомые рожи вряд ли жаждут увидеть мою собственную.

— Всё так плохо? — спросила София.

— Мне наплевать. Я не выделяюсь: мне серьёзно наплевать.

— У тебя вроде была девушка? — поинтересовался Коллин.

— Просто отметка в личной карточке. Вряд ли она меня ждёт. Да я уже и не помню толком как она выглядит.

— Врёшь, конечно, помнишь, — смеясь, возразил Коллин. Он считал Давида слегка заносчивым парнем. Грубого внешне, но вполне добродушного где-то в глубине сердца.

Но Давид смерил его весьма насмешливым взглядом и снисходительно бросил.

— Я не такой как ты, Коллин. Я живу сам для себя. Я свободен, и мне это нравится.

— Ты говоришь как те придурки из другого полушария.

— Нет, просто я одинокая ячейка общества.

— Так, ребята, пора занять свои ячейки на этом корабле. Каждому выделяю по полушарию. — подал голос капитан Бражинский.

Наконец-то. Этого момента вся команда ждала уже несколько часов. Все дружно вскочили со своих мест и начали подготовку к тому, чтобы подключиться к системе искусственного сохранения жизни. Первый шаг на пути к долгожданному возвращению.

— Ну что, до встречи через два месяца, — счастливо воскликнул Коллин.

— Встретимся буквально через две-три минуты, — ответил ему Давид. — И даже не заметим, что всё это время продыхли как сурки.

— Отставить разговоры. Всем занять свои места. — завершил разговор капитан. — Сейчас Земля пожелает нам спокойной ночи и в добрый путь, господа.

Коллин и Давид дружно переглянулись. Давид усмехнулся: Коллин буквально дрожал от возбуждения. Ему не терпелось встретиться со своей грудастой цыпочкой. Давид отчасти его понимал. Быть может, если бы ему попалась женщина, с которой у него была бы полная взаимность, он тоже торопился бы назад, на Землю. А так он свободен как ветер. И также как ветер, никому не нужен.

— Привет, Земля, — раздался властный голос капитана, — мы покидаем орбиту Далиды-5.

Команда столпилась перед мониторами в ожидании ответа, однако Земля почему-то

молчала. Прошло несколько минут, а в эфире по-прежнему было тихо. Становилось немного жутковато. Никто не понимал, почему им никто не отвечает. На Земле в их полушарии сейчас был день. Но даже ночью Земля постоянно выходила на связь.

Капитану стало ясно, что не всё в порядке, однако он постарался скрыть тревогу от других членов команды.

— Привет ещё раз. С добрым утром. С вами на связи «Татум 146-С» под командой капитана Эдвина Бражинского, начальника геологической экспедиции. Земляне, ответьте нам.

Эфир по-прежнему молчал. Всем было понятно, что происходит что-то не то. Земля не могла вот так просто исчезнуть из эфира. Связь была практически постоянной, и если никто не выходил с ними на связь, значит, что-то случилось.

— Проверь мониторы, Земля ещё на месте? — предложил Давид. — Может, её взорвали инопланетяне, а мы не заметили. Представьте себе: мы остались единственными представителями человеческой расы во вселенной.

— Заткнись, идиот, — прошипел Коллин. — Твои шутки сейчас не к месту.

— Замолчите оба! — прошептала София. Голос её был немного странным, поэтому Давид и Коллин одновременно повернулись и уставились на её внезапно побледневшее лицо. — Смотрите.

София указала на мониторы. С ними творилось что-то странное: они то потухали, то включались вновь, а сенсорные панели мигали и переливались, словно новогодние гирлянды.

— Что происходит? — в один голос спросили все трое и посмотрели на капитана.

— Я не знаю. Пару минут назад всё было в порядке. — капитан Бражинский был растерян. Он не помнил, чтобы такое когда-либо случалось ни на одном из его кораблей. — Похоже, система связи вышла из строя... А также система навигации...

— Чёрт, что происходит? Мы хоть вернёмся домой? — это был Коллин. Давид благоразумно молчал, хотя чувствовал, как по спине пробежали струйки холодного липкого пота.

Вернутся ли они домой? Хороший вопрос. Если полетит система подачи кислорода или контроля атмосферы на корабле, команда не проживёт и пяти минут. И смерть их вряд ли можно будет назвать лёгкой. При всём своём цинизме Давид не решился произнести это вслух.

— Кажется, системы обеспечения жизнедеятельности работают нормально. Пока нормально. Недалеко от нас проходит траектория спутника. Я попробую связаться с Землёй через него.

Вся команда как по команде опустилась в свои кресла. Они ничего не могли сделать, только ждать. Три пары глаз лихорадочно смотрели то на мониторы, то на капитана, готовые в любую секунду выполнить каждый его приказ. Но капитан Бражинский был целиком сосредоточен на своей задаче: он искал способ связаться со спутником.

— Капитан, на «Татуме», кажется, не убрали эту допотопную систему радиочастот. — тихо произнёс Коллин. Он словно пребывал в прострации. Шок подействовал на него больше, чем на остальных. Мозг лихорадочно работал только на одной волне: Лара. Он должен вернуться как можно скорее. Ничто не может их разлучить. Поэтому способ, как связаться с Землёй и наладить системы непременно должен был отыскаться.

— Не убрали. — пробурчал капитан. — Её специально поставили. Теперь я понимаю

почему, ребята. Поздравляю, спутник нас заметил. Я передаю сообщение.

На минуту все вздохнули спокойно. Опасность не миновала, но теперь Земля была в курсе их проблем, и от этого почему-то стало легче. Оставалось только ждать, и это было самым неприятным.

— Нам вышлют специального робота, который наладит работу систем. А до тех пор мы не будем рисковать и останемся на орбите. — сообщил капитан через некоторое время.

— А мы не погибнем, пока придёт помощь? Вдруг остальные системы откажут?

— У нас есть только одна автономная система — искусственного сохранения жизни. Поэтому все мы «заляжем» в спячку до прибытия робота.

— А вдруг?...

— Я не желаю больше ничего слышать. Никто не будет рисковать. Вы все трое, немедленно подключиться к системе сохранения жизни. Я сообщу об этом на Землю и присоединюсь к вам.

— Я с тобой, Эдвин, — сказала София и дотронулась до плеча мужа. Эдвин улыбнулся про себя. Такую нежность жена демонстрировала нечасто, но именно в эти моменты он понимал, что София действительно любит его. Такое уж было их чувство: холодное, но глубокое.

— Приказ касается всех. Через две минуты я не хочу никого видеть в сознании.

Команда послушно двинулась к установкам сохранения жизни, представляющим собой прямоугольные койки, накрытые стеклянными колпаками с множеством подключённых трубочек и проводов.

— Они напоминают древние гробы, — неожиданно сказал Коллин.

— Это и есть гробы. Искусственный сон — это маленькая смерть. Только нам суждено воскреснуть.

— Я бы скорее назвала их установками для путешествия во времени. Правда, только в один конец. — вмешалась в разговор София.

— Как-то в детстве я думал о том, чтобы положить небольшую сумму в банк под проценты. Потом заснуть и проснуться лет через пятьдесят уже миллионером. И жить в своё удовольствие молодым и красивым. — разглагольствовал Давид.

— Да, тебе бы хватило на пластику, — съехидничал Коллин и смерил его снисходительным взглядом. Давид был высоким, но нескладным. Лицо его было живым, но черты сами по себе были не очень приятными с точки зрения женщин. Грязно-рыжий цвет волос тоже заставлял желать лучшего. Но Давид вполне был доволен собой, и оставил замечание Коллина без внимания.

— Может, я так и сделаю. Положу деньги в банк и отправлюсь в какую-нибудь далёкую экспедицию. А все вы останетесь на Земле стареть. И наблюдать, как растут мои денежки.

— Ты сможешь так долго бороздить просторы космоса?

— Не знаю. Но по-другому нельзя. Только космонавты и смертельно больные могут воспользоваться привилегией искусственного сохранения жизни.

— Может быть, это и правильно. — сказал Коллин. — Иначе начнётся чёрт знает что. Найдутся придурки, которые захотят узнать, что будет лет через сто. И попробуй их остановить.

— С другой стороны, представьте себе, встречаются мужчина лет 50 и молоденькая девушка. — сказала София. — Они нравятся друг другу, но между ними пропасть в тридцать лет. Мужчина запросто может «заснуть» лет на двадцать пять. А когда проснется, девушка

уже станет женщиной, которая будет ему соответствовать.

— Никогда не слышал ничего глупее. За эти годы девушка успеет десять раз влюбиться и разлюбить, выйти замуж и нарожать детей. Она же не будет ждать тридцать лет, только чтобы постареть. Это абсурд.

— Это будет уже совсем не та девушка. Это будет чужая ему женщина, — сказал Коллин, и в сердце его шевельнулось какое-то неприятное чувство.

— Бывает, люди не видятся десятилетиями, но потом чувство просыпается, и они счастливы вместе.

— Чушь, если для неё прошло тридцать лет, а для него — одно мгновение. Это всё равно, что родить ребёнка и через минуту увидеть его совсем взрослым. Так можно спятить.

— Давайте закроем тему, — мрачно предложил Коллин. — Это всё нереальный бред.

— Мы просто пытаемся поддержать разговор, Кол. А на тебя снова накатила ностальгия.

— Я хочу домой.

— Не переживай ты так. Это всего лишь два месяца. Пролетят — не заметишь.

— Мы не заметим. А Лара ещё как заметит. Это ведь не два дня.

— Если она ждала восемь месяцев, то два покажутся ей совсем короткими.

— Мы снова откладываем нашу свадьбу.

— Разлука укрепляет чувства. Или же проверяет их подлинность, — многозначительно сказал Давид. София толкнула его в спину и бросила на него гневный взгляд.

— Лучше бы я остался, — прошептал Коллин, но все его слышали.

— Ты сомневаешься в ней? — прищурившись, спросил Давид. Коллина передёрнуло от этих слов. — Она легко тебя отпустила?

Коллин заметно побледнел. Этот вопрос он задавал себе не раз. Почему она так легко его отпустила. Почему не билась в истерике, не закатывала скандал, не требовала, чтобы он остался. Ведь с его стороны это было форменное свинство — лететь накануне свадьбы. Нет, он был уверен, что Ларе не всё равно. Она его любит. Просто она как ребёнок — всё время плывёт по течению и не сопротивляется, если судьба готовит ей неожиданные повороты. И кто знает, какие повороты приготовила ей судьба, пока его не было рядом.

— Лара уважает Коллина и ценит его право на свободный выбор. — неожиданно поддержала его София. — Она молодец.

— Она просто боялась меня обидеть, — ответил Коллин.

— Пусть даже так, — согласилась София. — Но это не повод, чтобы в чём-то сомневаться. Вы вместе уже два с половиной года, а это что-то да значит.

— Иногда это не значит ничего, — бросил Давид и тут же пожалел, что не прикусил себе язык.

— Не суди о других по себе, — Коллин обернулся и во взгляде его было столько гордости и презрения, что Давид невольно почувствовал что-то вроде восхищения. Коллин был фанатиком своей любви. Давид всегда был далёк от романтизма, и теперь ему казалось, что он всё-таки что-то упустил в своей жизни. Правда, у него не было особого желания навёрстывать. Он прекрасно уживался с собственным я, которое не требовало присутствия ещё какого-нибудь компонента в жизни.

— Мальчики, по местам. — сказала София, ставя точку в разговоре, который принимал опасный оборот.

Команда разошлась по своим местам. София прошла и проверила, правильно ли

задано время пробуждения. После этого каждый улёгся в собственный «контейнер», как любили называть их учёные-медики, и колпаки над ними плавно опустились. Первые несколько секунд можно было наблюдать, как тела легонько подрагивают, словно по ним пробежал электрический ток. Но затем все затихли и единственным звуком была едва слышная пульсация датчика, контролирующего жизнеспособность находящихся в системе тел.

Эдвин Бражинский подошёл к контейнерам и на долю секунды оторопел от ужаса: тела были мертвенно бледные, словно их них выкачали кровь. Раньше он никогда не видел, как выглядят люди, находящиеся в состоянии искусственного сохранения жизни. Он всегда был вместе со всеми. Но раньше системы работали без перебоя.

Капитан Бражинский был очень ответственным человеком. Он отвечал за корабль и за безопасность экспедиции. А с кораблём творилось что-то неладное. И хотя система искусственного сохранения сна работала автономно, Эдвин не мог рисковать. Он должен лично контролировать все, что происходит на корабле. Он уже не доверял технике.

Поэтому Бражинский принял твёрдое решение дожидаться робота-механика в состоянии бодрствования. Кто знает, что может случиться с кораблём за эти два месяца.

Системы больше не выходили из-под контроля. Связь по-прежнему отсутствовала, а система навигации работала с перебоями. Все остальные системы работали исправно. Конечно, можно было рискнуть и долететь до Земли на ручном управлении. Для этого бы пришлось разбудить хотя бы Софию. Но Бражинский не мог так сильно рисковать. Если корабль заглохнет на середине полёта, он рискует попасть в метеоритный поток или же его притянет на какую-нибудь нестабильную орбиту.

Поэтому он принял единственное разумное решение — дожидаться помощи с Земли. За эти два месяца он не терял времени даром, и выяснил, что орбита Психеи-8, на которой они находились, нестабильна. Бражинский и раньше это подозревал, а теперь получил подтверждение. Самым разумным было покинуть орбиту Психеи и переместиться на орбиту Далиды. Однако что-то в последних показаниях магнитной среды этой планеты его смущало. Бражинский долго не мог понять, что именно, пока не отследил траекторию перемещения «Татума 146-С» по орбитам двух планет. В точках соприкосновения орбит магнитные потоки были настолько мощными и противоположно настроенными, что оставалось удивляться, как корабль вообще не выбросило в космос, словно воздушный шарик.

Должно быть, это и вывело из строя системы. А это значит, что кораблю по сути дела, пришёл конец. Несомненно, робот починит его на какое-то время. Однако системам больше доверять нельзя. Разве только если переместиться на более стабильную орбиту какой-нибудь другой планеты. Тогда есть шанс благополучно долететь до Земли.

В том или ином случае, для «Татума 146-С» этот полёт был последним. Жаль, конечно, ведь корабль очень хороший. Последняя модель. Но размагниченные системы проще было уничтожить, чем вновь подвергаться риску потерять управление.

Почему он не попросил, чтобы за ними выслали другой корабль? Просто эта мысль не приходила ему в голову, так как он не подозревал об истинных причинах аварии. До прилёта робота осталось всего три дня, а значит придётся полагаться на него и на собственные силы. Если что-то пойдёт не так, придётся вызвать другой корабль. Но до этого момента нужно будет хоть как-то продержаться.

Бражинский корил себя за то, что не сообразил это раньше. Но ведь он не был ясновидящим. И кроме того, все его научные выводы могли оказаться ошибочными. Он ведь

космонавт и геолог, а его познания в физике ограничивались необходимыми для выполнения своей работы.

Когда наладится связь, он передаст данные на Землю. Пусть этим страдают учёные из центра физики. Его главная цель — вернуть команду и результаты исследований на Землю в целости и сохранности.

Робот прибыл точно в назначенный срок. На ремонт систем у него ушло сорок четыре часа. Наконец, наладилась связь с Землёй. Эдвин Бражинский был вне себя от радости. Он направил результаты своих исследований орбит двух планет на Землю, и начал готовиться к возвращению. Робот должен был направиться вслед за ними в качестве подстраховки.

Сначала Бражинский принял решение не будить команду до их возвращения на Землю. Однако впопыхах он совсем забыл, что время пробуждения задано автоматически. Поэтому, когда жена внезапно положила ему руку на плечо, Эдвин вздрогнул от неожиданности.

— Ты умудрился проснуться раньше нас. — сказала она каким-то чужим голосом. Слова получались слегка неразборчивыми, но это было естественным состоянием после искусственного сна. Говорят, что в космосе это состояние переносится намного легче, чем на Земле.

В коридоре послышался странный звук, будто упало что-то большое и тяжёлое. София рассмеялась и осторожно опустилась в кресло. Голова сильно кружилась.

— Ты похожа на оживший труп, — сказал Эдвин и поцеловал её в губы.

— Отстань, я не чистила зубы целых два месяца.

— Я думаю, если ты сейчас займёшься гигиеной, то скорее всего свалишься где-нибудь на пути в ванную, как один из тех, кто лежит сейчас в коридоре.

— Или же меня стошнит от вкуса зубной пасты. — улыбнулась жена. — А ты выглядишь очень даже свежо.

— Я давно проснулся. Робот уже починил системы, так что нам пора сматываться отсюда, пока всё обратно не вышло из строя. Думаю, вам хватит два дня, чтобы прийти в себя. А потом вы снова ляжете спать.

— Что значит, пока обратно не вышли из строя? Разве у нас что-то серьёзное.

— Более чем. И чем скорее мы улетим отсюда, тем больше у нас шансов долететь благополучно.

— Эдвин, ты меня пугаешь.

— Не обращай внимания. Это у меня паранойя. Всё будет в порядке, я в этом уверен.

— Что сказали на Земле?

— Они ждут нашего возвращения.

В это время за спиной послышались тихие неуверенные шаги. София и Эдвин одновременно обернулись, чтобы поприветствовать следующего члена команды, который смог самостоятельно добраться до комнаты управления. Они почти не удивились, что это был Коллин.

— Ты научился тихо ходить, — заметил капитан.

— Робот ещё не прибыл? — это был единственный вопрос, который интересовал Коллина в данный момент.

— Корабль уже починили. Так что мы возвращаемся обратно. Извините, что забыл перестроить систему, чтобы она не будила вас.

— Зато теперь я смогу спать спокойно.

— Эй, Кол. Это ты свалился там в коридоре? — раздался голос Давида. — Ты меня

разбудил. Я хотел немного подремать.

— У тебя будет такая возможность через пару часов. — заметил капитан. Коллин внимательно посмотрел на его лицо, потом перевёл взгляд на Давида, затем на Софию. Оба были бледны и выглядели отстранённо. Только капитан был бодр и жизнерадостен.

— Капитан, вы что не спали эти два месяца? — спросил Коллин.

— Конечно, спал. Человек не может без сна.

— Вы поняли, о чём я.

— Я должен был охранять свою команду.

— Эдвин, — укоризненно сказала София.

— Оставь, София. Это были всего лишь два месяца, а не два года.

Коллин тяжело вздохнул и с видимым усилием сделал несколько шагов по направлению к креслам. Давид, благополучно устроившийся в одном из кресел, протянул ему руку и помог сесть.

— Хреново, правда? Хорошо, что хоть могу говорить. В первый раз я не мог сказать ни слова, просто мычал.

— Какое сегодня число? — неожиданно спросил Коллин.

— Не знаю. А тебе какая разница?

— Может, сегодня моя свадьба, — грустно сказал Коллин и плечи его заметно поникли.

— Не волнуйся, без тебя её не сыграют.

— Если Лара не захочет выходить за меня, мне даже нечего будет возразить.

— Остынь. Тебя мучает чувство вины. А в глубине души ты знаешь, что она тебя любит и ждёт. Она вряд ли на тебя злится, скорее волнуется. Как и все мы.

— Если бы можно было хотя бы связаться с ней.

— погоди. Связь с Землёй восстановлена. Попроси капитана сделать запрос.

Коллин заметно оживился. Он вскочил со своего кресла и, шатаясь, направился к центру управления. Эдвин и София сидели обнявшись и никого не стеснялись. За эти месяцы команда заметно сблизилась и стала чуть ли не семьёй.

— Эдвин, извини если отрываю тебя. Есть возможность поговорить с Землёй, так сказать, в частном порядке?

— Вообще-то через пару часов мы отлетаем. Но можешь послать сообщение, если хочешь.

— Я хочу услышать хотя бы одно слово от Лары. Только одно. И больше вы меня не увидите рядом с собой до конца полёта.

— Чёрт с тобой, влюблённое создание. Сейчас попробую, — добродушно улыбнулся капитан. — Эх, молодёжь...

— Коллин, тебе ведь почти сорок, — притворно ужаснулась София. — А ты ведёшь себя как мальчишка.

Коллин смущённо улыбнулся, и по лицу его разлился румянец. София невольно залюбовалась, глядя на его стройную подтянутую фигуру без излишней мускулатуры, густые чёрные волосы без единой седой волосинки, глубокие складки на щеках, которые появлялись, едва его губы растягивались в улыбке. Коллин был высоким, но не сутулился. Лара была по сравнению с ним пигалицей.

София знала Коллина довольно долго, когда ещё он работал на Марсе. Несколько раз они пересекались по работе. Но раньше он был другим. Не таким ярким и выразительным. София замечала, что Коллин нравится женщинам, и он не обходил их вниманием, но

никогда не видела, чтобы его глаза горели так, как сейчас. Любовь к этой крошке преобразила его полностью, сделала красивее и моложе.

Теперь он трясётся за ней, словно мальчишка. София искренне удивилась, когда Коллин согласился участвовать в экспедиции на Далиду-5. Да ещё накануне свадьбы. Теперь, очевидно, он об этом жалел. Если эта пышногрудая куколка его не дожждётся, это будет для него страшным ударом. На мгновение София почувствовала укол зависти. У них с Эдвином не было такой любви. Почему всё всегда достаётся таким глупеньким курочкам как Лара? Неужели Коллину, такому умному рассудительному мужчине, интересно общаться с пустоголовыми красотками не только в постели. Или же всё дело в сексе? Впрочем, Лару нельзя было назвать пустоголовой. Скорее, она была взрослым ребёнком. Ребёнком, которого следует постоянно держать на виду.

Должно быть, всё дело в особой ауре. Недаром начальник службы обеспечения безопасности центра, в котором они работали, спускался в пропускную комнату каждый раз, когда она появлялась на горизонте. Сергей Бра тоже неровно к ней дышал. Хотя Коллин вряд ли это заметил.

Главное, чтобы этого не заметила сама Лара. Бра был настоящим красавчиком и моложе Коллина на пять лет. Если брать во внимание, что мужчины живут меньше, чем женщины, у Сергея было явное преимущество. К тому же у него была хватка. Это было как раз то, чего Коллину действительно стоило опасаться, а не того, что он задерживается на пару месяцев. Но София ничего не стала говорить вслух. Она была очень умной женщиной.

София ещё раз украдкой взглянула на Коллина. Он был заметно взволнован и в нетерпении переминался с ноги на ногу. На его лице играла дурацкая полуулыбка, словно он предвкушал, как услышит то, что так долго и так страстно желал услышать.

«Жду»- всего одно слово, говорили его глаза. Он казался Софии таким смешным, таким нелепым. И всё равно она не могла избавиться от неприятного жгучего чувства зависти, змеей свернувшегося в самых потаённых уголках её сердца.

Между тем её собственный муж был всецело сосредоточен на том, чтобы связаться с Землёй. София заметила, как на его виске пульсирует жилка, а по лбу стекает тоненькая струйка пота. Это было очень нехорошим признаком. София почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Что-то не так? — едва слышно спросила она.

Эдвин кивнул головой. Он незаметно приложил палец к губам, призывая молчать, и устался на приборную доску. С ней было всё в порядке. По крайней мере на первый взгляд.

— Вы связались с Землёй, капитан? — подал голос Коллин, который уже терял терпение.

Эдвин отмахнулся от него и пробежал пальцами по сенсорной доске управления. Мониторы ни на секунду не изменили картинку, которую показывали до этих пор. Эдвин глубоко вздохнул: это было то, чего он опасался. Опасался настолько, что даже в эту минуту, когда всё подтвердилось, он не мог позволить себе поверить. Но в это придётся поверить. Как придётся сказать команде, что возвращение домой будет не таким лёгким, как они рассчитывали.

Но времени на сборы и поиск подходящих слов у него не было. Дорога каждая секунда: ведь неизвестно, сколько ещё продержатся системы жизнеобеспечения. Команда должна быть готова реагировать на происходящее максимально быстро. И такой роскоши как сопли

и слёзы они просто не могли себе позволить.

— Коллин, Давид, прошу подойти ко мне.

— Что случилось, Эдвин, — обеспокоенно спросил Коллин и почувствовал, как душа уходит в пятки. Неужели стряслось что-то ещё. Что-то, что могло помешать им вернуться на Землю в назначенный срок.

— Случилось то, что случилось. Я не буду вдаваться в полемику и объяснять, что, почему и как. Эти вопросы можно будет задать учёным на Земле. Мы же сейчас реагируем чётко и быстро. Надеюсь, всем понятно?

— Всем, — сказал Давид и положил руку на плечо Коллина. Тот пошатнулся и, в поиске опоры, схватился за спинку капитанского кресла.

— Команде подготовиться срочно покинуть орбиту планеты. Управление только вручную.

— Системы опять не работают?

— Повторяю, управление — вручную.

Давид и Коллин молча отошли и заняли свои позиции. В голове роилось множество вопросов, воображение рисовало весьма невесёлые картины. Одно было хорошо: они наконец-то покидают орбиту Далиды-5. Скоро они вернутся домой.

Эдвин Бражинский старался изо всех сил, чтобы скрыть нарастающую внутри него панику. То, что он собирался сделать, было очень и очень рискованным. Но это был, пожалуй, их единственный шанс. Конечно, они могли остаться и ждать помощи ещё два месяца. Но не было никаких гарантий, что корабль доживёт до этого момента. Почему, но почему он не потребовал, чтобы за ними не выслали спасательный корабль? Почему там, на Земле, не додумались до этого? Почему мы зачастую совершаем ошибки из-за глупейшего страха показаться смешными, а потом кусаем локти до крови, как будто это может хоть что-то изменить. Мы привыкли считать себя неуязвимыми, и если что-то происходит, то почти до самого конца не можем поверить, что это происходит именно с нами, а не с кем-нибудь другим.

Корабль покинул орбиту Психеи без особых усилий. Один раз хорошо трянуло, после чего на секунду погас свет. Но сразу же всё пришло в норму. Как будто ничего не произошло. Но только Эдвин Бражинский знал, что не всё в порядке. Системы отключались одна за одной и через секунду начинали функционировать в обычном режиме.

— Капитан, мы летим. — сказал Давид. — Но почему-то мне кажется...

— Мы движемся в противоположную сторону от Земли. — тревожно сказал Коллин. — Нам нужно развернуться.

— Мы не будем разворачиваться, — оборвал все вопросы Бражинский. — Довольно пустых разговоров. Вы должны знать, что все системы на корабле функционируют с перебоями. Робот сделал всё, что мог, но корабль находится в нерабочем состоянии. То есть лететь мы можем, но нет гарантии, что долетим.

— Но почему. Корабль был исправен.

— Мы прошло сквозь чужеродные магнитные потоки. Наладить системы вблизи Далиды-5 невозможно. Я выбрал ближайшую к нам планету со стабильной орбитой. До неё две недели полёта. Надеюсь, мы протянем до этого времени.

— А Земля не может нам помочь? Может, поблизости есть другие корабли? — спросила София.

— Не знаю, на мониторе не видно ни одного. Связь с Землёй отсутствует. Но, полагаю,

когда там поймут, что с нами не всё в порядке, они додумаются послать кого-нибудь за нами. А пока мы должны рассчитывать только на себя и делать всё возможное, чтобы спастись.

— Что нам делать? Как мы можем себе помочь? — спросил Давид.

— Никак. Всё, что от нас зависело, я уже сделал. Остаётся только ждать и реагировать на всё, что происходит, очень быстро. Корабль достигнет планеты, робот наладит наши системы, и мы благополучно вернёмся домой.

Коллин закрыл глаз и мысленно посчитал до десяти. Кажется, это помогает, если ты на взводе и вот-вот готов взорваться. Но как бороться с приступом тоски он не знал. Ещё один месяц. Кажется, это никогда не кончится. Всё было против них с Ларой. Кажется, весь мир настроен на то, чтобы их разлучить. И он ничегошеньки не может сделать. Просто пассивно наблюдать и ждать. Самое ужасное слово «ждать». И сходить в ума от собственного бессилия.

Коллин понимал, что не имеет права на грустные мысли. Это не поможет, а только наоборот отвлечёт и помешает вовремя среагировать в случае опасности. На системы нельзя полагаться, а значит придётся вернуться к первобытным принципам полёта в космосе, надеяться только на свои глаза и реакцию. Он мужчина, и не имеет права раскисать.

Если бы только обнять её хоть на секунду. Сказать, что любит, и услышать в ответ заветных три слова. Я тебя люблю. Как много смысла таится в этих простых словах для тех, кто способен их понимать. Если бы только она была рядом... Но хорошо, что она не рядом. Тогда её жизнь находилась бы в опасности, как и его.

Интересно, что будет с Ларой, если он не вернётся? Она поплачет, потом забудет его и найдёт другого. Другой мужчина станет мужем его Лары. Коллин представил эту картину, и его едва не стошнило. Нет, он не будет думать об этом. Это глупые и недостойные мысли. Он вернётся, и они обязательно поженятся. А потом Лара родит ему ребёнка. Коллин давно об этом мечтал.

Он представил себе Лару с его ребёнком, и по телу разлилась приятная истома. Секс с Ларой был незабываем, и каждый раз после него он ловил себя на мысли, что счастлив, от того, что знает, что завтра и послезавтра и ещё через много дней это повторится опять. И он всегда будет видеть её улыбку, которой она улыбалась только ему.

Лара была страстной женщиной и милым ребёнком. Немного наивной, оттого ещё более притягательной. Коллин понимал, что не вправе требовать от неё верности, но искренне надеялся, что Лара не будет ему изменять. Ему будет очень больно, если это окажется не так. Больно даже думать об этом... А если за то время, что его нет, она полюбит другого? Тогда ему лучше не возвращаться.

Но нет. Его Лара любит его и будет ждать. Она обещала, что будет ждать. Значит, он не имеет права думать по-другому.

— Капитан, — раздался взволнованный голос Давида. — Вам не кажется, что вы ошиблись в расчетах?

— Какого чёрта ты несёшь, Давид? Я рассчитал всё до миллиметра. Или что ты имеешь ввиду?

— Судя по заданной траектории полёта, наша цель — Айседора 3, а до неё лететь намного дольше, чем две недели.

— Что за ерунда? Я управляю полётом вручную. И наша цель — совсем другая планета.

— Система думает иначе... — пробормотал Давид. — Должно быть, она посчитала

Айседору более стабильной.

— Чёрт бы побрал этих актрис, — выругался Эдвин и начал тарабанить пальцами по сенсорной панели. Но всё было без толку. Корабль его не слушался. Система сама решала, как и куда им лететь. Оставалось только надеяться, что она не сойдёт с ума.

— Что нам делать? — спросила побелевшая от ужаса София. Эдвин долго думал, прежде чем ей ответить. За каждым его движением следили три пары напряжённых от беспокойства глаз.

— Летим на Айседору 3. Другого выхода у нас нет.

— Сколько до неё лететь?

— Месяцев шесть.

— Сколько? — вскричал Коллин. — Шесть туда и шесть обратно — это же целый год.

— Плюс ещё два. Итого четырнадцать месяцев, — сказал Давид. Коллин уставился на него глазами, расширенными от ужаса.

Давид крепко сжал его локоть и увлёк за собой в сторону. Коллин попытался вырваться, но Давид, который был ниже ростом, оказался неожиданно сильнее. Он потащил Коллина прочь из комнаты управления в комнату отдыха и заставил сесть на диван.

— Послушай, приятель. Я понимаю, тебя ждёт невеста. Но ты всё равно ничего не можешь изменить. Ты не можешь выпрыгнуть из корабля и полететь на Землю сам. А мы застряли в заднице. И реально можем погибнуть. Поэтому самое главное сейчас — не паниковать.

— Я не паникую. Я не боюсь умереть. Мне невыносимо думать о том, что происходит сейчас на Земле, пока мы болтаемся тут.

— О чём? Что твоя крошка тебя не дожждётся? Наплюй, если любит, то обязательно дожждётся. А если не любит, ты всё равно ничего не сможешь изменить.

— Тебе так легко говорить об этом, — с отчаянием в голосе сказал Коллин. — Ты никогда никого не любил? Ах да, я же забыл: на Земле тебя никто не ждёт.

— Знаешь, я никому не говорил, но на Земле у меня есть семья. У меня есть дочь. Ей сейчас пять. Последний раз я видел её, когда ей было два года. Тогда мы с её матерью развелись.

— Ты, наверное, скучаешь? — спросил Коллин и неожиданно почувствовал симпатию к этому грубоватому циничному мужчине. Боль зачастую сближает казалось бы совсем разных людей.

— Не особо. Полина растёт без меня. Конечно, хотелось бы увидеть, что из неё вырастет. Но её мать не в особом восторге от моих посещений, так что меня туда не тянет. Когда мы вернёмся, я обязательно их навещу.

— Почему вы развелись? Извини, если это слишком личный вопрос.

— Понимаешь, Миранда очень хотела ребёнка. И ей нравилось говорить, что у неё есть мужчина. Она наивно полагала, что настоящая любовь рождается в браке. Но любовь, это такая штука, которую нужно делить на два и получать равные части. Если один из партнёров на это не способен, то это уже не любовь, а театр мучений одного актёра. Миранду хватило ровно на четыре года. Потом её любовь иссякла, и осталось одно разочарование.

— Ты изменял ей?

— С женщинами — нет. А вот с самим собой — постоянно. Я живу для себя, и ничего не могу с этим поделать. Просто мне это нравится, и я ничего не хочу менять.

— Я так не могу. Я люблю Лару и готов ради неё на многое. Она тоже даёт мне многое

взамен.

— Ты совсем другой. Ты умеешь любить. Я не умею и даже не стремлюсь к этому.

— А я всегда стремился. Ещё зелёным юнцом я мечтал о том, чтобы встретить женщину, при виде которой у меня перехватывало бы дыхание, а сердце замирало при каждом её вздохе. Когда я повзрослел, то понял, что это всё чушь, и начал жить так, как диктовали обстоятельства. У меня были женщины, я ими увлекался. И хотя я стремился к постоянству, они как-то легко и без сожаления исчезали из моей жизни. Во многом мешала моя сумасшедшая работа. Я часто летал в экспедиции, но меня никто не ждал. Это было грустно, а потом всё равно находилась новая женщина, которая грела мою постель. Я никого не любил по-настоящему, и мне постоянно не хватало этого чувства.

А потом я встретил Лару. Это было как гром среди ясного неба. Я вновь почувствовал себя зелёным юнцом, который ни разу не видел женщину. Когда я впервые увидел, как она улыбается, у меня перехватило дыхание. Я ни разу не испытывал ничего подобного ни к одной женщине. И это чувство не отпустило до сих пор. И знаешь, я не хочу, чтобы оно отпускало.

— Это опасное чувство, — заметил Давид, немного взволнованный рассказом Коллина. Немного задетый оттого, что в жизни было что-то, что обошло его стороной. — На него можно подсесть, как на наркотик.

— Я уже подсел. И весьма прочно.

— А ты не слишком идеализируешь свою невесту? Психологи утверждают, что это опасно.

— Я не создавал себе образ, на который мог бы молиться. Я могу перечислить все её недостатки, равно как и достоинства. Я просто не могу без неё. И я с ума сойду: целых два года! Я готов убить себя за то, что согласился на эту проклятую экспедицию.

— Жизнь иногда выкидывает такие штуки, и мы ничего не можем с этим поделать. Остаётся только ждать. Набраться терпения и ждать. Твоей невесте на Земле тоже нелегко. Уж поверь мне.

— Как ты думаешь, женщина способна ждать так долго?

— Два года? Это не срок, если знать, чего ждёшь.

— Но всё-таки два года. Я обещал, что вернусь через восемь месяцев.

— Ты боишься, что она не сможет так долго хранить тебе верность? Лично я не ревнив, но измена — это всегда неприятно. Лучше об этом не думать и не притягивать к себе свои страхи.

— Измену я как-нибудь переживу, — задумчиво сказал Коллин. — Главное, чтобы она меня дождалась. Чтобы не разочаровалась во мне и не отдала своё сердце кому-нибудь другому.

— Женщины редко бывают верными. Это факт. Но все они стремятся обладать единственным мужчиной, с которым они чувствовали себя уверенными и защищёнными, от которого хотели бы родить ребёнка. Это инстинкт. Не забывай об этом. И выбрось свои сомнения прочь. Мысли передаются на расстоянии, так что не сбивай свою невесту с толку. Думай о том, что она тебя ждёт. И она обязательно дождётся.

Давид в очередной раз похлопал Коллина по плечу и поднялся на ноги. Оба были взволнованы состоявшимся между ними разговором, и говорить больше не хотелось. Хотелось забиться словно кролики, по своим норкам, и обдумать всё высказанное наедине с собой. Нечасто люди бывают настолько откровенны даже с близкими друзьями. Только в

минуты отчаяния в человеке просыпается особый дух общения. Хочется поделиться с кем-нибудь своей болью, чтобы не оказаться задушенным ею, словно петлёй.

— Команда, приготовиться к подключению к системе искусственного сохранения жизни, — раздался требовательный голос Бражинского.

— Но я думал, что мы не будем спать, пока корабль не будет в порядке, — вскричал Коллин.

— И что ты предлагаешь делать целых шесть месяцев, пока мы не достигнем орбиты Айседобы? Играть в карты? Мучиться от неизвестности и смотреть на твою кислую физиономию?

— Не оскорбляй меня, Эдвин, — гневно сказал Коллин. Он был на взводе и голос его звучал непривычно грубо. — Я больше не собираюсь спать и ждать неизвестно чего. Я хочу взять всё в свои руки и самому управлять своей судьбой, а не полагаться на эту жестянку.

— Эта жестянка всё равно не слушает никого, кроме себя. И немного понимает меня. Лучшее, что ты можешь сделать — это не мешать.

— Я не буду мешать. Я просто не хочу спать. Лара там на Земле ждёт меня. Ей сейчас нелегко. Она не может просто заснуть и проснуться, когда мы вернёмся. Почему мне должно быть легко? Я хочу хоть как-то быть с ней. Хотя бы мысленно.

— Послушай меня, Ромео. Я не хочу, чтобы к концу полёта ты превратился в засохший папоротник. А поэтому марш в контейнер. Иначе я отнесу тебя на руках.

— Я хотел бы на это посмотреть, — улыбнулся Коллин и скрестил руки на груди. Всей своей позой он выражал упрямство.

Капитан Бражинский выругался про себя. Что теперь прикажете с ним делать? Боковым зрением Эдвин заметил, как в комнату вошёл Давид, держа в руках какой-то предмет, напоминающий короткую чёрную палку. Он подошёл к Колину сзади и замахнулся. В следующий момент Коллин задёргался, как будто его ударило током. Глаза его были навывкате, когда он стремительно рухнул на пол.

— Ему не было больно, это всего лишь рефлекс. — сказал Давид и опустился на одно колено рядом с телом Коллина. — Извините, капитан. Мне показалось, что это — мсамый быстрый и эффективный способ уложить его спать.

— Ты прав, Давид. — сказал Бражинский, вставая из капитанского кресла. — Давай вместе отнесём его. А потом вы с Софией тоже подключитесь к системе. Я не буду слушать возражения.

— Их не будет. А вы не собираетесь спать? Вы сойдёте с ума в одиночестве.

— Я не могу рисковать командой. Кто-то должен контролировать ситуацию. Когда я пойму, что всё идёт как надо, я присоединюсь к вам.

В словах капитана, несомненно была логика. В сложившейся ситуации никто, кроме него, не мог ничего поделать. Так стоило ли тратить драгоценные дни своей жизни на то, чтобы калечить собственную психику, не имея на то веских причин, кроме дурацкого упрямства. Самое умное сейчас — подчиниться и предоставить всё решать кому-то, кто несомненно был выше их всех вместе взятых. Наверное, именно в такие моменты и рождается тяга человечества к религии. Когда иной надежды, кроме как на чудо, уже не остаётся.

Всё не так уж плохо, подумал про себя Бражинский, когда остался единственным бодрствующим человеком на корабле. Можно, наконец, перечитать все книги, до которых раньше не доходили руки. Можно исследовать корабль и провести несколько безопасных

экспериментов. Эдвин поднялся со своего кресла и распрямил затёкшие от долгого сидения члены. В одиночестве есть своя прелесть. Особенно, если знаешь, что все остальные просто спят, и если станет совсем невмоготу, можно разбудить хотя бы жену. Бражинский вспомнил, что в последний раз они занимались сексом ещё на Земле. Для этого у них никогда не хватало времени.

Эдвин бросил последний взгляд на мониторы и, убедившись, что никаких изменений нет, направился к двери в коридор. Он положил ладонь на сенсорную панель, но прошло несколько секунд, прежде чем она открылась. Странно, раньше она открывалась мгновенно. Капитан слегка замешкался, прежде чем попытаться выйти. Именно попытаться, потому что дверь неожиданно плавно захлопнулась перед его носом.

Это было уже совсем нехорошо. Бражинский понял, что ему нельзя покидать комнату управления кораблём, иначе он рискует не попасть обратно. Но как быть, если ему вдруг приспичит в туалет? Как назло именно это и случилось. Быть может всему виной был приступ внезапной паники, которую капитан тщательным образом душил внутри себя. Эдвин подождал ещё несколько минут и наконец, решился выйти. На этот раз дверь сработала, как обычно.

Бражинский шёл по коридору в уборную комнату, как вдруг почувствовал, как у него внезапно резко поднялась температура. Не хватало ещё заболеть. Это было бы последней каплей. Эдвин провёл рукою по лбу — рука мгновенно стала влажной от пота. Как-то это было ненормально. Внезапно капитан почувствовал, что ему нечем дышать и он схватился обеими руками за горло. Под потолком замигала ярко-красная лампочка — знак тревоги. Система выработки и подачи кислорода на несколько секунд вышла из строя. Бражинский уже посинел от нехватки воздуха, как вдруг всё обратно встало на свои места. Капитан с жадностью начал глотать свежий воздух и почувствовал, как по телу разливается долгожданная прохлада.

Ему резко расхотелось в туалет. Вместо этого он метнулся обратно в комнату управления. Дверь была распахнутой, что не соответствовало никаким нормам. Хотя какие к чёрту нормы на этом сумасшедшем, полностью неконтролируемом корабле.

Эдвин с опаской уставился на мониторы и тут же вздохнул с видимым облегчением. Система автонавигации работала, и курс по-прежнему держался на Айседору 3.

Бражинский устало опустил в кресло и погрузился в тревожные мысли. Корабль был практически неконтролируемым. Ту малость, которую мог сделать Бражинский, можно было даже не принимать во внимание. Он ни на что толком не мог повлиять. Зато подвергался огромной опасности в случае, если система жизнеобеспечения снова даст сбой. Ей хватит всего пару минут, чтобы капитан поджарился живьём или же задохнулся от нехватки воздуха. И его смерть будет совершенно бессмысленной.

Раз так, стоило ли ему рисковать и вести наблюдение за тем, что он не мог контролировать. Бражинский отвечал за безопасность корабля, однако в сложившейся ситуации он не мог брать на себя никакой ответственности за происходящее. Он уже и так наделал слишком много ошибок. Единственный разумный выход — присоединиться к остальной команде, чтобы всем вместе встретить свою судьбу.

Приняв решение, Бражинский не терял времени, и уже через час он, как и вся команда, был подключен к системе искусственного сохранения жизни. Датчик пробуждения должен был сработать, едва они достигнут Венеры на обратном пути домой. Слава Богу робот, следовавший за ними был настроен перепрограммировать корабль на возвращение обратно

на Землю после того, как системыотрегулируются. Или же пока их не подберёт какой-нибудь корабль Земли.

Успокоенный этой мыслью Эдвин Бражинский закрыл глаз и мгновенно погрузился в глубокий сон без сновидений. Всё это время покажется ему секундой. Или же они канут в вечность.

Интуиция редко подводила капитана. Всего через пятнадцать минут после того, как он заснул, система подачи кислорода дала сбой и кислород прекратил поступать на целые сорок минут. Этого было бы более чем достаточно. В течение этих сорока минут произошло ещё одно не менее страшное событие. Мониторы системы автонавигации дружно выключились, а когда на экранах снова появились признаки жизнедеятельности, система показывала курс, который значительно отличался от заданного. Корабль летел в другую галактику, практически в никуда.

— 2-

— Привет, Дельта, — весело сказал Кристансен, занимая своё рабочее место на контрольном пункте рядом с напарником. — Я вижу, ты ранняя пташка?

— Нет, это ты опоздал, — пробурчал Делайла Йорган, которого все называли Дельтой за патологическое увлечение разными шифрами и кодировками. В психиатрии такое явление нередко классифицировали как лёгкая форма шпиономании. Но у Дельты это было скорее своеобразным хобби.

— Я никогда не опаздываю. Меня с утра вызвали в центр и здорово пропесочили мозги.

— За тот несанкционированный вылет?

— За тот самый. А что мы могли сделать? Мы послали нейроблокиратор. Откуда мы могли знать, что у этого психа такая мощная защита.

— Надо сделать кого-то крайним. Промыть мозги. Забудь, этим всё и ограничится.

— Я уже забыл. Просто обидно. Ведь это полностью вина космопорта.

— Помни, как говорит доктор Каменева: мы — это единый целостный организм. И если болит сердце, страдает и печень.

— Дельта, когда ты найдёшь себе девушку? Психологи считают ненормальным, если человек более полугода не общается с противоположным полом.

— Когда девушки меняются каждые полгода, они тоже считают это ненормальным.

— Один-один, — рассмеялся Кристансен. — Мы — два психа, Дельта. Чем это ты страдаешь?

— Да так, пытаюсь разгадать одну древнюю комбинацию.

— Вручную? Система сделает это за минуту.

— В этом-то всё и дело. Вопрос в том, на что я сам гожусь. Поэтому я не встречаюсь с девушками, сделавшими генную пластику.

— Ты сноб.

— Я не говорил, что со мной легко.

— Мне лично наплевать, искусственная красота или натуральная, лишь бы в постели было хорошо.

— Здесь вопрос не внешности, а внутреннего мира девушки. Насколько она готова принять свои недостатки, также как и чужие. Насколько она сильна духом и склонна к постоянным чувствам.

— Довольно, философ. Посмотри на монитор, что это за гости?

— Где?

— В районе Венеры.

— А, это старый знакомый, — равнодушно сказал Дельта. — Две недели назад этот корабль был в районе Сатурна. Я просчитал траекторию полёта, его курс — Земля.

— Просчитал? Разве он не заявлен?

— Нет.

— Ты в своём уме, Дельта? — Кристансен чуть не плакал от досады. Только он выгреб от начальства за чужой промах, как тут на тебе. Незаявленная посадка. — Какого чёрта ты молчал?!!

— Ты тоже находился здесь эти две недели. Как и две другие смены. Так что не надо делать меня виноватым.

— Нас всех уволят и будут правы. Вдруг это недружественный корабль инопланетян?

— Тогда мы на пороге величайшего открытия в истории, — саркастически ухмыльнулся Дельта. — Инопланетяне существуют.

Кристансен заметно побледнел и покрылся потом. В следующую секунду он лихорадочно метнулся в сторону центрального монитора и дрожащими руками начал перебирать кнопки на панели управления.

— Где этот чёртов спутник?

— Успокойся, Крис. Это земной корабль. Наверное, какая-нибудь дальняя экспедиция. Все спят и поэтому не заявляют о своём прибытии. В графике их нет. Я проверял. Должны быть, возвращаются досрочно.

— Почему ты не сказал никому об этом?

— Мне в прошлый раз влетело за то, что я лезу не в своё дело. Доктор Каменев была здесь два дня назад и лично делала наблюдения. Куда уж мне простому смертному до их величайших умов.

— Она тебе нравится, олух. Готов поклясться жизнью.

— Эта старая карга?

— Она старше тебя на шесть лет. И явно не сторонница пластики. Ты уже занимался с ней виртуальным сексом?

— Ты извращенец. Что будем делать с этим кораблём?

— Думай сам, Дельта. У тебя право первой брачной ночи. Что за тип корабля?

— «Татум 146-С».

— Что? Их же давно сняли с полётов.

— Я читал, что это весьма неплохая модель. Новые модели мало отличаются от «Татумов», разве что больше наворотов.

— Там что-то произошло с одним из кораблей. Вышли из строя все системы, и корабль потерялся в космосе.

— Разве такое возможно? Неужели поблизости никого не оказалось?

— Так уж вышло. «Татум» ушёл на предельной скорости. Догонять его было бессмысленно. А ты же знаешь наши правила: если хоть одна система даёт сбой, все аналоги тут же подлежат замене. Никто не станет рисковать во второй раз. Непонятно откуда взялся этот «Татум»?

— Может это тот самый?

— Да ну тебя, — отмахнулся Кристансен. — Ещё тогда давали два процента из ста, что он погибнет в ближайшие несколько месяцев. Корабль был неуправляем. Действительно, должно быть это какая-то старая экспедиция. Может, у них что-то случилось. Типа бунта.

Поэтому они не заявили об отлёте.

— Заявили бы те, кто остался.

— Их сообщение пришло бы неделей раньше. — внезапно в голове Кристансена промелькнула тревожная мысль. — Дельта, свяжись-ка с эпидемиологическим центром. На всякий случай.

— Сначала нужно доложить Каменевой.

— Действуй, милашка. — Кристансен подарил Дельте одну из своих самых омерзительных улыбок, — Кстати, ты сканировал его номер?

— Сканировал. Он не значится в базе.

— И тебе не показалось это странным? Ты идиот.

— Показалось, — обиделся Дельта. — Просто тогда пришла доктор Каменева, и у меня из головы всё вылетело.

— Сексуальный голод деформировал твои мозги, Дельта. Запроси архив. Нет, погоди, я сам сделаю. Тебе нельзя доверять.

Кристансен переместился к боковой панели и начал перебрасывать данные с монитора для анализа в архив. Дельта стоял молча и переминался с ноги на ногу. Он был расстроен и весьма зол на Кристансена. Этот придурок всегда умел ловко выкрутиться и свалить вину на другого. Теперь все будут осуждать именно его, Дельту. Хотя есть ещё Кристансен и две другие смены, которые вообще ничего не заметили. И Дельта ничего не сумеет возразить, потому что, по правде говоря, Кристансен был абсолютно прав насчёт доктора Каменевой. И Дельта знал, что если не будет качать права, Кристансен оставит своё мнение при себе.

Внезапно раздался сигнал видеофона. Дельта вздрогнул от неожиданности. Кристансен нажал кнопку связи. Выражение лица у него при этом было довольно странным.

— Да, я знаю. Это наши данные. Я абсолютно уверен. Хорошо, мы вас ждём.

— В чём проблема? — спросил Дельта. Он стоял довольно далеко от видеофона, который был настроен на индивидуальное общение, поэтому не слышал, о чём говорил собеседник Кристансена.

— С ума сойти, Дельта. Это тот самый корабль. «Татум 146-С». Он вернулся.

— 3-

Эдвин Бражинский проснулся первым. Время пробуждения было задано системой для всех одинаково, однако Бражинский знал обо всём, что происходит больше других. Клубок этих тревожных мыслей придавал капитану особых сил, поэтому он практически сразу открыл глаза и словно не замечал симптомов восстановления функций организма.

Едва открылась крышка контейнера, Эдвин сделал глубокий вдох. Воздух был насыщен кислородом, а температура казалась нормальной. Впрочем, в его состоянии это было весьма трудно определить. Бражинский встал и, шатаясь, пошёл в комнату управления кораблём. Он бросил один-единственный взгляд в центральный иллюминатор, и опустился в кресло с чувством глубокого облегчения. Сразу за бортом красовалась Венера. А ещё чуть поодаль, он сумел рассмотреть Землю.

— Мы выжили, — прошептал он вслух и почувствовал, как по щеке пробежала слеза. — Мы сумели...

— Капитан, — раздался едва слышный голос у него за спиной. Эдвин обернулся и увидел Колина, с видимым трудом державшегося за соседнее кресло. Кто бы сомневался, что он тоже первым делом помчится сюда. — Капитан, где мы?

— Садись, Золянский. Ты сейчас свалишься на пол. Садись и посмотри вот на эту точку

на мониторе. — Эдвин приподнялся и ткнул пальцем на маленький синий кружок. — Это Земля. Мы будем там через четыре дня.

— Слава Богу! — по мертвенно-бледному лицу Колина разлился румянец. Он вздохнул с видимым облегчением и силы тут же покинули его. Голова его безжизненно откинулась на спинку кресла, и только глаза жили, блестели от радости. — У нас есть связь с Землёй.

— Полагаю что есть, мой мальчик, — ласково сказал капитан. — Я ещё не проверял.

— Проверьте, пожалуйста. Я хочу услышать всего одно слово.

— Услышишь. Через четыре дня ты её не только услышишь, но и обнимешь, — рассмеялся Бражинский и замолчал, увидев, что Золянский находится без сознания. — Надеюсь, она тебя дождалась.

Системы, похоже работали исправно. Эдвин настойчиво перебрал все кнопки на приборной панели, проверяя, как корабль выполняет команды. Только одна система, похоже, была расстроена. Часы на мониторе показывали какую-то бессмыслицу. Тоже творилось и с датой. Но это не столь важно. Главное, они смогут долететь.

Проверить состояние связи с планетой ему не пришлось: Земля связалась с ними сама. Весь космоцентр буквально стоял на ушах от радости. Более того, Эдвину сообщили, что им навстречу выслали корабль для подстраховки. Чтобы ни случилось, через четыре дня они будут дома.

Всё было хорошо...Однако Бражинского не покидало какое-то странное чувство. Как будто что-то не так. Земля разговаривала с ним как-то странно, в какой-то непривычной для них манере. Должно быть, там тоже были взволнованы тем, что произошло.

Бражинский слишком долго не видел обычных людей. Вероятнее всего, после приземления всю команду отправят на лечение к психиатру. Он бы и сам так сделал.

Немного погодя вся команда пришла в себя, и жизнь на корабле потихоньку начала восстанавливаться. В воздухе царила атмосфера радости и облегчения. Все уже ощущали себя дома.

Золянский был единственным, чья радость то и дело омрачалась беспокойством. Полёт был стабильным, так что команде особо не было чем заняться. Коллин перебрал все виртуальные книги, после чего зашвырнул панель выбора на диван и прислонился спиной к стене возле иллюминатора. Картина была однотипной. Одни звёзды, звёзды и звёзды кругом.

— Как мне надоели эти звёзды, — сказал он вслух.

Давид, который в этот момент слушал музыку, увидел, как его губы шевелятся и снял наушники.

— Чего тебе опять неймётся?

— Я всё думаю, думаю и понимаю, что это был мой последний полёт в космос.

— Струсил? Такое иногда бывает. Просто в жизни нужно быть готовым ко всему.

— К тому, что два года просто так выкинут из твоей жизни? Нет уж, спасибо. Я не готов дарить случаю самые драгоценные моменты моей судьбы.

— Да ждёт она тебя, Ромео. Куда она денется? Небось с ума сошла от беспокойства, пока мы плавали чёрт знает где. Представляешь, как она обрадуется, когда ты вернёшься? Хотел бы я оказаться на твоём месте той ночью, когда вы останетесь вдвоём впервые за всё это время.

— Думаешь, я буду ждать ночи? — улыбнулся Колин. — Нам бы только добраться до души.

— Вот послушаю я тебя, Золянский, и мне захочется жениться во второй раз. Не порти

меня, пожалуйста.

Коллин рассмеялся и отвернулся к иллюминатору. Давид снова одел наушники, но из-подтишка наблюдал за ним, как меняются черты его лица в зависимости от того, какие мысли посещали его голову.

Коллин представлял себе как увидит Лару, как сожмёт её в объятиях, как сорвёт с неё одежду и будет любить так, как она захочет. Она любит секс. А Колин любит её больше жизни. Он только теперь понял, как сильно её любит.

Интересно, сильно она изменилась за эти два года? Иногда люди меняются быстро, иногда не очень. Главное, чтобы она была прежней чуть наивной девчонкой, которая говорила, не подумав, и бросалась ему на шею каждый раз, когда чувствовала себя счастливой. Главное, чтобы она по-прежнему его любила.

Он так виноват перед ней за то, что заставил ждать. Он выкинёт к чёртовой матери её личную карточку. Что бы ни было в её жизни всё это время, он не собирается калечить свою любовь. Главное, чтобы она его ждала.

А если она его уже не ждёт?... Слишком больное было это если, чтобы дать на него вразумительный ответ... Ему хотелось верить, что она его всё-таки ждёт.

Между тем наступило время обеда. София как единственная женщина на корабле временно взяла на себя обязанности хозяйки стола и суежилась на кухне. Готовить она толком не умела, но сервировать стол из готовых блюд было вполне в её силах.

Эдвин Бражинский занимал себя тем, что изучал данные о полёте «Татума» с того момента, как робот починил его системы. Корабль благополучно достиг стабильной орбиты планеты под названием Уриил. Какой ещё Уриил? Эдвин даже не слышал о такой планете, однако записи выдавали именно эту информацию. Эдвин проследил траекторию полёта и запросил данные о расстоянии, которое им пришлось преодолеть. Цифры, которые он увидел на мониторе, едва укладывались в его голове.

Этого просто не может быть. Капитан запросил информацию о планете из базы данных и сделал собственные расчёты. Потом взглянул на дату, указанную на мониторе, и сравнил все эти цифры. В голове творилось бог знает что.

Эдвин глубоко вздохнул и долго не мог выдохнуть. К этой мысли нелегко было привыкнуть. Система функционировала нормально. Просто нелегко было поверить в то, что она выдавала. Но пока ещё существовала вероятность, что всё это нелепая ошибка. Бражинский ещё раз глубоко вздохнул и связался с Землёй.

Земля подтвердила, что система функционировала нормально. Теперь Бражинскому стало ясно, почему они все себя так странно ведут.

Нужно сообщить команде. Нужно предупредить, чтобы они успели хоть немного привыкнуть к этой мысли. Но как к такому можно привыкнуть... Даже ему, Эдвину Бражинскому, чья семья полностью находилась здесь, на борту, было нелегко. Но он капитан. Он должен взять себя в руки и проявить характер. Он всё-таки сделал своё дело и привёл корабль на Землю. Пусть даже спустя столько времени. Эдвин нажал кнопку коммуникатора и по личным каналам вызвал к себе Софию и Давида.

— Друзья мои, сейчас я обращаюсь к вам не как капитан, не как член команды, а просто как человек, как друг, с которым пришлось разделить тот нелёгкий путь, который мы проделали. Есть новость, хотя и не очень хорошая, но я обязан вам сообщить.

— Может, нам лучше дождаться Колина? — предложила София, стараясь выглядеть спокойной. — Это ведь касается всех нас?

— Да, это касается всех. Но Колина я не вызывал. Признаться, я боюсь ему говорить. Он ведёт себя так, что...словом, я не знаю, как ему это сказать.

— Но может вы нам скажете? — спросил Давид.

— Посмотрите на дату, которую выдаёт монитор.

— О господи, — воскликнула София, — это не ошибка?

— К сожалению, нет.

Три пары глаз испуганно уставились друг на друга. Каждый хотел что-то сказать, но в то же время, не о чем было говорить. Никто даже представить себе не мог, что такое может произойти. Но тем не менее оно произошло. И с этим придётся жить.

— Я думаю, — сказал Давид, — что нам пока не стоит ему об этом говорить.

— 4-

Четыре дня пролетели очень быстро. Корабль благополучно приземлился в космопорте, и вот уже вся команда оказалась на земле космодрома. Все четверо дружно подняли глаза к небу, наслаждаясь его голубизной. Столько лет не видеть Солнца, не дышать свежим воздухом, не чувствовать дуновения ветра обнажённой щекой...они радовались как дети. На какое-то время напряжение, сковывавшее их все четыре дня, отпустило, и стало легче дышать.

Земля, наконец-то они на родной планете и чувствуют под ногами твёрдую земную почву.

— Жаль, что вокруг нет птиц, — сказала София. — Мне хотелось бы услышать, как поют птицы. Или жужжат пчёлы. Хочу услышать запах цветка. Эдвин, подари мне букет.

— Вот вам цветы, госпожа Бражинская, — раздался за спиной тоненький голосок. София повернулась и увидела молоденького пилота, который протягивал ей букет хризантем. Она схватила его, как будто это были последние цветы в её жизни. Они так восхитительно пахли, что у неё закружилась голова.

Команду повели к выходу из космопорта. По дороге сопровождающий рассказал, что им предстоит несколько весьма нелёгких дней. Их обследуют врачи, психиатры и специалисты из центра искусственного сохранения жизни. После этого им предстоит две недели карантина, в течение которых все посещения посторонних лиц строго запрещены.

— Поэтому нас никто не встречает? — спросил Колин, который всю дорогу то и дело оглядывался по сторонам, ожидая увидеть Лару. Увидеть её хотя бы мельком. Только бы знать, что она его ждёт...Только бы узнать...

— Но это же несправедливо. Мы столько лет не видели своих близких, — продолжал Колин, не замечая, что доктор смотрит на него как-то странно. — Ну а видеосвязь, надеюсь, не запрещена? Или вы держите всё в секрете?

— Господин Золянский, кажется? Дело в том, что вы наверно не в курсе. Но мне почему-то сказали, что в курсе. — издалека начал сопровождающий, но тут же почувствовал, как его больно ткнули в бок.

— Колин никак не дождётся, чтобы увидеть свою невесту. Он очень её любит. — сказал Давид, сделав выразительные круглые глаза. — Мы не знали, как повлияет на его психику новость о том, что все контакты запрещены центром эпидемиологии. И поэтому пока ничего ему не говорили.

— Но это же глупо, — сказал Колин. Сопровождающий посмотрел на него с жалостью и покачал головой. — Я ведь не маленький ребёнок. Я всё понимаю.

Радость, вызванная возвращением на родную планету, была омрачена. Все члены

команды, не сговариваясь, шли молча, опустив глаза. На душе было неуютно, и у каждого были на то свои причины.

Коллин был заметно разочарован и обозлён. Им столько пришлось вынести, и теперь снова ждать. Снова оттягивался тот момент, когда он наконец увидит свою невесту.

Бражинский корил себя за то, что в своё время не сумел принять правильного решения. Хотя в глубине души понимал, что ничего другого никто и не сумел бы им предложить. Одна неточность потянула за собой череду случайных ошибок, которые вылились в итоге в огромный ком. Ничего не поделаешь, нужно жить дальше с тем, что у них есть на сегодняшний день.

София словно находилась в глубоком трансе. Её мучила совесть за то, что она завидовала Колину Золянскому и его возлюбленной куколке. Кто знает, быть может именно она накликала на них эту беду. Своей позорной недостойной завистью.

И только Давид внимательно смотрел по сторонам. Ему было интересно всё, что происходило вокруг. Он наблюдал, как ходят люди, как они улыбаются и кивают друг другу. Он так отвык от этого за долгие месяцы в космосе. Он вспоминал, как боялся, что больше никогда не увидит Землю. Хотя его на ней никто не ждал. Какой парадокс: его не ждали, а он всё равно вернулся и счастлив, просто потому что больше не один. На Земле миллиард людей, таких же как он, пусть даже их разделяет пропасть неизвестности. Главное, он не умер среди этих холодных звёзд, с которыми у него не было ничего общего.

Дни летели за днями. Каждый день они проходили множество тестов. Им кололи непонятные лекарства и то и дело с ними беседовали психиатры. Их поселили рядом: в одной комнате была семья Бражинских, а в другой Давид с Колином. Причём Давиду вначале предложили отдельное помещение, но он отказался и предпочёл соседство Колина. Всё-таки они теперь почти родные люди. Вряд ли на всей Земле сыщется кто-то родней.

Коллин чувствовал, как тревога растёт день ото дня. Он был в бешенстве оттого, что ему не позволяют связаться с Ларой. И недоумевал, почему она сама не пытается сделать это. Та Лара, которую он знал, готова была снести горы, чтобы добиться того, чего хочет.

— Скажите, может она сама не хочет со мной общаться? Пусть хотя бы свяжется со мной. Пусть скажет «отвали», наконец. — каждый день спрашивал Коллин докторов. — Скажите хоть что-нибудь. Она ведь моя невеста.

Но доктора молчали и подозрительно отводили глаза. Колину это казалось более чем странным. Он чувствовал, что происходит что-то непонятное, о чём ему никто не говорит. Коллин давно заметил, что ему уделяют более пристальное внимание, чем ко всем остальным. Когда он говорит, все опускают глаза. И стараются общаться на какие-нибудь отвлечённые темы. А его интересовало только одно — Лара. Но о ней все почему-то упрямо молчали.

Коллин не знал, что думать. Всё вокруг казалось ему странным. Всё было так непривычно, так непонятно, как будто мир стал другим. Люди носили непривычную одежду, какие-то странные причёски. И выглядели как-то по-другому. Тот краешек города, который он успел увидеть из окна аэромобиля, показался ему незнакомым. И в то же время были вещи, которые он узнавал, хотя и с трудом. Центр геологических исследований возле космопорта был всё тем же. И в тоже время всё вокруг изменилось до неузнаваемости.

Может, длительное пребывание в состоянии искусственного сна так сказалось на его психике. Или же он просто отвык от жизни на Земле. А что если Лара тоже покажется ему такой же чужой и странной, как и люди вокруг? Нет, он не готов был в это поверить.

Должно быть, ему действительно нужна помощь психиатра. А потом всё будет как прежде. Просто он отвык.

Было ещё кое что, что казалось ему непонятным. Среди людей, которые их посещали — а таких было немало: врачи, учёные из центра геологических исследований, космофизики, — не было ни одного знакомого лица. И язык, на котором они говорили, тоже был ему не сильно понятен. Слишком много слов, которые употреблялись не к месту, некоторые слова он вообще слышал впервые. У Колина складывалось впечатление, будто он сходит с ума.

Золянский с опаской поделился своими впечатлениями с Давидом. Тот отмахнулся и сказал, что это нормально. Глаза у него при этом стали такие грустные, что у Колина защемило сердце. Тяжёлое предчувствие не давало покоя.

— Я хочу видеть Лару. Пожалуйста, я хочу просто увидеть её...

— Я больше не могу так, Коллин, — неожиданно сказал Давид. — Просто не могу. Мы должны сказать тебе правду.

— Правду? — переспросил Коллин, и плечи его затряслись от мелкой дрожи, пробежавшей по всему его телу. — С ней что-то случилось?

— Я не знаю. Кол. И вряд ли кто-нибудь ответит на этот вопрос. Мне лучше позвать доктора.

— Ты несёшь чушь, — сухо бросил Коллин. — Почему все вокруг словно сговорились нести всякую чушь. И как долго нас будут держать в этом проклятом центре?.

Он развернулся и вышел из комнаты. Карантин, если он так назывался, распространялся на всю территорию центра искусственного сохранения сна. Так что команда могла свободно перемещаться в пределах центра. Но выходить в город было категорически запрещено. До этого дня Коллин практически не покидал своего этажа. Теперь он просто шёл куда глаза глядят, и глаза его при этом выражали пустоту.

В одном из коридоров он случайно задел проходящего мимо мужчину в белом костюме. Высокий, подтянутый, на вид около сорока. Его лицо показалось Колину смутно знакомым. Но присмотревшись повнимательнее, он понял, что вряд ли когда-нибудь сталкивался с этим человеком. Однако он был очень похож на кого-то, кого Коллин никак не мог вспомнить.

Мужчина в белом костюме приятно улыбнулся, очевидно, смущённый тем, как пристально Коллин смотрел ему в глаза. Должно быть, это выглядело очень неприлично, подумал Коллин.

— Простите, я не хотел вас смутить. Просто вы напомнили мне кого-то.

— Всё в порядке. Вы пациент?

— Наверное. Я сам не знаю, кто я. — сказал Коллин, глядя перед собой словно в никуда.

— Давайте я вас провожу.

— Не стоит.

— Думаю вам нужна помощь. Меня зовут Димарис Пирс.

— Надо же, — оживился Коллин. — Племянника моей невесты зовут точно так же. Ему уже наверное исполнилось десять. Кстати, вы напомнили мне его отца. Да, вы похожи на Арнольда. И, кстати, он вроде как тоже работает в этом центре.

О господи, подумал Димарис. Господи, да это же...

— Вы Коллин Золянский?

— Да. Но мы с вами раньше не встречались.

— Пойдемте, я отведу вас в вашу комнату. Вам не следует бродить по коридорам, Коллин.

Димарис взял Колина под локоть и решительно потянул за собой. Коллин не стал особо упираться.

— Слушайте, отсюда можно выйти?

— Можно, но пока этого делать не стоит.

— Я хочу увидеть свою невесту.

— Колин! Вам следует вернуться к себе. Я позову к вам отца.

— Какого отца. Мой отец давно умер. Я ведь ещё не совсем сошёл с ума.

— Я имел ввиду своего отца. Он ещё работает здесь.

— Подожди.

Коллин не заметил, как прокричал это слово практически на весь коридор. Он замолчал и уставился на Димариса одичавшими глазами. Ужасная догадка промелькнула в мозгу, однако мысль эта была настолько болезненной, что организм тут же отверг её, и Колин опять очутился в пучине недоумения. Таким его застал Давид, который уже битый час искал его по коридорам центра.

Давид обхватил Колина за плечи и развернул лицом к себе. Димарис помешкал минуту, словно раздумывая, вмешаться ему или нет, но, видимо, решил, что вряд ли здесь понадобится его помощь, и ушёл.

— Коллин, вернёмся обратно. С тобой хочет поговорить врач.

— Скажи мне, прошло ведь всего два года, Давид. Два года, правда?

— Нет, неправда. Прошло тридцать лет, Колин. Прости. Мы просто не знали, как тебе об этом сказать.

— 5-

— Привет, па, — сказал Димарис, заходя в кабинет к отцу. Арнольд поднял голову от книги, которую читал и приветливо кивнул сыну. За тридцать лет он довольно постарел, голова его изрядно поседела, но плечи по-прежнему были прямыми, а фигура подтянутой. В этом году ему стукнуло шестьдесят четыре.

Красавец, подумал про себя Димарис. От матери ему достались не совсем правильные черты лица и худоба. И хотя многие женщины считали его неотразимым, отец его был более привлекательным, даже в свои шестьдесят с хвостиком. Впрочем, как любящий сын он привык считать отца чуть ли не идеалом, и поэтому сознательно не замечал глубоких морщин, в которых спрятались некогда выразительные серые, а теперь выцветшие дымчатые глаза Арнольда.

— Я думал ты спешишь домой к жене и детям. — сказал Арнольд и отложил книгу в сторону.

— Могу сказать тебе тоже самое. — улыбнулся Димарис.

— Двое из моих детей здесь. А жена как умная женщина умеет ждать.

— Папа, ты знал, что «Татум 146-С» вернулся?

— Конечно, сынок. Я ведь пока ещё директор центра.

— Ты так спокойно об этом говоришь? Я ожидал, что ты встретишься с Колином.

— Я жду, когда наступит подходящее время. — Арнольд скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. — Может быть, он сам придёт ко мне.

— Я только что его видел.

— Он догадался, кто ты?

— Нет. Он даже не знает, какой сегодня день. Знаешь, о чём он меня попросил? Помочь ему выйти из центра, потому что хочет встретиться со своей невестой.

— Значит, он ещё не знает... Странно. Как-то глупо с точки зрения психиатрии.

— Ты собираешься говорить с ним?

— Позже. Я подумаю об этом. А ты ступай домой. И, кстати, захвати с собой сестру.

— Она до сих пор здесь?

Арнольд кивнул головой. Алиса обещала зайти перед уходом домой. Она всегда держала обещания, стало быть, она ещё здесь.

Димарис вышел из кабинета отца и стремительно зашагал в сторону центра обслуживания пациентов. Ему не надо было спрашивать, где сестра. Если она задерживалась, она всегда была в одном и том же месте. В маленькой отдалённой комнатке, куда пускали только по специальному разрешению. У докторов Пирс было это разрешение.

Алиса стояла у стеклянного контейнера и старательно делала вид, будто проверяет показания датчиков, контролирующих обеспечение жизни.

Алиса была весьма привлекательной. Высокая как мать, она не унаследовала её худобу и обладала приятными формами. Лицо её было красивым, но это был результат пластики, на которую её уговорила Мария.

Алиса была довольно покладистой, однако если она чего-то хотела, то умела быть упрямой. В свои двадцать семь с кусочком она не была замужем, хотя у брата в этом возрасте уже было двое детей.

Всему виной был мужчина, лежавший под стеклом контейнера. Димарис иногда ловил себя на мысли, что почти ненавидит этого субъекта, который лежит здесь почти столько же лет, сколько сейчас Алисе.

— Правда, он красивый? — Алиса задавала этот вопрос уже более сотни раз. Димариса это всегда раздражало.

— Он похож на труп. Тебе нравятся трупы?

— Интересно, какой он в жизни, этот Ярмолв? Кто он, и чем занимается? Не смотри на меня, как на сумасшедшую, Димарис. Я отдаю себе отчёт, что он фактически мёртв. Но ведь когда-нибудь он будет жить?

— Да, когда-нибудь. Когда настанет время. Его время. Не забывай, сестра, что он здоров. И лежит здесь, потому что ждёт её. Димарис указал на женщину, занимавшую второй контейнер. Лицо Алисы заметно омрачилось.

— Она такая страшная. Бледная как смерть. Что он в ней нашёл?

— Когда мы её разбудим, она станет очень красивой. А пока она такой же труп, как и он. Просто тело, без души и мыслей. Надеюсь, у тебя хватает мозгов, чтобы понять, что Ярмолв — это просто тело.

— Это не просто тело. Это человек, который умеет любить.

— Ты ведь его не знаешь.

— Я это чувствую, — просто сказала сестра. И глаза у неё при этом были серьёзные и чуточку грустные.

Димарису было непонятно это странное увлечение Алисы этим полуживым мужчиной. С одной стороны, сестра просто ещё не избавилась от детского романтизма, а с другой, разве каждый из нас не рисует в своих мечтах идеального для себя человека. И со временем этот идеал, не имея чётко заданных параметров, переносится на какого-нибудь живого человека, который сможет нас хоть чем-то удивить. И тогда мы говорим себе, что всю жизнь мечтали

и любили именно его. Если человек со временем разочаровывает нас, то идеальный образ отделяется от общей картины и остаётся жить как будто сам по себе, в наших мечтах и желаниях. Кто знает, почему Алиса выбрала для своего образа именно Ярмолова. Или же она срисовала свой образ именно с него?

Димарис пребывал в растерянности. Она не мог ничего сказать Алисе, однако стоило бы разъяснить ей кое-что. Ради неё самой. Она ведь даже не подозревала, кем был этот Ярмолов. И если бы знала, какими бы тогда были её чувства?

Арнольд попрощался с детьми и ещё долго сидел за своим столом, задумчиво сложив руки под подбородком. Мысли его были светлыми, но грустными. Он думал о сестре и о том, как она ждала этого момента. Ждала и надеялась, пока эта надежда не привела к тому, что имело место быть в настоящее время. К пустоте, которая кровавой раной зияла в душе Арнольда уже много лет. Он так привык к этой пустоте, что, к своему ужасу, почти смирился. И вот «Татум» вернулся. И вместе с ним вернулся ни о чём не подозревающий Колин, который теперь хотел увидеть свою невесту. Невесту, которую оставил накануне свадьбы, этим самым проложил между ними пропасть глубиной в тридцать лет.

Случайность, не более того. И эта случайность стоила его сестре так дорого.

Где-то там, в потаённых глубинках своего сердца Арнольд любил Колина, потому что привык считать его хорошим малым, который искренне любит его сестру. Где-то там, глубоко, он сочувствовал и жалел Колина. Но здесь, на поверхности, всё было покрыто болью и ненавистью, которую Арнольд пытался в себе душить. Он не был романтиком. Он просто любил сестру. И поэтому он не мог просто прийти к Коллину и рассказать ему обо всём, что произошло, пока он был затерян в космосе. Ему было тяжело и в то же время легко, будто с души свалился камень. Арнольд всё-таки дожил до этого дня.

На улице начало смеркаться. Арнольд с трудом заставил себя выйти из оцепенения и начал собираться домой. У него ведь тоже есть своя семья. Семья, которую он любит.

— Добрый вечер, — сказал Арнольд, едва за ним закрылась входная дверь. Дома было хорошо. Дома всегда пахло чем-то вкусным, сколько Арнольд себя помнил. Дома было уютно и тепло. Где бы он не находился, Арнольду всегда хотелось вернуться домой.

— Привет, па. — это был Алан, его младший сын. В этом году ему исполнится двадцать. — Я ждал тебя, но уже ухожу. У меня свидание.

— Ничего страшного, сынок. Увидимся завтра. Передай привет своей девушке.

— У меня новая девушка, папа. Ты её ещё не знаешь. — весьма нахально заявил сын. Он вырослел буквально на глазах. — До завтра.

Арнольд сбросил с себя верхнюю одежду и опустился на диван. Жена тихонько подошла сзади и обняла его за плечи.

— Добрый вечер, любимый. Ты сильно задержался. Алан долго тебя ждал.

— У меня был нелёгкий день, Мария, — ответил Арнольд, целуя её в губы. У этого поцелуя был вкус греха. Арнольд часто ощущал на губах этот привкус, но всё-таки не мог от неё отказаться. Он любил свою вторую жену. И не мог забыть первой.

Ольги не стало двадцать пять лет назад. Арнольд до сих пор ощущал эту потерю, но ничего не мог изменить. Мария была единственной, кто оказался рядом, кто разделил с ним боль. Она заботилась о его детях, вероятно, потому что не имела своих. Мария вошла в его жизнь незаметно, но прочно обосновалась в ней так, что ему некуда было деваться, кроме как полюбить её, жену своего двоюродного брата. И это был его грех.

Арнольд не смог искоренить в себе острое чувство вины, потому как подозревал, что

Мария полюбила его давно, ещё задолго до того, как умерла его первая жена. Арнольд мог дать ей то, чего не смог бы дать Виктор — детей. Больше всего на свете Мария хотела быть матерью, и весьма успешно справлялась с этой ролью. Алан был их общим ребёнком, но Мария никогда не ставила его выше других детей Арнольда. Наоборот, она была благодарна за то, что они пустили её в свою семью.

— Тебе нужно отдохнуть, дорогой. Хочешь, я сделаю тебе ванну?

— Хочу. Только не надо обращаться со мной, как будто я старик. Я просто устал, как обычно устают нормальные люди. — проворчал Арнольд.

Мария усмехнулась. Когда он ворчал, то действительно становился похожим на старика. Внезапно она кое-что вспомнила, отчего лицо её приобрело странное выражение. Когда она заговорила, голос её звучал напряжённо.

— Я слышала, что вернулся корабль. Тот самый, на котором был жених Лары.

— Это правда. Они уже две недели как на Земле.

— И ты ничего мне не говорил?! — изумлённо воскликнула жена. — Как ты мог.

— Мне нужно было подготовиться. К тому же до настоящего момента это была закрытая информация.

— Они живы? — спросила Мария. Арнольд утвердительно кивнул головой. — Какой ужас. То есть, я хотела сказать совсем не это. Просто тридцать лет прошло. Ты уже видел Колина?

— Нет, но завтра собираюсь поговорить с ним. Больше нельзя оттягивать.

— Ты собираешься сказать ему правду?

— Конечно. Всю правду. И даже ту, о которой ты не подозреваешь.

— Ему будет больно.

— Ему будет больно в любом случае. Он улетал на восемь месяцев, а вернулся через тридцать лет в совершенно чужой для него мир.

— Ты скажешь ему про Лару и Виктора? Я думаю, ему не стоит знать. Пусть он, как и все, считает её пропавшей без вести в другом полушарии.

— Ты и сама не знаешь, что на самом деле произошло, дорогая.

— Знаю. Виктор рассказал, прежде чем ушёл от меня. Он сказал, что будет вместе с ней. Что ей он нужнее, чем мне. А я должна сделать свой выбор.

— Какой выбор, Мария? Почему он так сказал? — Арнольд был не на шутку взволнован. Оказывается, в этом мире были вещи, о которых он не знал.

— Он знал о нас, Арнольд. Знал, что я люблю вас обоих, и не могу отпустить ни одного.

— Тогда ещё не было нас, Мария. Тогда моей женой была Ольга. И я любил её, а не тебя. Прости, если я тебя обидел.

— Но была ведь та ночь. Одна-единственная ночь, когда я изменила Виктору с тобой. Я понимаю, что ты всего-навсего меня пожалел. Но мне было так плохо, так одиноко. Я рассказала об этом Виктору, потому что хотела сделать ему больно. Из-за этого мы развелись тридцать два года назад. И это всегда стояло между нами, именно это, а не его измены.

— Почему ты молчала об этом, Мария? — обескуражено спросил Арнольд.

— Мне было больно его терять. Я не хотела потерять и тебя тоже.

— Но ты могла остановить его. Могла последовать за ним. Он ведь любил тебя.

— Просто я любила его недостаточно сильно. Не так как тебя. Ты отец моих детей. Виктор не мог дать мне этого. Сама жизнь сделала за нас этот выбор. Сначала ушёл он,

потом умерла Ольга. Но я полагаю, что он не в обиде. Ведь он сам выбрал Лару.

Арнольд долго смотрел на жену немигающим взглядом. Ещё некоторое время после того, как она замолчала, он не сводил с неё глаз, как будто видел впервые. Потом обнял и усадил к себе на колени. Мария никогда не была с ним до конца откровенной, впрочем, как и со всеми. Такой уж была она. Кто знает, сколько тайн ещё хранится в её непредсказуемом женском сердце. Но несмотря ни на что Арнольд любил её не меньше, чем час назад. В таком возрасте, как у них, любовью не разбрасываются, а принимают такой, какая она есть. Даже если бремя прошлых грехов заставляет друг дружку тихонько ненавидеть.

— 6-

Утро следующего дня выдалось невыносимо долгим. Арнольд едва высидел собрание докторов центра, прежде чем смог добраться до своего кабинета. Там он открыл потайной шкаф и достал оттуда одну из самых дорогих вещей в его жизни. Дневник Лары. Арнольд перечитывал его не раз. И каждый раз находил в нём вдохновение. Как будто сестра была рядом. Иногда ему даже казалось, что вот-вот откроется дверь и она влетит, подобно летней бабочке, и бросится ему на шею, как было в детстве.

Но эта вещь больше ему не принадлежит. Арнольд перевернул несколько страниц, раздумывая, стоит ли ему делать то, что он собирался делать. Это решение зависело только от него. Здесь он был полновластным хозяином. И Арнольд чётко осознавал, что, выворачивая душу Лары перед Колином, он подвергает последнего серьёзному испытанию. Но это необходимо было сделать. Прежде всего ради самой Лары.

Арнольд взял ещё несколько вещей и отправился в корпус, где находились космонавты. На этот раз Колин был один. Он никого не хотел видеть и настоял, чтобы ему дали отдельную комнату. Никто не захотел с ним спорить. Трудно спорить с человеком, который всё время молчит.

— Здравствуй, Колин, — поприветствовал его Арнольд, переступая порог его комнаты.

Коллин сидел на полу у окна, обхватив руками колени. Взгляд его был отстранённым. Арнольд внимательно рассматривал его, пытаясь сравнить его образ с тем, который он запечатлел в своей памяти. Кажется, он тогда он выглядел моложе. На щеках и лбу не было морщин. А теперь на висках и затылке щедро серебрилась седина.

Коллин выглядел весьма постаревшим. Арнольд бы весьма удивился, если бы узнал, что ещё вчера Колин был совсем молодым. За ночь он пережил сотню жизней. И теперь он пребывал в полной растерянности, пытаясь собрать картинку собственной жизни из тысячи неподходящих друг к другу кусочков. У него было масса вопросов, на которые он совсем не хотел слышать ответы.

— Ты узнаёшь меня, Колин? — спросил Арнольд и подошёл к нему поближе. Что-то в облике Колина его беспокоило. В его глазах читались отчаяние и страх. — Ты уже знаешь?

— Да, Арнольд. Я уже всё знаю.

— Ты хочешь задать мне какие-нибудь вопросы?

— Какое сегодня число?

— Второе ноября 2375 года. Я пришёл рассказать тебе кое-что.

— Не стоит.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что всё теперь не имеет смысла. Всё, к чему я стремился и так ждал — его просто больше нет.

— Димарис сказал мне, что ты хочешь увидеть Лару?

— Не хочу. — равнодушно прошептал Колин. — Думаю, ей это тоже не будет приятно.

— Как хочешь, — пожал плечами Арнольд. — Если тебе будет интересно, я захватил с собой видеофильм, снятый по книге, которую написала Лара.

— Лара стала писателем?

— Нет, не стала. У неё всего одна книга. Зато много лет назад эта книга была весьма популярна. А фильм и по сей день числится среди лучших. Посмотри, если будет время.

— Время — это то, чего у меня полно. Хочешь, поделюсь, Арнольд? — Колин саркастически усмехнулся. — Могу подарить целых тридцать лет.

— Здесь также её дневник. Она писала его, пока тебя ждала. До того момента, как все поняли, что это безнадежно. Посмотри фильм, потом прочитай дневник. Только сделай это именно в таком порядке.

— Зачем? — спросил Колин. Арнольд взглянул на него свысока, но именно в этот момент что-то внутри него надломилось и голос его зазвучал непривычно нежно.

— Затем, чтобы ты понял, что из себя представляет моя сестра.

Сказав это, Арнольд вышел, оставив Колина наедине с самим собой и обрывками далёкого прошлого. Для кого-то оно было далёким, а для Колина оно было буквально вчерашним днём. И это прошлое, из которого он планировал построить будущее, в настоящий момент ничего не стоило в руках обычного человека. Как могила, заброшенная и обветшавшая. Для Колина же это была мечта. Уже неживая, но ещё не до конца остывшая, и так тяжело, так нереально было поверить в то, что она уже умерла. И ничего с этим нельзя было поделать.

Коллин попытался сделать то, о чём ему говорил Арнольд. Он запустил фильм, но так и не смог его смотреть. Это было выше его сил. Он не мог, не хотел думать. Не хотел углубляться в чужие истории.

А вот дневник... Дневник он открыл очень бережно, словно он был из тончайшего хрусталя. И с опаской провёл пальцами по гладкой странице. С первых же слов дневника, Колин почувствовал, как по щекам заструились слёзы.

Слёзы радости. Это была его Лара. Он узнавал её в каждом слове, в каждом нелепом предложении. Он снова был с ней, снова любил, снова жил вместе с ней её жизнью. Когда Колин перевернул последнюю страницу, то почувствовал, что у него нет больше сил. Нет больше сил жить без неё.

И он начал читать всё с самого начала.

Арнольд заглянул к нему после обеда. Признаться, он очень волновался, ожидая увидеть, какую реакцию вызовет у Колина дневник откровений его невесты. Поймёт ли Колин её или осудит? Сейчас это был самый главный вопрос.

Коллин услышал, как дверь в комнату негромко распахнулась, а потом так же тихо вернулась на место. Арнольд стоял на пороге и в его глазах читался немой вопрос.

— Я никогда бы не подумал, что она так сильно меня любила, — сказал Колин, и в глазах его светилось какое-то особое чувство. Какая-то радость, восхищение, нежность. — Она так сильно меня любила, моя девочка. А я так и не смог этого понять.

Арнольд прислонился плечом к стене и стоял молча, глядя как Коллин медленно раскачивается из стороны в сторону, прижав к груди дневник Лары.

— Расскажи мне о ней. Что с ней стало дальше, когда она поняла, что я не вернусь? Она вышла замуж? У неё есть дети? Она счастлива? Я могу увидеть её хотя бы издалека?

— На все твои вопросы я отвечаю нет, Коллин.

— Почему?

— Потому что на них нет ответов.

— Разве с ней что-нибудь случилось? Что-то плохое?

— Этого я тоже не могу сказать. Ты так ничего и не понял. Но не расстраивайся, потому как этого не понял никто.

— Прекрати издеваться надо мной, Арнольд. — голос Колина напоминал рычание затравленного зверя. Напряжение последних недель скопилось в один огромный шар и готово было вот-вот вырваться наружу. Все только и делали, как что-то от него скрывали. Он этого больше не вынесет. — Почему ты ничего не хочешь о ней рассказать?

— Потому что мне неизвестна судьба твоей невесты, Коллин. И никому не известна. Будущее никто не может предсказать. А будущее Лары начнётся примерно через двадцать минут.

Арнольд посмотрел на часы и впервые за много лет улыбнулся по-настоящему счастливой улыбкой. Он искренне боялся, что не доживёт до этого момента. Но даже на закате дней судьба иногда бывает благосклонной.

— Одно могу сказать тебе наверняка, Коллин. Она так и не смогла поверить в то, что ты не вернёшься. Она ведь обещала тебя ждать.

Часть 3

Одно мгновение — и ты снова рядом.

2375 г.

Я не считала, сколько дней прошло с той ночи, когда мы с Арнольдом сидели на крыльце нашего с Колином дома и говорили о том, как много мы значим друг для друга. Мы действительно, одна большая любящая семья, один организм. И если убрать одну её часть, вырвать какой-то, пусть даже самый маленький по размерам орган, рана всё равно будет кровоточить. А когда кровь засохнет, то на её месте всё равно останется уродливый шрам.

Однако тем не менее у каждого из нас была своя жизнь. Своя маленькая ячейка общества, за которую каждый из нас несёт ответственность, и к которой каждый день спешит домой, чтобы ласкать и быть обласканным.

Только у меня её не было. По крайней мере на этой Земле. И сердце упрямо не желало с этим смириться. Я ждала Колина, а рана по-прежнему кровоточила и не пыталась рубцеваться. Потому что я сама этого не хотела. Но как и всему в этой жизни, даже самой жестокой боли приходит конец. Всегда и во всём есть выход. Пусть даже не самый лёгкий. Пусть даже такой, в основе которого лежит пусть призрачная, но надежда. Это ведь моя жизнь, и я сделала свой выбор. Надеюсь, вы не будете меня строго судить.

В тот день, когда я пришла в центр, солнце светило особенно ярко, как будто искушая меня и вызывая острое чувство тоски. Но надежда в моей душе была сильнее и жарче далёкого мёртвого солнца. Поэтому я просто зажмурила глаза.

— Одна минутка, всего одна. И вы снова придёте в себя, — сказала девушка в светло-бежевом костюме. — Не бойтесь, всё будет в порядке.

Я не боялась. Я верила, что всё будет хорошо. Прости меня, Арнольд.

Сейчас я закрою глаза, любимый. А когда открою, ты будешь рядом. Я ведь обещала тебя ждать.

И я закрыла глаза, чтобы погрузиться в глубокий сон, и внезапно почувствовала, как на всё тело буквально навалилась огромная тяжесть. Я потерялась ровно на три секунды, а после почувствовала, что не сплю. Кто-то звал меня по имени.

Я чувствовала такую усталость, словно пробежала несколько километров без остановки. Глазные веки не хотели подниматься, словно прилипли к глазам. Но сквозь ресницы я видела свет. Значит, нужно сделать усилие. Всего одно. Просто открыть глаза.

Веки мои задрожали, и, наконец, я смогла их разлепить. В комнате был полумрак, наверное специально, чтобы я не ослепла. Ещё некоторое время глаза мои привыкали к свету, а когда я наконец смогла различать окружающие меня предметы, первое, что я увидела, было лицо Колина, залитое слезами. Должно быть, это были слёзы радости, потому что губы его улыбались и что-то пытались мне сказать. Но я с трудом его слышала. Я открыла рот, чтобы спросить его о чём-то, но тут же закрыла его, потому что вместо слов оттуда вылетали ужасные неразборчивые звуки, похожие на мычание. Язык ворочался во рту с трудом. Всё тело словно онемело и отказывалось слушаться.

— Не переживайте, это нормальная реакция после искусственного сна, Лара. Через несколько часов вы почувствуете себя лучше. — это говорила какая-то женщина, стоявшая у изголовья моего контейнера, и которую я поначалу не заметила.

Я так много хотела сказать, так много задать вопросов... От огорчения я заплакала, с ужасом представляя как должно быть отвратительно выглядит моё онемевшее лицо.

— Можно, я заберу её и вынесу на свежий воздух. — спросил Коллин, и я заплакала ещё больше, услышав его голос, такой родной, такой долгожданный.

Женщина пожала плечами и кивнула.

— Думаю, отец не будет возражать.

Коллин осторожно вытащил моё тело из контейнера и положил мою голову себе на плечо. Не знаю, как после сна, но раньше я была довольно тяжёлой. Однако Колина, похоже, не составляло особого труда нести меня на руках. Куда, я пока не знала. Но мне было совершенно всё равно. Главное, он наконец-то был рядом.

У меня нет слов, чтобы описать, что я чувствовала в этот момент. И вряд ли какой-нибудь поэт или писатель-беллетрист сможет подобрать подходящие выражения. Я была счастлива, вот и всё. И казалось совершенно неважным, что тело моё напоминало набитый ватой кулёк. Сквозь рубашку я слышала, как бьётся сердце Колина — самое дорогое в этом мире сердце.

Он не говорил ни слова, пока нёс меня на руках до самого сада. Я видела этот сад и раньше, но у меня не было времени рассматривать его красоту. Да и не было в нём ничего особенного: трава, деревья, клумбы с цветами, крохотный водоём. Но сейчас этот сад казался мне раем. Потому что мой любимый был рядом, а я лежала у него на руках.

— Я люблю тебя, девочка моя, — прошептал Колин, целуя меня в висок. — Как же я тебя люблю.

Мне очень хотелось ответить ему. Рассказать как я скучала, пока его ждала. Но губы упрямо не слушались, теперь уже от волнения. Я заметила, что Колин немного изменился. В волосах появилась седина, а в уголках глаз прибавилось морщинок. Но самое главное, он смотрел на меня как-то по-другому. Что-то добавилось в его взгляде, что-то, похожее на восхищение и одновременно, я чувствовала, что Колин как будто стал увереннее и сильнее, словно ощущал себя хозяином всего вокруг. Словно мальчик внутри него вырос и превратился в мужчину. Мужчину, который умеет любить и умеет терять.

Мы чуть не потеряли друг друга. И оба теперь понимали, какую ценность представляет каждое мгновение, проведённое рядом, и как важно уметь это сохранить. Я вспомнила кое-что и прижала руку к груди. Нашупав то, что искала, я попыталась его достать.

— Что такое, Лара? — спросил Колин. — У тебя что-то болит?

Я покачала головой и наконец смогла вытащить наружу очень дорогую для меня вещь — разрешение на ребёнка, и протянула его Колину. Он взял его в руки, и лицо его озарилось той самой улыбкой, которую я обожала.

— Надеюсь, оно ещё действительно. Впрочем, какая к чёрту разница. Никто нам теперь не сможет помешать делать то, что мы хотим. А мы хотим иметь семью. Я всегда мечтал создать семью только с тобой. И мы сделаем малыша, как только тебя отпустят отсюда.

Я ещё не до конца осознавала всё, что происходило вокруг. Казалось, будто прошло действительно всего одно мгновение. Одно мгновение — и он снова рядом. Одно мгновение, длиною двадцать семь лет.

Я была счастлива и огорчена одновременно, когда узнала об этом. Всё-таки в глубине души я надеялась, что прошло всего пару лет. Я была вне себя от радости, когда узнала, что мой брат Арнольд ещё жив. Ведь могло пройти и больше, например, лет сто. И тогда я никогда бы не увидела его живым, и не смогла обнять.

И вот он сидит передо мной, седой и постаревший, а я по-прежнему молодая и красивая, и уже вполне могу двигаться и говорить. Но всё равно — он мой брат, любимый брат, и пусть прошло такое огромное количество лет, я счастлива, что теперь он рядом.

Мы сидели на кушетке в его кабинете, прижавшись друг к другу, совсем как в детстве или как тогда, когда я колебалась, делая свой выбор. Арнольд держал мои ладони в своих, и мне было так хорошо, так тепло и уютно. И снова хотелось плакать. Должно быть, за эти дни моя кожа перенасытилась солью, вытекавшей вместе со слезами из глаз.

— Прости меня, Арнольд. Я всё-таки это сделала. И спасибо за то, что не пытался тебя остановить.

— Я прочитал твой дневник, Лара. И многое понял. Тебе следовало издать его, а не свою книгу. Тогда ты бы вошла в историю... Хотя, ты и так вошла в историю. Третья поправка в законодательстве об искусственном сохранении жизни — поправка Лары Пирс. И хотя ещё никто ею не воспользовался, но она есть — как надежда для всех тех, кто мог бы оказаться на твоём месте.

— Это мой дневник. Я писала его для себя и своих близких, а не для того, чтобы в моей душе копался кто-то посторонний.

— Я читал его много раз. И понял, наконец, что такое свобода личности во взаимоотношениях. Я люблю тебя, и поэтому позволил тебе идти туда, куда позвало тебя сердце. Как сказал бы Виктор, это вылилось в цепочку случайных взаимосвязанных событий, которые привели к тому, что мы все сейчас находимся здесь.

— А где сейчас Виктор? Ты ни слова не сказал о нём. Надеюсь, у них с Марией всё хорошо.

— Виктор — это отдельный вопрос. И очень сложный. — сказал Арнольд. — Нам с тобой предстоит принять важное решение.

С этими словами Арнольд поднялся и подал мне руку. Мы пошли куда-то в соседнее помещение, где находилось множество контейнеров. Арнольд поддерживал меня, чтобы я не упала. Мы зашли в маленькую комнатку, показавшуюся мне знакомой. Там находилась женщина — теперь я знала, что это была Алиса, моя племянница.

Было странно сознавать, что она почти моя ровесница, ведь когда я последний раз видела её, а в моём сознании это было буквально позавчера, Алиса была ещё младенцем. Она приветливо кивнула и отошла в другой конец комнаты. Мне почему-то показалось, что в глазах её мелькнула боль. Должно быть, в её жизни есть свои тайны. И мне почему-то захотелось их узнать. Ведь она тоже была частью моей жизни.

Между тем Арнольд подвёл меня к контейнеру, в котором безмятежно спал мужчина. Лицо его было белым как бумага и абсолютно неподвижным, словно застывшая маска, но всё же было видно, что в жизни он был молод и красив. Приглядевшись повнимательней, я с изумлением узнала в нём Виктора.

— Почему он здесь? — спросила я Арнольда. — Он болен.

— Он абсолютно здоров. Виктор потребовал, чтобы его усыпили вместе с тобой, как твоего родственника. И разбудили, когда твоя судьба будет более или менее ясна.

— Но почему он сделал это? — я была искренне удивлена. Мне казалось, мы не настолько близки...

— Причин было много. По крайней мере тех, о которых он сам мне сказал.

— Я внимательно слушаю. — потребовала я.

— Во-первых, он хотел увидеть своими глазами, насколько он окажется прав в своих теориях, о которых писал в каком-то историческом труде. Во-вторых, он боялся, что корабль Колина не вернётся, и ты останешься в будущем совсем одна. А в-третьих... — Арнольд немного помешкал, прежде чем сказать, что в-третьих, и это показалось мне немного странным. — В-третьих, он хотел освободить Марию от себя.

— Освободить? В каком смысле?

— Она хотела детей, хотела нормальную семью, а он не мог ей этого дать.

— Он мог бы просто уйти от неё, — заметила я.

— Просто не получилось бы. Виктор понимал, что был для неё искушением, и Мария не могла с этим бороться, пока он рядом. Они бы сходились и расходились всё время. Виктор освободил её от этой участи, чтобы она смогла стать тем, кем хотела — матерью.

— Он очень любил её, — задумчиво сказала я и опустилась на кушетку. — И, насколько я его знаю, Виктор сам хотел быть отцом. Наверняка он надеялся, что в будущем люди не будут настолько категоричны, и воспримут его такого, как он есть, без его сумбурного прошлого.

— Возможно, — пробормотал Арнольд. — Сейчас закон стал более либеральным, с тех пор как численность населения на Земле уменьшилась. На втором полушарии практически не осталось людей.

— Но почему ты до сих пор не разбудил его, Арнольд? — недоумевающее спросила я.

— Всё не так просто.

— В чём дело?

— Ему нелегко будет узнать о том, что произошло за все эти годы.

— Есть то, о чём я не знаю?

— Есть, — грустно сказал Арнольд. — Мария теперь моя жена. И у нас с ней есть сын.

— Но как же Ольга?! — в ужасе воскликнула я. Семья моего брата была идеальной, и я представить себе не могла, что появится что-то или кто-то, кто сможет их разлучить.

— Через два года, после того как ты ушла, её не стало.

— Она умерла? Какой ужас... Она умерла, а меня не было рядом, чтобы поддержать тебя. Мне так стыдно, Арнольд. Мне так жаль.

— Это было двадцать пять лет назад. Для меня это огромный промежуток времени, Лара. Я уже успел позабыть, как это было больно. Мария была рядом. Теперь я люблю её. Думаю, Виктору будет тяжело об этом узнать.

Арнольд опустился рядом со мной на кушетку. Я взяла его за руку, которая показалась мне очень холодной. В этот момент к контейнеру подошла Алиса и стала проверять показания датчика. Было что-то особое в этом ритуале, в том, как Алиса двигалась и смотрела на пациента, лежащего в контейнере. Она положила руку на стекло на уровне его губ, словно пыталась их погладить. Алиса как будто не замечала, что мы с её отцом тоже находимся здесь.

— Ты предлагаешь оставить его так?

— Не знаю, — честно ответил Арнольд. — Ему в любом случае будет больно. Но лучше, если он не увидит это своими глазами.

— Ты предлагаешь отправить его в далёкое будущее, где не будет никого, кого бы он знал. Где он найдёт лишь подтверждение своей теории. Но что будет потом? По-моему ты совсем не понимаешь его, Арнольд.

— Ты предлагаешь разбудить его сейчас?

— Конечно. Именно сейчас. Он нам нужен, Арнольд, также как и мы ему. Всю свою жизнь мы с тобой были только вдвоём, и не пускали его в свой мирок. Виктор чувствовал себя чужим. А ему так хотелось чувствовать себя нужным. Сначала он остался без родителей, потом без возможности иметь детей, и, наконец, стал в тягость своей любимой. Он решил пойти за мной, потому что хотел верить, что нужен мне. Мы должны разбудить его и показать, что он нам нужен. Я собираюсь сказать ему об этом, когда ты его разбудишь.

— Есть ещё одна проблема, Лара. — в глазах Арнольда промелькнуло смешанное чувство смеха и чего-то похожего на грусть. — Я беспокоюсь, за свою дочь. Похоже, она к нему равнодушна.

— Но это же прекрасно, — воскликнула я и рассмеялась.

— Он её двоюродный дядя.

— Какая чушь, Арнольд. По сравнению с тридцатью годами, которые я провела без Коллина, живущая одной надеждой, а он болтался в космосе, ежеминутно рискуя умереть, это такая чушь! Быть может, Виктор ждал именно её, или она Виктора. Так что давай не будем им мешать.

Сказав это, я отошла в сторону и стала наблюдать за тем, как Арнольд подошёл к контейнеру и сказал что-то своей дочери. Лицо Алисы мгновенно озарилось такой радостью, что у меня стало легко и весело на душе. Мне захотелось вернуться к Коллину, поэтому я незаметно покинула комнату, в которой вот-вот должно произойти маленькое чудо.

Я шла и думала о том, что жизнь непредсказуемая штука. Никогда не знаешь, где находится конец, а где её начало. Где-то умирает любовь, а следом за ним рождается новое чувство. Где-то любовь живёт вечно, потому что ни за что не хочет умирать. Всё зависит от того, насколько у тебя крепка сила духа, и как глубока вера, живущая внутри тебя.

И самое главное, теперь я поняла, что когда веришь и ждёшь, когда не опускаешь руки, даже если кончается последняя надежда, судьба обязательно пойдёт тебе навстречу. Потому что всё в этом мире неслучайно. И каждого в конце пути ожидает свой приз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net